
Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2017

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ЕЛИШЕВ. В контексте «Большой Игры»	3
Лев КРИСТАПОВИЧ. О народной и либеральной интеллигенции	50
Виталий ДАРЕНСКИЙ. «Европейская» утопия Украины	107
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Юродивые себя ради	151
Сергей ЧЕЧАНИНОВ. Последнее оправдание революции	186

ПРОЗА

Валерий КОЖУШНЯН. Неизгладимый след сиротства. Отрывок из романа	20
Владимир ВЕЩУНОВ. Старуха и Лыжник. Рассказ	63
Константин ГНЕТНЁВ. Хозяйка урочища ветра. Рассказ	130
Василий ВОРОНОВ. Прозаические миниатюры	157
Николай КОНЯЕВ. Время поворота солнышка на лето. Рассказ	209

ПОЭЗИЯ

Глеб ГОРБОВСКИЙ. Во дни печали негасимой. Стихи.....	42
Владимир ЯКОВЛЕВ. Звезда моя дальняя. Стихи	101
Елена САПРЫКИНА. Сияет русская зима. Стихи	145
Олег ИГНАТЬЕВ. Заключение любви. Стихи	180
Анатолий НЕСТЕРОВ. Эхо юности былой. Стихи	216

РУССКИЙ МИР

Андрей СЕГЕДА. Части Русского мира	220
Павел ДМИТРИЕВ. Уже адыги это понимают	229

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Виктор САУЛКИН. Первая информационная война	232
--	-----

ЭКСПЕРТЫ

Михаил ГЕЛЬВАНОВСКИЙ. О состоянии государственного управления	248
Николай СОМИН. Границы возможного	253

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Фёдор ПАПАЯНИ. Украина: быть или не быть?	261
Валерий БУХВАЛОВ. К чему ведет толерантность	264
Валерий ФИЛИМОНОВ. Зловещие эксперименты	268
Василий СМИРНОВ. Ярмарка тщеславия	272

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анатолий АВРУТИН. Рыцарь русского образа	274
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	282
--	-----

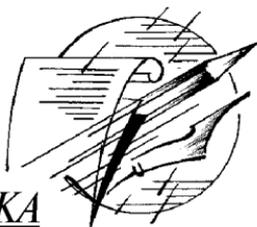
Сергей ЕЛИШЕВ,
кандидат социологических наук

В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

В настоящее время не вызывает сомнения, что события 1905—1907 годов, а также 1917 года в России были инспирированы в значительной степени извне. Они являлись своеобразным «проектом» и одним из эпизодов «Большой Игры», — глобального противостояния англосаксонского и Русского мира, продолжающегося с переменным успехом, начиная с начала XIX века по наши дни.

«Большой Игрой» представители англосаксонской политической и экономической элит называли политику сдерживания России во всех сферах её жизнедеятельности, стремясь на протяжении всего этого времени добиться расчленения и исчезновения нашего государства с политической карты мира.

Следует отметить, что сам термин «Большая Игра» является крайне распространённым в англосаксонской историографии и публицистике и гораздо менее употребляемым в нашей науке и публицистике. Впервые этот термин употребил офицер британской разведки Артур Конолли, но широкое распространение он получил благодаря известному бри-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

танскому писателю, певцу британской колониальной системы Редьярду Киплингу, популяризовавшему его в своем романе «Ким». «Большой Игрой» стали именовать различные аспекты противостояния между Великобританией и Российской Империей на всём протяжении XIX века вплоть до 1907 года.

Почему именно до 1907 года? 1907 год — год подписания Англо-русского соглашения (от 18 (31) августа) о разграничении сфер влияния в Азии, а также оформления Блока Антанты. Однако, анализируя ход последующих событий, можно с уверенностью сказать, что «Большая Игра» в 1907 году, естественно, не закончилась и продолжалась как в последующие 10 лет существования Российской империи, так и в советский и постсоветский периоды российской истории. Только после 1945 года ведущей державой англосаксонского мира стала уже не Великобритания, а США.

«Большая Игра» — это дипломатические, экономические, информационные войны и противоборства, вооруженные конфликты, операции спецслужб по противодействию и осуществлению государственных переворотов и различных «революционных» сценариев в различных государственных образованиях.

В основе «Большой Игры», как справедливо отметил М.Левонтьев, первоначально лежал страх англичан потерять колониальные владения в Индии — «жемчужине британской короны»: «Британия была просто уверена — Россия обладает таким могуществом, что в принципе не может не претендовать на Индию. Собственно, это и было единственным основанием британских страхов, временами доходящих до паранойи».

Яркими эпизодами «Большой Игры» являлись:

1) Дворцовый переворот 1801 года — убийство императора Павла I.

Убийство императора Павла I, осуществленное в результате заговора и государственного переворота, организованного англичанами и на деньги англичан в 1801 году, стало первым и наиболее заметным эпизодом начатой англосаксами против России «Большой Игры». Англичане были очень напуганы усилением России, ставшей восприниматься ими уже к концу XVIII века, наряду с Францией, как опасной конкуренткой в борьбе за мировую геополитическую гегемонию. Тот факт, что император Павел I одобрил идею Наполеона Бонапарта о совместном русско-французском сухопутном походе в Индию, а донские казаки выдвинулись по его распоряжению в сторону Оренбурга для его реализации,

заставил их оперативно изыскать средства, организовать из приближённых Павла I и гвардейских офицеров заговор и осуществить их руками физическое устранение враждебного Англии российского императора. Устранение Павла I являлось не только политическим убийством в результате хорошо спланированного заговора в его окружении, осуществлённого под руководством английских спецслужб. Оно в большей степени являлось именно государственным переворотом в силу того, что по результатам его Россия полностью изменила свой вектор внешней политики. Напуганный этим событием, император Александр I вынужден был, опасаясь разделить судьбу отца, отменить совместный с Францией поход в Индию, разорвать союзнические отношения с Францией, вступить на стороне англичан и в интересах Англии в череду «наполеоновских войн» и понести из-за этого большие разорения и потери.

Как говорил Наполеон об убийстве Павла I (по счастливой случайности выживший после одновременно с этим организованного на него англичанами покушения в Париже): «Они промахнулись по мне в Париже, но попали в Петербурге».

2) «Наполеоновские» войны (не отвечающие интересам России и принесшие нам множество бед, в отличие от насильно втянувшей в них нас Англии).

3) Декабрьский путч 1825 года. К сожалению, события 1825 года, особенно в советский период, были крайне мифологизированы. Стоит вспомнить, например, фильм «Звезда пленительного счастья». Путчистам, в силу совершённого их жёнами подвига, незаслуженно был придан своеобразный героический ореол, а сам путч именовался «восстанием». Между тем, как верно охарактеризовал его А.С. Грибоедов, активный участник «Большой Игры» с нашей стороны, лично знакомый с большинством «декабристов»: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России. Я говорил им, что они дураки». У Грибоедова не было особых сомнений, кто фактически использовал в своих целях «декабристов» для дестабилизации обстановки в России. В случае победы путчистов планируемые ими преобразования (реформа системы государственного управления, административно-территориальные преобразования, ликвидация профессиональной армии, не подготовленная надлежащим образом реформа по отмене крепостного права и др.), несомненно, вызвали бы масштабные и кровавые потрясения, сопоставимые с событиями 1905—1907 гг. или 1917—1921 гг., но только на сто лет раньше. Заинтересована в таком ходе событий была прежде всего Англия. Так и хочется переадре-

совать эти слова А.С. Грибоедова представителям «пятой колонны» из лагеря «либеральной интеллигенции».

4) Противостояние с Англией в Туркестане, на Кавказе, в иных регионах. Русско-персидские и русско-турецкие войны, Крымская война, Русско-японская война и другие. «Только когда все умрут, закончится «Большая Игра», — писал Редьярд Киплинг, характеризуя масштабность, долговременность и неразрешённость этого противостояния.

5) Кавказская война и события в Средней Азии и Туркестане — дестабилизация обстановки и поддержка сепаратистских движений на окраинах Российской империи (на Кавказе, в Польше, иных регионах). Как отмечал один из видных участников «Большой Игры», английский дипломат и публицист Дэвид Уркварт: «Сопrotивляясь России, кавказские народы оказывают бесценную услугу Англии и Европе. Если русская армия захватит Кавказ, уже никто и ничто не сможет остановить ее победную поступь дальше на юг, восток или запад и помешать царю стать полновластным хозяином в Азии и Европе. Черкесы являются стражами Азии».

6) Финансирование и организация в Российской империи «пятой колонны» (активная поддержка революционных, экстремистских и террористических организаций, тех же сепаратистских движений и оппозиционных англофильских сил). Как справедливо писал об этом И.А. Ильин: «Русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринёрской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...»

7) Революционные события 1905—1907 годов (старт которых был обусловлен желанием англосаксов не допустить победы России над Японией в Русско-японской войне 1904—1905 годов). В отличие от жестко прагматичных действий большевиков по захвату власти в 1917 году: захвата стратегических объектов в Петрограде, самого Петрограда, затем Москвы и иных российских городов с последующим распространением своей власти по всей стране революционеры в 1905 году придерживались совсем иной стратегии и тактики. Они явно не стремились взять полную власть, а хотели только полностью дестабилизировать ситуацию в стране. Обру-

шить рубль (финансовые аферы Л.Д. Троцкого и А.Л. Парвуса (И.Л. Гельфанда); посредством забастовок и организации беспорядков — парализовать всю транспортную систему и систему путей сообщений и связи (на начальной стадии событий, дабы не допустить переброски на Дальний Восток свежих армейских частей для разгрома Японии); поднять вооруженные мятежи на флоте (в местах его базирования, на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», дабы не допустить формирования и переброски к берегам Японии новой российской эскадры, и позднее — на крейсере Очаков); организовать беспорядки и мятежи в ключевых регионах Российской империи (например, в Москве, где революционные боевики, вооруженные лучше полицией и многих армейских подразделений, взяли под контроль район «Красной Пресни», при этом не стремясь захватить власть в самой Москве). Напуганный началом этих революционных событий, Николай II согласился на уговоры С.Ю. Витте и подписал позорный и невыгодный для России Портсмутский мир с Японией, полностью устраивающий англосаксов.

8) Первая мировая война, в которую Россия оказалась втянутой вопреки своим национальным интересам на стороне Англии и одержать победу в которой, благодаря спецслужбам Англии, готовившим в России Февральский переворот 1917 года — одну из первых в XX веке «цветных революций», а затем и последующих «революционных событий», мы оказались не в состоянии. Эта война нужна была Англии для решения своих геополитических проблем. Россия и Германия как ведущие континентальные государства Евразии стали с легкой руки основоположника британской школы геополитики Дж.Х. Маккиндера восприниматься как основные конкуренты Великобритании и англосаксонского мира в борьбе за геополитическую гегемонию. Поэтому в основе внешнеполитического курса Британии, взятого затем на вооружение США и блоком НАТО, на взгляд Дж.Х. Маккиндера, должно лежать стремление всеми силами не допускать возникновения русско-германского союза, как и усиления позиций России в странах Азии и Европы. Как этого достигнуть? Ответ был достаточно прост: столкнуть в кровопролитной войне друг с другом двух своих опасных конкурентов: Россию и Германию. А затем, предельно ослабив их, добиться осуществления своих стратегических целей и задач. Как показали события XX века, сделать это англосаксам удалось дважды: в 1914 и в 1941 годах.

По результатам Первой мировой войны с политической карты мира исчез ряд могущественных держав: Российская

империя, Германия, Австро-Венгрия, Турция. Возник новый расклад в системе международных отношений: США, наиболее выигравшие от участия в Первой мировой войне, вкупе с Англией, а также их союзницей Францией стали ведущими державами мира, кроющими политическую карту Европы по своему усмотрению. Очень точно сказал А.Е. Вандам: «Плохо иметь англосакса врагом, а еще хуже иметь его другом».

Кстати сказать, В.В. Путин дал верную оценку той войны: «Это забытая война. Забыта она понятно почему... Эту войну называли империалистической в советское время. Чем Вторая мировая война отличается от Первой, по сути, непонятно. Никакой разницы на самом деле нет, но я думаю, что замалчивали ее не потому, что ее обозвали империалистической, хотя речь шла прежде всего о геополитических интересах стран, вовлеченных в конфликт. Замалчивали ее совсем по другим причинам. Мы почти не задумываемся над тем, что произошло. Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества! Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, и замалчивали это, и несли на себе этот крест... Да ведь и цена какая была этого поражения! Что мы потеряли после того, как капитулировали! Огромные территории, огромные интересы страны были отданы, положены непонятно ради каких интересов, ради партийных интересов только одной группы, которая хотела стабилизировать свое положение у власти. Но время прошло, сейчас нужно вернуться к этому, потому что люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты».

9) Революция 1917 года. В организации революционных событий 1917 года чётко просматривается англосаксонский след. Февралю 1917 года предшествовало убийство в декабре 1916 года Г.А. Распутина. Кто бы как ни относился к личности этого человека, следует признать, что здесь было физическое устранение того, кто, благодаря своему воздействию на членов императорской семьи и самого императора, безусловно, отговорил бы его от войны. Заговор с целью убийства Г.А. Распутина, в котором участвовали члены императорской семьи, был организован и осуществлен британскими спецслужбами. Контрольный выстрел в голову Г.А. Распутину совершил офицер британской разведки. После этого

реализации первого «цветного» революционного сценария в России уже ничто не мешало.

Октябрьский же переворот 1917 года на практике был организован и осуществлён агентом англосаксонских спецслужб и ставленником американского капитала Л. Д. Троцким. Для чего? Для того чтобы уже начавшая трещать по швам Россия не могла получить положенных ей преференций от участия в Первой мировой войне. По имеющимся соглашениям между державами блока Антанты, в результате победы в войне с Германией, Австро-Венгрией и Турцией Россия претендовала и должна была получить Константинополь, черноморские проливы, а также еще некоторые территории. В этих соглашениях содержалось одно условие: если участник блока Антанты без согласия с союзными державами заключит сепаратный мир с противоположной стороной, он автоматически лишался всех возможных преференций. В этом контексте вполне понятно, почему приход к власти большевиков, стремящихся заключить сепаратный мир с Германией и отказывающихся от исполнения обязательств имперского правительства, был выгоден англосаксам. После заключения Брестского мира и акта национального предательства большевиков ради обретения власти, у остальных членов Антанты были развязаны руки в плане неисполнения имевшихся обязательств по отношению к России как государству, понесшему наиболее масштабные потери в этой войне.

Правда, как показали последующие события, В.И. Ленин обманул ожидания своих зарубежных «кураторов». Вместо того, чтобы стать временной, промежуточной фигурой, оказавшейся во главе расчленяемой на части России, он решил сам определить свою судьбу. Не стал уходящим «мавром», сделавшим своё дело, но активно принялся утверждать большевистскую власть, выходя за рамки отведённой ему роли и занявшись строительством первого в истории «государства рабочих и крестьян». Подобные действия с его стороны обусловили как последующее покушение на него, так и борьбу с большевиками иных «революционных» партий и организаций, полностью подконтрольных своим зарубежным спонсорам и кураторам.

10) Гражданская война в России. Не допустить возрождения сильной российской государственности, пусть и большевистского типа, англосаксы попытались посредством организации Гражданской войны в России (напомним, что активная её фаза началась с мятежа чехословацкого корпуса, подчиняющегося Антанте), а также интервенцией против Советской России. Англосаксонские политические и эко-

номические элиты, реализуя в отношении России «стратегию Анаконды», стремились отторгнуть от России её береговые пространства и расчленили на ряд мелких, подконтрольных им государственных образований.

Как явствовало в 1919 году из программы американского президента Вудро Вильсона (архив полковника Хауса, советника по национальной безопасности президента США В. Вильсона): «Россия слишком велика и однородна, её надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу русских народов».

11) Поддержка «внутрипартийной» оппозиции. Не добившись расчленения России по ходу Гражданской войны и интервенции, англосаксонские элиты сделали ставку на поддержку «внутрипартийной оппозиции» в СССР, противодействуя попыткам И.В. Сталина построить социализм в отдельно взятой стране. Осуществление на практике концепции «экспорта революции» лидера «внутрипартийной» оппозиции Л.Д. Троцкого, ставленника англосаксонских элит и спецслужб, закономерно привело бы к использованию российских ресурсов как базы для осуществления «перманентной революции», что в послевоенных условиях и состоянии разрухи неминуемо привело бы «первое государство рабочих и крестьян» к краху.

Однако в ходе внутрипартийной борьбы победил И.В. Сталин, добившись в 1929 году высылки Л.Д. Троцкого из СССР. Именно с 1929 года начинается единоличное правление И.В. Сталина в СССР. Придя к власти, он тут же взял курс на индустриализацию страны, превращение СССР в промышленно развитую державу — конкурента ведущих индустриальных стран Запада.

12) Привод к власти А.Гитлера. Привод к власти Гитлера являлся своеобразным геополитическим проектом англосаксонских политических и экономических элит. Этот проект вступил в активную фазу в 1929 году после поражения «внутрипартийной» оппозиции в СССР и высылки Л.Д. Троцкого из СССР на фоне разразившегося вслед за этим Всемирного экономического кризиса. К власти в Германии буквально за уши начинают вести политика — англофила и русофоба, который, оказавшись у руля, неминуемо должен будет начать войну с СССР, зримо превращающимся в могучую индустриально развитую державу — конкурента англосаксонских государств. И пусть этот политик заражён радикальными и фанатичными убеждениями, но он будет идти до конца и своими военными преступлениями надолго дискреди-

тирует образ Германии и её народа в глазах всего мирового сообщества.

Выходец из социальных низов, не гражданин Германии до 1932 года, фактически гастарбайтер-мигрант, «приходит» к власти в стране, где среди его конкурентов были весьма видные государственные и политические деятели Веймарской республики, превосходящие его на голову. «Приходит» для того, чтобы развязать войну, одержать окончательную победу в которой он будет не в состоянии, а уже потом от него можно легко избавиться. Например, посредством организации военного заговора и последующего устранения «мавра», сделавшего своё дело. В этом контексте становится понятным высказывание другого ставленника англосаксонского капитала — Л.Д. Троцкого: «Без Сталина не было бы Гитлера!».

Англофильскую и русофобскую ориентации Гитлера наглядно иллюстрируют следующие две его цитаты из «Майн камф»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду, в первую очередь, только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

«Англия представляет собою величайшую мировую державу», «союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе».

Именно благодаря поддержке англосаксонской элиты в Германии возник первый в мировой истории нацистский режим — правый вариант тоталитаризма. Следует также отметить, что нацистские проекты могут быть реализованы только при активной поддержке извне (например, то, что мы сейчас наблюдаем на Украине). В государствах, не находящихся под внешним управлением и обладающих всей полнотой государственного суверенитета, никто никогда к власти отморозков-нацистов не допустит.

13) Организация Второй мировой войны. Поставив А. Гитлера во главе Германии, страны англосаксонского мира и их союзники отдавали А. Гитлеру страну за страной, укрепляя мощь третьего рейха, максимально способствуя милитари-

защиты экономики Германии, а также продвижения границ третьего рейха к границам Советского Союза.

Адольф Гитлер, начиная с 1933 года до 1939 года на протяжении всех этих лет, несмотря на преследования евреев, цыган, инакомыслящих, многочисленные нарушения условий Версальского мирного договора, агрессивную внешнюю политику, преступления и свои нацистские убеждения, оставался вполне «рукопожатным» политиком для государственных и политических деятелей англосаксонского мира и их союзников. «Плохим парнем» он стал в 1939 году, когда попытался вести самостоятельный курс внешней политики, и им был подписан Советско-германский договор о ненападении, который подчиненные англосаксам СМИ окрестили «пактом Молотова—Риббентропа». Стремясь стать полноправным партнером англосаксонских держав, он невольно для себя вступил с ними в нежелательную для него конфронтацию, оптимальным выходом из которой, как ему нашептывали на ухо, являлось бы начало войны с СССР. Англофил А. Гитлер с его нацистскими убеждениями и русофобией слишком желал во все это поверить. Поэтому все-таки пошел на поводу у англосаксов и развязал 22 июня 1941 войну с Советским Союзом.

Интересно, как прокомментировали это событие некоторые видные представители англосаксонской элиты. Например, сенатор США, будущий президент США Гарри Трумен (в интервью газете «Нью-Йорк таймс» от 24 июня 1941 года): «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях». Рандольф Черчилль, сын Уинстона Черчилля: «Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мёртвым рядом».

22 июня 1941 года стало отправной точкой завершения геополитического проекта англосаксонской элиты под наименованием «Адольф Гитлер». Именно ради событий этого дня его буквально за уши привели к власти, укрепляли новую немецкую государственность, играли с ним «в поддавки» и толкали к осуществлению прописанной для него в сценарии Второй мировой войны роли «мавра» — агрессора. Не допустить к власти, остановить реализацию его агрессивных замыслов могли на протяжении многих лет, на любой из стадий. Но этого сделано не было. Когда же у него появилась боеспособная армия, сделать это стало сложнее, хотя свою роль в этом эпизоде «Большой Игры» он все же отыграл. Тем

не менее мужество и героизм русского народа и других народов СССР не позволили ни ему, ни англосаксонской элите оставить этот раунд «Большой Игры» за собой.

14) Холодная война. После уничтожения гитлеризма стартовал следующий раунд Большой Игры в виде всем известной холодной войны, которую многие ученые и публицисты называют Третьей мировой или Информационной войной.

Холодная война — состояние напряженной военно-политической конфронтации между СССР и странами Варшавского договора (1955 год), с одной стороны, и западными странами, блоком НАТО, с другой, в период с 1946 года до конца 1980-х годов.

С момента начала холодной войны американцами были разработаны стратегические планы ее ведения против СССР. Это был план директора ЦРУ Аллена Уэлша Даллеса (1893—1969) и теория «политики сдерживания» американского дипломата и политолога Джорджа Фроста Кеннана (1904—2005), разработанная им во второй половине 40-х годов XX века.

План А. Даллеса представлял собой план уничтожения Советского Союза изнутри через подрывную пропаганду и приход к власти либерально-демократической прозападной «пятой колонны». Этот план был осуществлен на практике в ходе холодной войны и «перестройки». Теория «политики сдерживания» Д. Кеннана в рамках атлантизма основывалась на предпосылках о необходимости наращивания военной мощи как гарантии ненападения со стороны СССР, а также невозможности достижения поставленных стратегических целей в противоборстве сверхдержав военным путём. В условиях наличия у СССР ядерного оружия (как мощного фактора сдерживания от взаимно гарантированного уничтожения друг друга в случае ядерного конфликта между сверхдержавами) Д. Кеннан предлагал посредством наращивания геэкономической и военной мощи ограничить и замкнуть в узком геополитическом и геэкономическом пространстве влияние СССР, доводя ситуацию до последующего краха СССР.

15) Расчленение СССР. В 1991 году в результате успешной реализации плана А. Даллеса и предательства высшего руководства государства был расчленен СССР. Он был расчленён на 15 искусственно созданных государственных образований по условно и произвольно очерченным административно-территориальным границам субъектов в составе СССР. Фактически это был преступный акт произвола со стороны группы высокопоставленных чиновников, сопоставимый с действиями «семибоярщины» в эпоху Смуты.

После расчленения СССР в России сложилась катастрофическая ситуация. Историческая Россия как страна оказалась разделённой между несколькими государствами. В настоящее время территории компактного проживания русских отнюдь не ограничиваются территорией Российской Федерации. Российская Федерация является всего лишь одним из ряда государственных образований, возникших после расчленения СССР. У русской нации нет своего собственного полноценного государства. Русский народ оказался в положении фактически «разделённой» нации. Во всех этих 15 государственных образованиях политические и экономические системы были взяты под жёсткий контроль англосаксонской элиты, поставившей следить за управлением этими территориями свою колониальную администрацию из бывших партократов, бюрократов и компрадорской буржуазии.

Оценивая последствия расчленения СССР, известный американский геополитик З.Бжезинский констатировал: «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы». При этом, как считает Бжезинский: «жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке».

Несмотря на фактически полный контроль за политической и экономической ситуацией в России, англосаксонские элиты планировали дать старт началу очередного «парада суверенитетов» по расчленению уже самой Российской Федерации.

16) Чеченские войны. На Северном Кавказе как неотъемлемой части исторической России с расчленением СССР разразилась череда межэтнических конфликтов и геноцид дудаевским режимом русского населения в Чечне. Англосаксонские политические элиты попытались превратить Северный Кавказ, и прежде всего Чечню и Дагестан, посредством организации первой и второй чеченских кампаний в тот регион, с которого должен был стартовать очередной «парад суверенитетов» — дальнейшее расчленение Российской Федерации на более мелкие государственные образования.

Как справедливо отметил в свое время Рамзан Кадыров: «Сегодня ни для кого не является секретом, что Советский

Союз расчленили вопреки воле народа. На Западе решили, что нельзя на этом останавливаться, — следует разжечь пожар локальной войны, который охватит всё новые регионы и приведет, как минимум, к ослаблению России, а возможно, и к ее развалу... Ставка делалась и на то, что, спровоцировав войну в Чечне, удастся придать ей характер межрелигиозного конфликта, вовлечь в нее регионы с мусульманским населением, а далее по цепочке вызвать массовые беспорядки в стране на межнациональной почве... Запад поставил задачу, а тогдашнее руководство России сознательно или неосознанно пошло у него на поводу и позволило придать локальному конфликту характер национальной трагедии. Да, это была трагедия общенационального масштаба для всей России... Сегодня весь мир видит, что не было в Чечне межрелигиозной войны. Была попытка начать процесс развала России. Чеченский народ огромной ценой, при поддержке руководства России, сорвал эти планы».

Северный Кавказ в целом, а Чечня в частности, снова стали одной из арен ведения против России «Большой Игры» со стороны англосаксонской элиты. Эти войны, а также попытки создания «Имарата Кавказ», являлись своеобразным сепаратистским геополитическим проектом англосаксов по организации новой Кавказской войны, дестабилизации обстановки в регионе и расчленению Российской Федерации. Когда же этот проект потерпел неудачу, «пятая колонна» в России снова попыталась его перезапустить посредством попыток организации очередной цветной революции, вбрасывания сепаратистских лозунгов «Хватит кормить Кавказ!» и, фактически, подспудным разжиганием межнациональной розни. Представители «пятой колонны», подчеркнуто отвергая очевидное, манипулируя фактами и не признавая того, что на Кавказе русское население в процентном соотношении составляет большинство, являются марионетками, способствующими реализации очередных планов англосаксов по сдерживанию и расчленению России.

17) «Цветные революции» на постсоветском пространстве. На протяжении 90-х годов XX века Российская Федерация как один из государственных осколков исторической России, конечно же, не обладала всей полнотой государственного суверенитета, находясь фактически под внешним управлением Вашингтона. С приходом к власти В.В. Путина ситуация в Российской Федерации начала меняться в лучшую сторону. Несмотря на значимое противодействие, он взял курс на обретение Россией всей полноты государственного суверенитета.

В.В. Путин покончил с «семибанкирщиной» — прямым олигархическим правлением в РФ. Взял курс на централизацию власти и укрепление государственности. Нормализовал обстановку в стране. Не допустил «парада суверенитетов» и реализации сценария дальнейшего расчленения РФ. Ликвидировал опасные очаги сепаратизма, решил «чеченскую проблему». Выплатил огромные государственные долги. Запустил евразийские, интеграционные процессы на территории постсоветского пространства. Поднял знамя борьбы за переход от однополярного мира к миру многополярному, сплотив вокруг РФ множество государств, недовольных американской, англосаксонской гегемонией в мире. Иными словами, возродил курс независимой внешней политики России. Поднял престиж РФ на международной арене. Укрепил армию, создав современные, мощные и боеспособные вооруженные силы. Добился воссоединения Крыма и Севастополя с РФ. Положил начало процессу воссоздания целостности исторической России. Поддерживает ДНР и ЛНР. Были созданы структуры, которые стали доводить до иностранных граждан альтернативную точку зрения. Например, «РТ».

Деятельность В.В. Путина в этих направлениях вызвала активное противодействие со стороны Запада и подконтрольных ему представителей «пятой колонны», стремящихся не допустить возрождения России, саботирующих многие решения президента. Ещё в 1996 году в одном из интервью Бжезинский отметил, что «если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником». На протяжении всех этих лет бескомпромиссной борьбой с англосаксами и «пятой колонной» за обретение РФ всей полноты государственного суверенитета англосаксы стремились не допустить развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве посредством организации в нём череды «цветных революций» (где удачных, а где и неудачных). Одновременно с этим шла подготовка к осуществлению подобного рода «цветного» революционного сценария и в самой Российской Федерации. Генеральной репетицией готовящегося к осуществлению в Российской Федерации очередного революционного сценария стал государственный переворот на Украине в 2014 году.

18) Война 2008 года и «принуждение» Грузии к миру. После осуществления одной из «цветных революций» на постсоветском пространстве (т.н. «революции роз») к власти в Грузии в 2004 году американцы привели своего очередного ставленника — М.Саакашвили. Последний стал предпринимать

все меры для того, чтобы не только исключить Грузию из интеграционных процессов на постсоветском пространстве, но и сделать её агрессивным проводником политики англосаксов в регионе. Создавая милитаризованное государство, М.Саакашвили приложил все усилия для того, чтобы сделать Грузию членом блока НАТО, а затем дестабилизировать ситуацию на Кавказе у российских границ.

Под предлогом восстановления территориальной целостности Грузии во время Олимпийских игр 2008 года он фактически «разморозил» два межнациональных конфликта в регионе (осетино-грузинский и грузино-абхазский). Однако целью агрессии режима Саакашвили стали не только осетинский и абхазский народы, но и Российская Федерация и русский народ. Проведя своеобразный «блицкриг» в Южной Осетии, а затем и в Абхазии, Саакашвили стремился поставить Российскую Федерацию перед свершившимся фактом захвата этих территорий, доказав «неспособность» Российской Федерации защитить своих союзников в регионе, а также «несовременность» и «небоееспособность» её армии. Поэтому объектом агрессии был выбран также и российский миротворческий батальон, мешавший реализации этих планов. Если бы они удались, была бы полностью дестабилизирована ситуация не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, а репутации Российской Федерации как сильного государства был бы нанесен непоправимый ущерб. Российская Федерация была вынуждена ходом событий начать операцию по «принуждению к миру» режима Саакашвили.

При этом характерно, что эти действия России были одобрительно восприняты как в самой России, так и в «незападном» мире, поскольку в них многие усмотрели возможный поворот-возвращение России к традиционной имперской политике защиты «малых» народов (осетин и абхазов) от притеснения их народами «средними», более крупными (грузинами). Абхазия и Южная Осетия как государства, пусть и всеми остальными непризнанные, по факту являются частью исторической России и Русского мира, развивая активные союзнические взаимоотношения с Российской Федерацией.

По ходу этого недолгого по времени конфликта западные государства активно поддерживали режим Саакашвили по дипломатической, политической, военной и экономической линиям. В западных СМИ разгорелась откровенно русофобская кампания, направленная на дискредитацию Российской Федерации в глазах западноевропейских обывателей. На государственных деятелей Российской Федерации и саму Российскую Федерацию были вылиты своеобразные потоки

лжи и искусно разжигаемой ненависти. Однако ни сам Саакашвили, ни его хозяева поставленных перед собой целей так и не достигли.

19) Государственный переворот 2014 года и последующая гражданская война на Украине. Особое внимание в процессе противодействия развитию интеграции на постсоветском пространстве англосаксы традиционно уделяли Украине. Как говорил З.Бжезинский, «без Украины Россия перестает быть евразийской империей». В 1999 году по случаю присвоения Бжезинскому звания почётного гражданина г. Львова он сказал также следующее: «Задание нашего американо-украинского совещательного комитета — перспективное планирование в отношениях США—Украина. Моя роль как лидера этого комитета сводится к тому, чтобы ещё глубже заниматься делами будущего развития Украины во имя интересов Америки. Важно то, чтобы Украина постоянно и последовательно шла на Запад, ибо если она этим будет пренебрегать и не определится как средневропейское государство, её будут втягивать в сферу влияния России. Новый мировой порядок при гегемонии США создаётся против России, за счёт России и на обломках России. Украина для нас — это форпост Запада....»

После осуществления под руководством США и их союзников государственного переворота на Украине в 2014 году и привода к власти нацистов Украина как государство затрещала по швам и к настоящему времени пребывает в состоянии перманентного хаоса, смуты и гражданской войны, выход из которых произойдет не так скоро.

На территории, пока ещё подконтрольной киевской хунте, при активной поддержке извне происходит создание очередного, третьего в мировой истории нацистского режима правого тоталитарного варианта (первым был нацистский режим в Германии, когда Гитлер буквально за уши был приведен к власти англосаксами. Вторым — режим Б.Муссолини в Италии, образца 1944 года, когда Гитлер вызволил Муссолини из тюрьмы и тот пытался создать при поддержке Германии нацистскую республику на территории Италии. Параллели происходящих на Украине событий с гитлеровской Германией более чем очевидны:

1. Приход, а вернее привод к власти нацистов при активной поддержке извне и активном финансировании из-за рубежа. Красочной и символической иллюстрацией этого являлась раздача печенок В.Нуланд на Майдане.

2. Преследование оппозиции. Запрет оппозиционных партий. Политика террора в отношении своих оппонентов.

3. Установление единой идеологии — украинизма. Запрет иных идеологий. Героизация украинского нацизма. Пропаганда этой идеологии в массах.

4. Легализация нацистских отрядов (т.н. «тербатов» и «нацбатов» — карательных батальонов, своеобразных «эскадронов смерти»).

5. Стремление развязать войну, втянув в неё Российскую Федерацию (она, дескать, всё спишет). Массовые военные преступления (в том числе и уничтожение пассажирского «Боинга»).

Но несмотря на данные сходства и исторические параллели, налицо и определённая разница сопоставляемых событий: в Германии не было вооружённого сопротивления нацистам. В Новороссии оно возникло. Речь идет о феномене «Русской весны». Стоит также отметить, что война в Новороссии в чем-то напоминает конфликт в Испании 1936—1939 гг.

Нацистский переворот на Украине по замыслу его организаторов должен был стать репетицией «майданного» сценария в самой Москве. Здесь долго готовился государственный переворот по тому же сценарию. Попытки его осуществления были предприняты в 2007 и 2011—2012 гг. Осуществлялись они по шаблону методички Джина Шарпа, привязываясь к очередным избирательным кампаниям по выборам депутатов Государственной думы и президента РФ.

Как писал и говорил в своё время император Александр III: «У России нет друзей. Нашей огромности бояться...», «У России есть только два союзника: её армия и флот». Учитывая бесконечную череду организованных и организуемых англосаксонскими спецслужбами государственных переворотов и «революций» во всём мире, в том числе и в России, актуально и необходимо последнюю фразу императора несколько перефразировать и дополнить: у России есть только три союзника: её армия, флот и спецслужбы. Как показывают события российской истории, от эффективной деятельности спецслужб напрямую зависит безопасность и благополучие нашего государства. И дай Бог, чтобы они предотвратили планируемую англосаксами последующую и явно не последнюю в этом случае «революцию» для России.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД СИРОТСТВА

(Отрывок из романа «Записки прохожего»)

Анатолия Сергеевича снова окутал серый туман. Из давнего прошлого всплыли картины. Опять поражала их чрезмерная детальность, но в то же время смущала непонятная личная сопричастность, а где-то и отстраненность от происходящих в этих видениях событий, подробностей жизни близко знакомых и чужих ему людей...

Коридор конторы был забит людьми. Все деревянные стулья и лавки были заняты. Некоторым не хватило мест, и они устроились на своих фанерных чемоданах, деревянных сундучках и просто на узлах с вещами. Иные опирались спинами и плечами на крашенные ядовито-зелёной краской панели. Стоял невнятный гомон многих голосов, в которые вплетались крики и плач детей. Ему было три года. В этот чужой, без запаха жилого духа дом, он пришел вместе с мамой и бабушкой. Из головы не выходило странное слово «вербовка», которое чаще всего здесь произносили взрослые люди. Малыш вырвался из маминых рук и стал бродить по запруженному народом коридору, а потом через некоторое время обессилел, присел у самой

ПРОЗА

стенки и затих. Его едва отыскали в этом людском бедламе. Мама подняла его на руки, стала целовать, у неё было мокрое лицо. Он старался отстраниться от неё. Потом мама торопливо передала его бабушке. В коридор вышел в примятом пиджаке серьёзный мужчина в круглых очках с бумагами в руках и стал громко что-то выкрикивать. Народ зашевелился, многие поднялись со своих мест и вытянули шеи в сторону человека, громко произносившего фамилии завербованных. Гул стал стихать, спадать начал и голос мужчины. Оказывается, назывались фамилии тех, кому с первой колонной машин предстояло отправляться в путь. Малыш уже давно понял, что мама уезжает. Он поначалу плакал и ни за что не хотел отпускать её руку. Но долгие проводы совсем утомили его, и малыш смирился с неизбежной разлукой. Мама в группе чужих людей пошла на выход. Когда они вышли во двор. Малыш потерял её из виду и заплакал: горько, отчаянно.

Вечером, накануне расставания с мамой, он невольно слушал её разговор с бабушкой по поводу какой-то вербовки на стройку. Он играл бумажными самолётками, которые сложили ему из тетрадных листов мамины братья — школьники. Мама часто пускала слёзы и что-то резкое говорила бабушке. Он понимал, речь идёт об отъезде, но никак не связал это обстоятельство с мамой и с собой. Разговор на молдавском языке вела бабушка, а мама — на русском. Странно, но малыш понимал обеих. В смысл беседы он не вникал, да по малолетству и не сумел бы это сделать, однако чувствовал всю серьёзность происходящего. Мама иногда всхлипывала, но отвечала громко, с вызовом, а бабушка почему-то виноватым с чужими интонациями голосом увещевала свою дочь не уезжать и не оставлять своего сыночка.

— И это ты мне говоришь?! — Мама сердито посмотрела на бабушку и продолжила: — Забыла, как ты нас бросила зимой 45-го?

— Дапы ши фа, граешть?! (Что ты говоришь?)

— А ты не помнишь? Может, напомнить тебе, как мы здесь чуть не пропали от голода и холода? Если бы не добрые люди... — И неожиданно снова заплакала.

— У то время мы могли бы совсем не встретиться, — перешла на русский язык бабушка. — Ты понимаешь, но нарошно мне говоришь... Я и без тебя натерпелась за те годы... Ладно, делай шо хочь! Малый останется у меня. — Она отвернулась от дочери и тайком промокнула концами головного платка глаза.

Давняя обида на мать не отпускала сердце молодой женщины. Понимала умом: родительница не могла поступить

тогда иначе, а вот сердце не мирилось с реальностью тех лет. Из-за отчима самой матери и всей семье грозил лагерь для врагов народа. Его арестовали и посадили в конце 1944 года, несколько месяцев спустя после освобождения Молдавии. Аня в то время подрабатывала у доктора. Мать никуда не брали на работу из-за ареста мужа. Карточки на семью отменили, как социально чуждым элементам. Перебивались, как могли. Подсобляли родственники — тетка Елена (она была старшей сестрой матери) и её муж, дядька Петро. После Нового года мать пристроилась уборщицей в сапожной артели инвалидов войны. Жила семья на самой окраине городка в какой-то полуразрушенной хате, хозяева которой сгинули в годы военного лихолетья. Слава Богу, крыша была цела да печь оказалась исправной, грела хорошо, и тепла от неё хватало на две уцелевшие комнатки, но зимой все они гуртовались в одной — в комнате возле главного очага. Только вот с дровами было худо. То, что успели запастись на зиму, почти израсходовали уже к Новому году, а ещё зимовать и зимовать им предстояло. Нынешняя зима выдалась шибко морозной. Дрова добывали, как и где могли. Уголь вообще ценился на вес золота. Доктор обещал помочь с топливом, но Аня стеснялась ему напоминать. Мать почти каждый вечер ходила по округе в поисках дров, рубила кое-где оставшиеся заборы, кусты и деревья, которые ей оказывались под силу. Иногда ей помогала Аня и братья — Толя и Саша — самого младшего Сережку всегда оставляли в хате. Добытых дров хватало едва на несколько дней. Голод, холод и полная неясность впереди очень изматывали обеих.

В тот злополучный день Аня, как всегда, утром ушла к семье доктора. Ей, как домработнице, предстояла грандиозная стирка и уборка комнат, приближался день рождения хозяйки. Надо было натаскать воды из колодца, который находился довольно далеко от дома доктора. Снег накануне выпал как никогда обильный: завалил весь городок, поля и окраины с частными хатами под самые окна. Однако хозяйка не разрешала Ане растапливать снег, считала воду из него непригодной даже для мытья полов. В ней жило неистребимое предубеждение против всяческих осадков. Не пепел ли немецких концлагерей тому виной? Кто знает...

Ночью ударил крепкий мороз, утром было не узнать улицы от обильного инея. Из-под ног редких прохожих раздавался скрип на всю округу. Небо выглядело уже бледным, однако ещё заметны были низкие звезды, блеск которых пригасила, как показалось Ане, февральская стужа. Казалось, она пронизала не только землю, но и недостижимую высь. Аня с трудом пробиралась по узким тропинкам. Одно спаса-

ло — одета она была по-зимнему: в добротных валенках, подаренных ей тёткой Еленой, в теплом платке и залатанном полушубке с чужого плеча. Жена доктора нашла эту одежду у себя в кладовке и сделала Ане подарок.

Девочка одолевала тяжкие мысли. Ей хотелось учиться в школе, проводить время со своими сверстниками, но чтобы выжить, надо было работать. Летом ей исполнилось 13, и она уже считала себя взрослой. У неё заметно уже выделялась грудь, и по-девичьи округлились бедра. Она многое замечала и стала понимать в жизни взрослых. Мать в последние дни вела себя очень странно: не шпыняла Аню почем зря и не упрекала за скудную еду, которую выдавал юной домработнице доктор, точнее, его жена. Требовать прибавки от своих хозяев, как настаивала мать, Аня не могла, ибо скрывала от них наличие своей многоротовой родовой.

Мать слонялась по хате странная, неузнаваемая какая-то: тихая, ласковая и улыбчивая. Такой Аня не видела её давно, ещё с того страшного 42-го, когда весной одна за другой умерли от странной болезни на почве голода две её сестрички-погодки — Валя и Таня. А через несколько месяцев родился Серёжка.

Некоторое время мать сидела за столом отрешённая, затем вдруг взяла, позавчера это было, на руки самого младшего — Серёжку — и стала ходить по комнате и баюкать его, напевая ему тихим голосом тягучие, печальные молдавские дойны. Серёжка счастливо улыбался да так и заснул у неё на руках.

В тот последний день Аня вернулась чуть раньше матери и сразу подбросила в печь немного дров, в хате становилось студёно. Вскоре заявила мать, слегка навеселе, да не с пустыми руками. Принесла, точнее, привезла на широких самодельных санках невиданно щедрые подарки: утиные головы, крылья и лапки, мешочек кукурузной муки, соль, глечик козьего молока, десять картошек, несколько цыбулин, головку чеснока, пару морковок и горсть сахара в бумажном кульке. Но, что важнее всех этих съестных даров, добыла она где-то мешок угля. Они еле заволокли его в хату. Но и это было не всё: вместе с главным топливом оказались на самодельных санках и вязанка хвороста, и огромный сноп сухих кукурузных стеблей. Ими очень удобно и экономно растапливать печь, они давали мгновенный жар. В этот момент не надо зевать, а сразу подкидывать помалу угля, тогда и топливо на розжиг сэкономишь, и время.

Мать, не откладывая, взялась за стряпню. Аня не удержалась и стала расспрашивать её, откуда такое богатство свалилось? Мать коротко ответила: «Заработала в сапожной, у дяди Лёни».

Аня не стала больше задавать вопросов и взялась помогать: почистила картошку и пару луковиц, одну морковку, а мать в угасающую печь добавила ещё несколько совков угля и немного хвороста. В хате стало веселее и светлее, хотя на столе горела керосиновая лампа, свету прибавил и огонь из открытого зева печи. Вместе общипали и ошмалили на открытом огне печи от пуха утиные головы и крылышки. Старый чугунок литров на пять редко доставался для варева, но этим вечером он был водружен на приступ печи и ожидал своего часа. Ребяшня крутилась тут же и голодными глазами наблюдала за действиями сестры и матери. Мать загнала их на печь, чтобы не мешали. Глиняный пол хаты был устлан соломой и сухим бурьяном, поверху накрытыми худыми домоткаными половиками. Но такая защита мало помогала. В крепкие морозы от глины тянуло холодом. Пацаны забрались на лежанку и, свесив головы, наблюдали за своими кормилицами. Мать, чтобы не канючили, налила по полчашки каждому козьего молока, сестра отломила от ковриги по малому кусочку из принесенного дневного заработка. Братья заморили червячка, согрелись и стали возиться на печи. Давно Аня не слышала детского смеха. Братья, не избалованные материнским присмотром и теплом, всё же оставались детьми — старшему было одиннадцать, среднему девятый шёл, а младшему и трех лет ещё не исполнилось. Кроме тепла от огня, им хотелось и душевного обогрева. Как раз его выпадало очень редко. В сущности, другой жизни они и не видели. На их детство, особенно в оккупацию, не много радостей выпадало. Младший, тот вообще родился во время войны и потому начал говорить только на молдавском языке и не всегда понимал, когда к нему обращались на русском. Это в своё время очень смешило и забавляло старших. Но годы жизни под врагом научили их кое-чему.

Аня относилась к матери с тем благоговейным трепетом, какой редко встречался у детей того времени в обыденной жизни. Пришло это чувство в июле 1941 года. В память её врезался эпизод их бегства от наступающих фашистов. Погрузились на каруцу, запряжённую двумя полуоглохшими лошадаками, прибывшимися к дому недели за две до эвакуации из разгромленной какой-то артиллерийской батареи — к великой радости отчима. Он всегда мечтал о собственном крепком хозяйстве, которое олицетворяло в его понимании наличие собственных лошадей. Захватили кое-какие домашние и носильные вещи, посуду, еду и подались вместе с другими беженцами на восток.

Только выехали в числе многочисленных горожан и сельчан за город на проселочную тряскую дорогу, как в безоблач-

ном небе, откуда ни возьмись, появились самолёты. Сначала они описали над ними круг, люди не особо всполошились, но когда самолёты с явно видными крестами зашли на бреющем полёте на эту пёструю колонну, в ней раздался крик ужаса. Отчим шёл рядом с лошаадьми, держал в руках вожжи. Каруца со всей семьёй находилась в самой гуще бестолково бредущих людей. Многие беженцы на тот момент не сразу поняли, какая на них движется беда. И в момент снижения самолётов среди людей началась паника. Люди с криками бросились врассыпную, норовя добежать к лесопосадке. Они с мамой так и сидели в каруце, просто некуда было деться из-за невероятной тесноты и толчеи. Поднялся страшный грохот разрывающихся бомб и работающих беспрерывно пулемётов. Колонна вмиг рассыпалась, всё вокруг перемешалось, им никак не удавалось спрыгнуть с каруцы и вырваться из этого огненного ада. Мать сидела в окружении детворы и кормила грудью младшую сестрёнку Таню. Аня помнила, как от страха зарылась в солому под домашние вещи, а братья и сестрёнка Валя вцепились в мать и жутко орали. Отчим что-то им кричал, слов было не разобрать, махал руками и затем, бросив вожжи, перепрыгивая через раненых и убитых, рванул к ближней лесополосе.

Мать кормила дочку и даже головы не подняла в небо. Когда схлынула первая волна воздушной атаки, Аня высунулась из-под вещей и стала оглядываться. Впереди и сзади что-то горело, слышны были крики и стоны раненых и умирающих, а лошадки тащили себе их каруцу размеренным шагом, ничуть не обращая внимания на разгром, обходя убитых и покалеченных авианалётчиков людей и домашнюю скотину. Отчима нигде не было видно. Вожжи волоклись по земле.

Мать сидела спиной к лошадям и тихо раскачивалась, убаюкивая Танюшку. Снова завывали самолёты. Они пошли на повторный круг. Первый самолёт с крестами спускался всё ниже и ниже, и Аня увидела лицо улыбающегося немецкого лётчика. И тут мать сделала, как показалось Ане, непростительную глупость: она подняла руку и стала тыкать дули навстречу надвигающейся смерти. Лётчик открыл рот: то ли закричал им что-то, то ли засмеялся. Самолёт пролетел над ними, не сделав ни одного выстрела. Аня стала в испуге дергать мать за юбку, та только отмахнулась. Следовавшие за первым самолёты, их было четыре, тоже не стали стрелять по их каруце, а пролетели вперёд разгромленной колонны, где скопилось много бестолково бегающих в панике людей. Заработали пулемёты. Мало кто из тех беженцев успел добежать до лесопосадки. Однако первый лётчик не стал охотить-

ся за другими людьми, а пошёл на третий заход. Аня с ужасом поняла, что они стали для него главной мишенью. Когда он приблизился, мать снова навстречу ему выставила дулю. Аня беспомощно закрыла глаза в ожидании выстрелов, но ничего не произошло. Мать засмеялась во весь голос. Аня, открыв глаза, успела заметить и реакцию лётчика, он тоже смеялся и что-то выкинул из своей прозрачной кабины. Когда всё стихло и самолёты улетели, мать приказала ей сбегать за узелком, сброшенным немецким лётчиком. Аня заупрямилась, но мать прикрикнула на неё, и девочка спрыгнула с каруцы. Лошадки остановились, впереди образовалось препятствие в виде горящей перевёрнутой чужой каруцы, вокруг валялись разбросанные вещи, трупы женщин, стариков, детей и лошадей. Ей стало до ужаса страшно. Ещё несколько минут назад эти люди были живые, а теперь лежали недвижимые в самых неестественных позах. Раненые громко кричали и звали на помощь. Аня, объятая животным страхом, как-то сразу нашла узелок и бегом вернулась к матери. Скорее всего лётчик использовал свой носовой платок для посылки. В нем оказались две плитки расколотого шоколада, патрон от крупнокалиберного пулемета и листовка. Груз был положен в узелок, дабы далеко не унесло странную посылку. Мать читать не умела, скомкала бумажку и выбросила, патрон положила рядом в сено, а шоколад поделила меж детьми. Себе оставила махонький кусочек и платок лётчика. Детвора не стала сразу съедать невиданную сладость, а попрятала свои куски по карманам. Аня по малолетству не сумела разгадать странный поступок немецкого лётчика. Мать на вопросы дочери не отвечала, только загадочно ухмылялась: мол, все уважают храбрых людей. Такую догадку матери она до конца своей жизни так и не смогла принять. Потом, спустя годы, поняла, что это был самый настоящий шок, который и толкает человека на невероятные поступки...

Появился откуда-то отчим, перепачканный землёй и чужой кровью, но целёхонький. Он виновато поглядывал на жену, на ослабленных от страха и крика детей. Поднял вожжи, натянул картуз по самые глаза и без всяких объяснений стал разворачивать лошадак обратно к дому. С тех самых пор Аня очень уважала мать и совсем перестала бояться отчима...

Евдокия прикрикнула на ребят, от их игры поднялась пыль. Впервые за много зимних дней семья в этот вечер наелась досыта. Вариво получилось знатное. Мать, не скупясь, добавила две горсти кукурузной муки в чугунок под конец готовки, надавила пару зубков чеснока, и получилась настоящая утиная густая зама (молдавский суп из птицы). После ужи-

на мать нагрела воды, выкупала в корыте всех ребят. Она щедро драила им головы бруском хозяйственного мыла, вычесывала вшей из давно не стриженных их голов и затем уложила сомлевших сыновей спать на печную лежанку. Перед сном Аня им обычно читала сказки Пушкина. Эту потрепанную, без обложки, книжку она отыскала осенью в другой, разрушенной, половине хаты. Мать хотела в наступившие холода пустить её на растопку, но Аня не дала. Ребята очень любили, когда сестра им читала на ночь сказки, даже малый Серёжка затихал, очарованный мелодией стихов. Они впадали в сладкое забытё и засыпали счастливыми, хотя бы во сне...

В доме было тепло, пахло утиной замой, дымком и почему-то снегом. Позже вымылись сами и легли на одну кровать, придвинутую ближе к боку разогретой печи. Аня заснула почти сразу, едва коснувшись подушки. Ночью сквозь сон слышала, как ворочалась мать и тяжело вздыхала, но не придала этому большого значения.

Римма Семёновна встретила домработницу любезно, но, как всегда казалось Ане, с некоторым холодком. Она постоянно была гладко причёсанной, с закрученной на затылке черной косой, лишь только спереди резко выделялась прядь седых волос. Сухощавое лицо оливкового цвета, темные понижающие глаза и тонкие нервные губы хозяйки часто ввергали Аню в необъяснимый трепет. Ей казалось, что Римма Семёновна ненавидит не только её, но и весь мир. Девочка чувствовала — это была застывшая, холодная, замешанная на глубоко спрятанном страхе ненависть, жуткая своей непоколебимостью и неисчерпаемостью. Сиреневая длинная кофта её свисала с плеч чуть ли не до колен, скрывая хилые, обвисшие груди. Она всегда ходила прямо, и Аня не могла припомнить, когда видела хозяйку наклоненной или согнутой. Девочка обычно робела, когда с ней заговаривала Римма Семёновна, а тут вообще растерялась.

— Ана, — именно так произносила её имя хозяйка дома, — ты правильно сделала, что пришла пораньше. Дел у нас много, уборку оставим на потом. Перво-наперво займёмся стиркой. Будем наполнять баки водой. А пока садись завтракать. — Римма Семёновна поставила перед Аней стакан чаю и блюдо с двумя печенюшками, бутербродом с повидлом и маленьким кусочком твёрдой брынзы. — Я вижу, ты замерзла, отогрейся хорошенько сначала...

Аня тихо поблагодарила хозяйку и принялась за чай. Две печенюшки незаметно положила в карман вязаной выдав-

шей виды кофточки для своих братьев. Люди в городе поговаривали, что семья доктора стала получать дополнительные пайки из какого-то международного комитета. В доме доктора всегда было сытно и тепло. От изразцовых печей (их было две — в зале и спальне, и плита на кухне) исходили волны горячего воздуха. Следил за обогревом в доме сосед — одноногий инвалид дядя Вася. Бывал он часто навеселе, не в меру балагурил, чем очень утомлял хозяйку, но дело своё знал хорошо. Аня быстро отогрелась и к завершению чаепития совсем сомлела. Римма Семёновна заметила состояние своей домработницы.

— Девочка моя, не выспалась?

Безэмоциональность и механическая ровность голоса хозяйки делали любой её вопрос утверждением. Аня отрицательно помотала головой и робко поднялась из-за стола. Римма Семёновна ей объяснила, где находятся санки с баком для доставки воды, выдала ей просторный полушубок, в нём сподручней таскать воду, и теплые рукавицы. Свою верхнюю одежду Аня оставила в кухне, переделалась в хозяйскую, и вышла на крыльцо. Морозный воздух после домашнего тепла, больно резанул ноздри и обжег губы. Аня надвинула на лоб до самых глаз теплый платок. Огляделась, ища санки. Заметила порожний бак, надежно прикрепленный верёвками к саням. «Наверное, дядя Вася постарался, — догадалась с благодарностью Аня. — Хороший он человек, и почему его хозяйка не любит?» Она вышла за калитку и пошла по тропинке к колодцу. Нашлись, видать, люди добрые, дорожку расчистили от снега. Аня боялась, что по глубокому снегу ей не под силу будет тащить бак с водой. А тут вот как хорошо получилось. Теперь она с этим важным делом справится быстро.

Первая ходка далась ей нелегко. И если бы не тётка, знакомая ей, тоже пришедшая за водой, Аня бы провозилась ещё дольше. Зимой воду доставать из колодца — нелёгкое дело, к тому же из такого глубокого, как этот, замучаешься ворот крутить. Тётка ей показала, как надо управляться с этим делом. Посоветовала полное ведро не набирать, дабы не расплескивать воду. Иначе вокруг колодезного оголовка образуется наледь, другим людям потом несподручно будет колодцем пользоваться. Да и бак не заполнять по самую макушку, разольётся водичка, тропинка катком станет. Аня учла этот совет и поняла, что быстро у неё не получится натаскать воды.

У крыльца её встретил дядя Вася. Он колот дрова, ловко крутясь на своей деревянной култышке. В расстегнутой фуфайке и в смешном треухе, без рукавиц, он с удалым уханьем раскалывал промерзшие чурбаки. Заметив Аню, вонзил то-

пор в колоду, и принялся помогать девчужке. Освободил бак от верёвок, взялся за ручку голой рукой и кивнул ей, мол, подмогни. Вдвоем они затащили ношу в сенцы. Там стояли ещё два пустых бака. Перелили в один из них воду, успешную схватиться ледяной коркой и вышли во двор. Хозяйка и носа не высунула. Видать, была занята другими делами.

— Так, дочка! Давай-ка мы вместях с тобой воды натаскаем нашей кровопийце, а дровишками опосля займусь.

Аня благодарно заулыбалась и закивала головой в знак согласия. Он смешно, не по-здешнему разговаривал, и это очень забавляло Аню. Она всегда была рада приходу истопника. Особенно смешили его поговорки да прибаутки, а в подпитии и срамные частушки. Зачин одной она хорошо запомнила: «Приходи ко мне за баню, я тебе оттарабаню...» Точный смысл этих строчек девочка не понимала, но чувствовала в них какой-то неприличный намёк. Римма Семёновна обзывала истопника в момент его распева дурацких песенок гоем и русаком неотёсанным. Это неприятно удивляло и обижало Аню, дядя Вася ей очень нравился. Правда, она не поняла значения слова «гой», но посчитала его за что-то нехорошее.

Инвалид поглядел на повеселевшую Аню, усмехнулся, стал крутить козью ножку из клочка газеты. Осторожно ссыпал махорку из ладони в узкое отверстие «ножки», чиркнул спичкой и задымил.

— Маленько перекурим с тобой, и двинем, — подмигнул Ане весело.

Девочка рассмеялась и ответила, что не курит. Дядя Вася пыхнул дымком:

— Оно и верно, мала ещё. — Помолчал, поглядел на небо, на низкое тусклое солнце и озабоченно заметил: — Торопиться нам надо. Вишь, как небо затягивает, да и мороз спадает. Не к добру это дело. Метель, однако, будет. Как пить дать, завертит.

Аня тоже огляделась, но ничего особенного не заметила. Правда, мороз и в самом деле уже не так жёгся. «Ну и что? Выдумщик дядька какой! Ну какая завируха может быть? Вон солнце на небе, никаких туч не видно. Выдумщик! Зато добрый».

Инвалид будто подслушал мысли девчужки.

— Вот у меня нога оторванная ноёт. Валяется где-то под Кировоградом моя сиротинушка. — Засмеялся и заговорщицки подмигнул Ане: — Не бойсь, девка, очередной наряд мы исполним. Всё будет сделано вовремя. Успеем...

— А как она может болеть, если нету ноги у вас, дядь Вася?

— Дак, полноги нет. Вот вторая и скучает по первой половинке перед непогодой. — Углядев округленные глаза девчужки, добавил: — Наш доктор Осипыч, однако, подтверж-

дает такое моё мракобесие, — подмигнул ей снова и поднялся с колоды. — Вперёд за трудовнями!

Воды они натаскали и вправду довольно быстро и даже сверх заказанной. Ещё и вёдра, какие были в доме, заполнили. Успел дядя Вася и запас дров сделать на случай метели. Не смотри, что без ноги, а хваткий мужик. Из сарая принёс два ведра угля и оставил в углу кухни: мало ли! Хозяйка ему доверяла и потому не сопротивлялась особо такой запасливости. Выдала истопнику положенную чекушку водки, полбуханки чёрного хлеба и кулёк крупы в придачу.

Как в воду глядел одноногий «метеоролог». К вечеру понеслось. Аня сидела возле кухонной плиты и доедала пшённую кашу с тушёнкой, которой угостила её Римма Семёновна. Сегодня она устала как никогда. Зато к скорым именинам хозяйки всё было готово. Аня была довольна. За день Римма Семёновна ей не сделала ни одного замечания. Домработница торопилась, наспех доела последние остатки, вымыла тарелку и ложку. Еду, её дневной зарботок, необычно сегодня щедрый, хозяйка заранее уложила в холщовый мешочек. Аня надела свою старенькую шубку с чужого плеча, повязала тёплый платок, взяла мешочек с едой, и уже было собралась на выход, когда на крыльце кто-то загромыхал ногами. Это вернулся хозяин с работы.

Доктор Константин Осипович ввалился в сенцы весь в снегу, и с порога запричитал:

— Риммочка, ты не представляешь, что делается на улице. Содом и Гоморра! Такая метель, что чертям, наверное, тошно!

— Кося, я тебе верю... Такой дурной ветер начал биться в окна, шо я подумала — опять кто-то наступает. Таки метель?!

— Не то слово! — Он заметил одетую к выходу Аню и погрозил толстым пальцем. — Никуда ты сегодня не пойдёшь, заблудишься! Такая мать, что руки своей не видно. Это ж на окраину города идти! Не пушу!

— Кося! Девочке надо возвращаться, мать её будет беспокоиться и может сдуру пойти искать свою дочь. Нам нужен такой гембель?

— Женщина! Ты с ума сошла! Посмотри в окно, что там делается! Это уму непостижимо. Никто никуда не пойдёт искать кого-то. Такую завируху я не видел лет десять, если не больше... У меня такое впечатление, что к нам ворвался Северный полюс. Всю жизнь перебаламутила эта война, даже погода скурвилась... Извини, Аня.

Римма Семёновна отдернула занавеску на кухонном окне и устала в заоконную темь. С улицы доносился дикий вой ветра, отдавался протяжными стонами в печных трубах. Порывы его вперемежку со снегом бились в стёкла с такой

силой, словно вся нечисть округи собрала свои полчища для уничтожения всего живого. Самое жуткое состояло в том, что невозможно было предугадать — какой же удар ветра может стать роковым, превратив уютное жилище в обледенелые обломки? Ожидание беды под дикий шабаш осатанелой природы обостряло чувство страха до предела. Душераздирающие звуки нездешнего бурана ввергали душу Ани в неопиcуемый ужас. Она заплакала. Изо всех сил пыталась унять нервную дрожь, но не сумела справиться с собой — наружу вырвались громкие рыдания. Переполошились и хозяева дома.

— Аня, успокойся! Римма, принеси бром и накапай в стакан. У девочки от страха случилась истерика. Не стой, давай быстрее!

Константин Осипович только сейчас понял, что он так и не снял с себя верхнюю одежду. Разделся, с кряхтением снял бурки, всунул ступни в комнатные тапки и приказал раздеться и Ане, затем кинулся отмерять успокоительные капли. Аня, всхлипывая, стала разоблачаться. Константин Осипович чуть не силой влил ей в рот лекарство, посадил на табурет и стал гладить по голове, успокаивая:

— Всё хорошо, никуда мы тебя не отпустим. Всё будет хорошо...

— Там мама осталась и братики мои, — сквозь всхлипывания и начавшуюся от переживаний икоту, проговорила Аня. — Я боюсь...

— Какие ещё братики? У тебя, в самом деле, братья есть? Маленькие?

— Да-а. Младшему три года-а... — снова зарыдала Аня.

— Почему ты раньше не сказала?! — Римма Семёновна возмущённо всплеснула руками.

— Бояла-а-сь, — сквозь прорвавшиеся рыдания, ответила девчушка.

— Вот тебе раз! Кого ты боялась? Нас, что ли?! — огорчённо допытывался и доктор.

— Не знаю-ю-ю...

— Ну, с вами не соскучишься! А ты почему не поговорила с ребёнком хотя бы раз по-человечески? — обернулся к супруге Константин Осипович. — А-а, ну тебя!

Римма Семёновна отвернулась, обидчиво поджав губы.

— Так, уважаемые женщины! Тебе, — ткнул пальцем в сторону Ани доктор, — прекратить истерику, утереть слёзы и успокоиться. Ничего страшного пока я не вижу. А вам, уважаемая Римма Семёновна, накормить мужа и всем сделать чаю. Лично мне — налить полстакана водки. Без неё тут с вами не разберешься.

Ане постелили в кухне на широком топчане возле ещё горячей плиты. Бром сделал своё дело, она успокоилась, а главное, поверила — мать осталась с братьями, и ничего страшного там не будет. На этой счастливой мысли она уснула крепким сном. Однако ночью ей снились какие-то жуткие картины, но более всего её во сне пугал плачущий голос маленького Серёжи, который звал почему-то не маму, а её — Аню. Глубокой ночью она сквозь сон слышала, как хозяин прошлепал в сенцы, зажурчала струя в стенки старого ведра, приспособленного под ночную посудину. Затем он тихо кашлянул, бесшумно прошёл к плите, звякнул кружкой, гулко сделал несколько глотков, и снова всё стихло. Аня вновь погрузилась в сонное забытие. Но она чувствовала, что хозяин почему-то из кухни не уходил. Сквозь сон Аня услышала прерывистое дыхание и сопение над самым своим лицом, затем почувствовала на своем бедре тяжёлую мужскую руку. На миг она онемела, хотела было вскочить с лежанки и закричать, но чужая рука удержала её. Аня стала молча отбиваться ногами от шарящей по её телу руки хозяина. Возник шум немой борьбы. Из спальни вдруг донесся голос Риммы Семёновны:

— Кося, ты где? И кто там шебуршится в сенях?

— Спи, дорогая. Это я попить воды выходил. Темно, ни черта не видно...

Хозяин убрал руку, склонился низко над Аней и зашептал: «Тихо, никому ни слова. Всё, забудь...»

Метель неистовствовала до самого утра и в завываниях этих девочке чудились плачущие голоса братьев и злой шипящий шёпот дяди Кости. Утром у неё разболелось сердце, но она никому ничего не сказала. Выглядела она уставшей. Константин Осипович внимательно, с едва заметной тревогой, наблюдал за состоянием домработницы. Не сболтнула бы с перепугу или от обиды о ночном происшествии... Выглядел он виноватым и потому излишне суетливым. Аня только раз подняла на него глаза, и он тут же поспешил предложить ей успокоительных капель. Метель не ослабевала. Доктор ушёл в комнату и оттуда звонил в больницу, решив отменить выход подчиненных на работу.

Сели завтракать. Аня, не поднимая глаз, пила чай, но есть отказалась. Она всё думала о чём-то тягостном, едва сдерживая слёзы. Константин Осипович после завтрака поспешил в комнату и снова стал звонить, на этот раз в милицию. Осведомился об обстановке в городе за сутки. Ему ответили, что особых происшествий не случилось.

— А есть ли, товарищ капитан, возможность у нашей милиции, — всё не унимался доктор, — проверить наличие жильцов в доме по определённом адресу?

На свой вопрос доктор, вероятно, получил отрицательный ответ. Он печально вздохнул, положил трубку и вышел в кухню.

— Аня, давай думать о хорошем, — обратился к девочке доктор. Он почему-то уверил себя в том, что Аня заспала ночной инцидент и, возможно, уже ничего не помнит. — Мама твоя не бросит в такую непогоду своих детей. Надеюсь, у неё хватит ума о тебе сильно не беспокоится. Она же знает, где ты находишься?

Аня утвердительно кивнула. Доктор погладил её по голове и стал приговаривать, как маленькой: «Ничего мы не боимся, никого мы не страшимся...» Аня испуганно отстранилась от его руки. Ни слова не говоря, пересела со своей лежанки к столу и стала бездумно следить сквозь открытую дверцу кухонной плиты за синими огоньками горящих углей. Она стала сама себя успокаивать, но сердце ныло и ныло, нагоняя мрачные мысли. В таком вялом и скучном ритме прошли ещё сутки. Ночью она просыпалась от малейшего звука и долго не могла уснуть. Днём Аня помогала хозяйке по дому, а потом, в часы отдыха, читала какие-то детские книжки про отважных пионеров, но в смысл прочитанного вникнуть не могла. Ей всё мерещился зов Серёжки...

— Дуся! Слушай сюда, — тоном одесских биндюжников обратился к уборщице цыганистого вида мужик, — тебе сегодня нужно уехать. Именно сегодня. Больше шансов не будет!

Он всегда приходил в артель одним из первых, хотя и позже уборщицы. Переодевался в черную куртку, поверх её цеплял кожаный негнувшийся фартук и садился за свой низкий рабочий стол. В сапожной уже было тепло. Евдокия успела растопить печку. «Лёнчик-фортуна» являлся бригадиром артели инвалидов, где уборщицей и подсобницей работала мать Ани. Артель состояла из пяти человек — мастеров сапожного дела — и размещалась в полуподвальном помещении уцелевшего двухэтажного каменного дома.

Бригадир очень походил на пирата из-за своей черной кожаной повязки на левом глазу. Точнее, глаза не было, впадину прикрывал черный кругляк. Свою кличку Леонид заработал в госпитале. Где-то на границе Польши и Белоруссии во время наступления наших войск получил ранение в голову и остался лежать на поле боя с полной потерей сознания, не подавая признаков жизни. Похоронная команда ещё не prošлась по этим местам. Так и лежал среди убитых, пока его случайно не обнаружил какой-то важный штабной офицер.

Приспичило тому по пути следования на передовую до ветру. Штабист пулей выскочил из машины, задрал шинель и

расстегивая на ходу ремень, ринулся в ближние кусты. Видать, тушёнка оказалось просроченной или повар что-то там не доварганил. Через минут пять, облегчившись, собрался было к машине возвращаться, когда услышал стон раненого. Огляделся и заметил рядом с убитыми в ложбинке Лёнчика с окровавленной головой. Парня отвезли в медсанбат. Водила штабного офицера всё не мог успокоиться, и всю дорогу до медсанбата, крутя баранку, повторял: «Чистая фортуна мужику, чистая фортуна». Штабист сильно раздражался на удивлённые взгляды своего придурковатого шофёра и резко обрывал его причитания: «Сам ты фортуна неотёсанная, повезло просто человеку. Понимаешь? Повезло! Если б не моя дрисня...»

Санитары медсанбата слышали причитания шофёра штабной машины да и лягнули врачам: куда, мол, нести эту «фортуну»? Так и приклеилась кличка к Лёнчику. Через пару месяцев списали его вчистую в тыл. Левый глаз вытек, пока Лёнчик без сознания лежал среди убитых. Оказалось, он — из штрафников. Кровью своей искупил вину, о которой Лёнчик ни перед кем не распространялся. Заслужил прощение Родины сражаться далее в действующих войсках, но по инвалидности был отправлен в тыл. Подался одноглазый бывший штрафник после излечения в южные края. Писали ему в госпиталь из российской глубинки знакомые, что родня его куда-то запропастилась, никто из деревни толком не знает куда. Изба их стоит заколоченная. Огорчился и затосковал бывший боец, затем понял, куда родные делись. Жива его семья или нет, так и не узнал. Не у кого было. Собрался ехать в освобождённую Одессу, ближе к морю, сосед по госпитальной койке, бывший морячок, с которым скорешились крепко, приглашал. Да ушёл он после выздоровления на фронт. Вот Лёнчик и решил перекантоваться пока в Молдавию, тут и до Одессы недалеко, как лето настанет — уедет. Даст Бог, матросик в живых останется, найдёт Лёнчик его в Одессе. По крайней мере, родных своего корешка отыщет. Адресок ему морячок на прощание оставил. Фронтовая дружба — дело серьёзное, да и умелые руки везде нужны.

— А куда детей мне девать? — отозвалась на приказы бригадира Евдокия. — Не знаешь? Дак и не советуй.

— Вот баба-дура! Который день ей толкую: возьмут вас не сегодня-завтра в оборот и отправят в разные лагерья. Вот тогда и вспомнишь меня.

— Може, брешут люди? — с тревожной надеждой в голосе откликнулась Евдокия. — Какие ж враги дети, а?

— Тьфу в твою дышло кобылицы мать! Сегодня пока не до тебя, а через пару месяцев война кончится, начнут наво-

дить порядки в стране. Вот и до вас доберутся и спросят: как вы тут на оккупированной территории вели себя? Ясно как! Ты же супруга врага народа! Значит, тебя и твоё семя — под корень! Я тебе что наемни толковывал? Тикать тебе надо! Муж-то твой уже в Воркуте... Короче, в обед поедет полуторка с будкой в Тирасполь с рабочими на восстановление какого-то завода. Людей не хватает. Поедешь с ними. Больше вариантов уехать в другой город у тебя не будет. Кажется, им нужна стряпуха. Сначала кирпичи придется таскать, потом кашеварить доверят, зато там и паспорт получишь, и никто спрашивать тебя не будет — кто ты и что ты? Фамилию назовешь девичью. Поняла? Стройка она и есть стройка, люди нужны позарез. Насчёт тебя я уже столковался с одним хмырём. Он у них за старшего по набору людей. Пацанов покормила?

— Дак спали ещё... Сами потом найдут.

— Дусик, ей-богу, ты меня удивляешь... Бросай на хрен свой веник и швабру и дуй до хаты! Сделай всё, как я тебя учил. Аньке твоей я опосля всё расскажу и втолкую. Она у тебя девка сообразительная, поймёт. Детей твоих, возможно, придётся определить в детский дом. Анька ещё сама малая, не оставят ей ребят. Да и фамилия у ней другая... Ребятне лучше там будет, чем в лагере... Давай, не медли.

Евдокия утерла слёзы и поняла — назад ходу нет. «Лёнчик-фортуна» прав, детский дом лучше. Об этом она думала всю неделю и всё не могла решиться на последний, возможно, безвозвратный шаг. Только она вступила на порог, её окликнул бригадир.

— Прихвати свои бабские тряпки в узелок да накинь ещё чего сверху своей фуфайки. В кузове холодно ехать будет. Через час чтоб была в артели. Ждать будешь здесь. За тобой придёт человек. Машина может и раньше уйти, бояться непогоды. Погоди! Вот пару банок тебе тушёнки. Ненашенская, видать, от союзников. Один вояка подкинул. Откроешь банки, пацаны сами не справятся, и переложить в кастрюльку или чугунок. Не скиснет. Ну, с Богом!

Она благодарно кивнула и поспешила на выход. До окраины скоро не доберётся по такому снегу.

Сыновья спали, угретые теплом. Печь ещё была горячей. Евдокия подсыпала щедро угля, открыла чуть больше печную заслонку, чтоб не угорели. Разогрела еду, оставшуюся от вчерашнего сытого ужина. Открыла банки с тушёнкой, переложила в маленький казанок, накрыла крышкой и пристроила посудину на подоконнике, здесь всегда стоял холод. Детвора никак не просыпалась. Присела на табурет и тихо

завыла — страшно и отчаянно. Проснулся старший — Толя. Испуганно с печки уставился на плачущую мать:

— Мамка, ты зачем плачешь?

Евдокия поспешно утёрла лицо концами головного платками и велела спуститься к ней. Малый послушно сполз с печи. Она подсунула опорки, чтоб босиком не стоял на глиняном полу, и стала показывать и рассказывать, что ему надо делать. Покормить всех, но еду расходовать экономно. За печкой следить внимательно и не забывать про заслонку, иначе угорите все. Главное — на входную дверь изнутри крючок накинута и сидеть тихо. Поганое ведро выставить в сенцы, на улицу не выходить. Открывать только Ане. Объяснила, что ей надо ехать в другой город, выяснить насчет их отца. Приедет через три-четыре дня. Ане скажешь, мол, чтоб никуда и ни к кому не ходила и не выясняла, куда она уехала. Так надо!

Поспешно собрала узелок, надела поверх фуфайки мужнино пальто, перекрестила хату и сынка, поцеловала его на прощание и подалась на выход. Обернулась на пороге, Толя стоял посреди комнаты и беззвучно плакал. Почуял своим маленьким сердцем неладное.

Вышла, подождала, пока сынок набросит дверной крючок, огляделась. Из сугроба торчала палка, оказалось — обломанный черенок лопаты, выгребла его из-под снега, подпёрла им дверь снаружи. Больше Евдокию никто не видел.

Метель, редкая для этих мест, утихомирилась на третьи сутки. Ранним утром Аня почти бегом спешила к своей хате. Мороз уже не так щипал щёки, дышать стало легче. Но она задыхалась не от бега и холода, а больше от страха за братьев и мать. Аня едва узнавала округу. Снега намело столько, что к окраине ей пришлось пробиваться почти по пояс в снегу. Там, где начинался спуск в низинку к их дому, она беспомощно остановилась. Сначала не поверила открывшейся перед взором картине. Кругом был снег, и ничего не напоминало о присутствии какого-либо жилья. «А где наша хата?!» — с ужасом подумала девочка. Она беспомощно оглядывала округу. Однако даже намёка никакого незаметно на жильё, снежные барханы были безжизненны и холодны. Аня до рези в глазах всматривалась в равнодушную белизну, пока слёзы не застили свет. Она утерла концом платка глаза и снова стала всматриваться в низину. Подумала на миг, что заблудилась. Ей показалось, будто чуть вдалеке обозначился какой-то малый бугорок. Она ринулась в ту сторону, но провалилась почти по грудь. Отчаянно барахтаясь, она едва выкарабкалась из снежного плена. Вернулась на прежнее место. Стала отряхивать с себя снег. Поняла, надо звать взрослых людей. Она бегом кинулась обратно в город.

Дядька Петро жил ближе, чем доктор, и Аня поспешила к нему. Дядька выслушал сбивчивый рассказ Ани, длинно и вычурно выругался, затем отыскал в сарае лопату, и они пошли к знакомому старичку конюху. Дедок держал лошадей. Без долгих разговоров конюх снарядил розвальни. Сначала поехали к доктору. Надо было предупредить его на случай, если ребята угорели или замерзли со своей матерью. Тут уж без медицины не обойтись. Конечно, свои опасения дядька вслух не высказывал, чтобы совсем не запугать Аню.

В дворике дома, где жил Константин Осипович, был дядя Вася, расчищавший дорожку от крыльца к сараю. Узнав, куда направляются спасатели, он тут же решительно запрыгнул в сани, прихватив с собой деревянный заступ. Мол, ноги одной нет, зато руки целы. Дядька Петро шибко возражать не стал. Лишние руки и в самом деле пригодятся. Кто его знает, что ждёт их в хате свояченицы.

Доктор вышел на крыльцо на голоса в накинутом полушубке. Увидел Аню, вздохнул облегченно. Дядька Петро ему в двух словах обрисовал ситуацию. Константин Осипович всё понял и махнул рукой, мол, езжайте, а он подождёт больничные сани. Оказывается, доктор уже позвонил в больницу насчет транспорта, чтобы Аню искать. Чуть свет из дома убежала. Учудила, малая, чуть до инфаркта не довела! В милицию обращаться не стал, сказал только смутно подозревающей что-то жене: «Сами разберёмся!»

В несколько рук пробились к хате быстро. Дядя Вася наметанным глазом сразу определил местоположение заваленной снегом хаты. Сибиряк, одним словом. С дверью пришлось повозиться. На стук никто не отзывался. Тарабанили долго, дергали дверь, она была заперта изнутри. Аня чуть голос не сорвала, звала своих братьев, но из хаты никто не отзывался. Дядя Вася решил не церемониться, рванул что есть силы дверь на себя, крючок оборвался. Внутри хаты было темно и холодно, в нос ударили тяжелые запахи — вонь от поганого ведра, духота, к которым примешивался запах гари. Аня кинулась к печке. На лежанке под кучей тряпья лежали её братья. Матери нигде не было.

К этому времени подросел доктор, фельдшерица и крепкий мужик-возница, он же и санитар. Дядька Петро стаскивал малых с печи и укладывал на кровать. Пацаны были замотаны всяким тряпьем, видать промерзли сильно. Доктор давал нюхать им какую-то резко пахнущую ватку. Толик и Сашка очнулись быстро, а вот Серёжка не подавал признаков жизни. Аня горько заплакала, и доктор попросил дядьку Петра присмотреть за племянницей. Дядя Вася взялся рас-

тапливать печку, хата давно остыла, а тут добавили холоду из-за настежь распахнутой двери. Зато дышать стало легче. Инвалид прикрыл двери и взялся за растопку. Надо было первым делом пацанов обогреть и накормить, а затем решать — куда везти и что делать с ними дальше. Серёжка никак не приходил в себя, фельдшерица стала делать искусственное дыхание и дышать ему в рот. Доктор открыл свой медицинский чемоданчик, достал фонендоскоп и стал прослушивать мальчика. Рукой махнул окружившим кровать людям, чтобы воздух поступал к ребёнку. Слушал. Наконец вытащил из ушей гибкие никелированные наушники, и сказал: «Жив наш мальчик». Медсестра стала обтирать лицо Серёжки увлажнённой марлей, пропитанной каким-то раствором. Малыш открыл глаза и сразу заплакал. Беззвучно, из его горлышка выходил какой-то странный сип. Доктор тут же приказал сестре поставить градусник. Потрогал лобик малыша. По внешним признакам доктор понял, Серёжа простудился и довольно сильно. Медсестра вскоре вынула градусник, глянула и молча подала доктору. Тот с прищуром взгляделся в показания и тихо присвистнул.

— Малыша надо срочно везти в больницу. Сейчас ему сделаю укол, — малый не дернулся даже, доктор обернулся к помощникам, — Пётр Алексеевич, езжайте со своим напарником ко мне домой и привезите следующее. Нет, лучше напишу. — Он полез опять в свой медицинский саквояж, достал пару листков бумаги, на которых обычно выписывал рецепты, и карандаш. Торопливо стал записывать. — Вот, передашь Римме Семёновне. Пусть соберёт всё, что я написал, и быстро сюда. Аня, найди бельишко ему, если что есть, пахнет от него. Наверное, обкакался и описался. Надо парнишку переодеть. Повезём в больницу. Василий Савельич, с нами?

— Куды с вами? Без меня справитесь. Я тут нужен, надо хату протопить да малышню покормить. Ехай, Петро, со своим дедком, и мухой обратно. Анька со мной останется, поможет.

Серёжку обтерли тряпками, переодели исподнее, а нечистое и верхнюю одежонку оставили для стирки, завернули малыша в фуфайку, затем в одеяло, возница понёс его в сани. Следом вышли доктор и фельдшерица. Дядька Петро потоптался возле Ани, погладил её по голове, и они с дедком тоже подались за порог.

Дядя Вася прикрыл двери. Вернулся к печи и стал подбрасывать хворост и остатки кукурузных сухих стеблей. Печь долго дымила и чадила, но под умелыми его руками всё же отозвалась, наконец, весёлым гулом. В хате заметно стало

теплеть. Толик с Сашкой сидели на кровати и во все глаза смотрели на незнакомого дядьку. Аня заметила их настороженность и нарастающий страх, успокоила:

— Не бойтесь дяди Васи, он — добрый и хороший. Рассказывайте. Вы что, три дня сидели здесь? — братья закивали головами. — А где мама?

Пацаны молчали и только плечами пожимали.

— Я так и знала, я так и знала... — Она не договорила и заплакала. Братья тоже стали кривить губы, готовые пустить нюни. Аня пыталась взять себя в руки, но слёзы душили её. Инвалид глянул влажными глазами на сирот, он почему-то решил, что Евдокия сгинула где-то, и тихо произнёс:

— Ты, это, не шибко сейчас их спрашивай. Они, вишь, не в себе ещё. — Дядя Вася скрутил козью ножку и принялся раскуривать взятой из печи тлеющей хворостинкой. — Потом, когда чужих не будет рядом, сами расскажут, что знают. Сейчас Петро твой приедет, може, харчей привезёт. Сварганишь им похлебать, глядишь, и повеселеют пацаны. Нехай пока отогреваются. Там и матка ваша найдётся... А ну, давайте сюда, ближе к печке! Не бойсь!

Серёжка выздоравливал медленно. Доктор говорил, мальцу повезло. Если бы на день и даже на полдня их обнаружили позже, спасти бы его не удалось. Воспаление лёгких, вдобавок чуток угорел. Хорошо, помогли коллеги из госпиталя лекарствами. Подсобили в немалой степени родственники и люди, знавшие семью Евдокии, носили в больницу козье молоко, мёд и даже добытые где-то яблоки.

Весной, когда уже устоялись теплые дни, братьев определили в детдом, неподалёку, на Украине, где-то в районе Балты. Позже оттуда Серёжку увезли ещё дальше, в специальный дом для малолетних сирот. Старшие братья так и не узнали, в какой город увезли их меньшого. Уже много лет спустя, когда вернулся из запредельного Севера отчим и отец братьям, по подсказке одного сведущего человека Серёжку отыскиали через маршала Советского Союза Клим Ворошилова. Написали на его имя письмо-просьбу. Маршал в ту пору возглавлял какой-то союзный комитет по поиску пропавших в войну без вести воинов, простых граждан и детей.

Мать Евдокию Гавриловну искали три месяца, но так и не нашли никаких её следов. Никто ничего не видел и не знал. Как в воду канула. В городе ходили слухи, будто она сгинула в метель. «Лёнчик-фортуна» уже летом, таясь от лишних глаз и ушей, поведал Ане всю правду об исчезновении матери. Наказал никому не говорить ни слова об услышанном. Иначе заметут и его, как пособника, и Аню определяют куда по-

дальше. Везде и всюду, мол, говори: сгнула в ту метель, неверное. Она так и сделала, но обида и горечь от предательства очень смелой когда-то мамы остались на всю жизнь.

Аня жила вместе с ребятами всё в той же хате до самого дня расставания. Дядя Вася смастерил им небольшие скамейки и маленький столик. В хате не было даже обычного стола, его заменял семье уцелевший от прежних хозяев комод. Кормить Серёжку приходилось, держа на коленях. После отъезда братьев Аня неделю не могла прийти в себя, особенно врезался острой иглой в сердце момент, когда Серёжка вырывался из крепких рук каких-то толстомордых тёток, тянулся к ней с отчаянными криками: «Наня! Наня!» Голосок его, исполненный ужаса, так и звенел в ушах сестры. Плакали и Толик, и Сашка, но стесняясь своих слёз. Они казались себе уже взрослыми. Эта картина ещё долгие годы отдавалась тяжелой болью в душе... Неизгладимый след сиротства отпечатался на всю жизнь и на братьях. Дядька Петро забрал Аню к себе, а хату опустевшую заколотил наглухо.

Заходили несколько раз неулыбчивые военные к бригадиру сапожной мастерской на предмет выяснения некоторых обстоятельств по исчезновению гражданки Евдокии Гавриловны Грущенко. Одноглазый биндюжник ни разу не сбился в показаниях по поводу пропажи уборщицы. Работники сплошь были инвалидами: один глухой напрочь, второй немой, третий крепко контуженный и вечно подергивал головой, четвертый тоже куда-то был раненый и говорил невнятно и сбивчиво. И все, как один, поддакивали бригадиру. Свидетели оказались те ещё — аховые, одним словом. Следствие невольно опиралось на показания главного свидетеля «Лёнчика-фортуны», который ясно и четко отвечал на вопросы и на представленные следствием косвенные факты других малочисленных очевидцев. Позже, когда дело по исчезновению гражданки Е.Г. Грущенко закрыли, выстроенная логично и крепко версия одноглазого сапожника легла в основу выводов комиссии: пропала без вести.

А дело было так. Дуся вернулась вся в слезах, но бригадир строго прикрикнул на неё, не до сантиментов и соплей, стал передевать её. Пальто мужа забрал себе, а ей выдал хоть и старенький, но крепкий полушубок. Постолы с галошами заменил ей на прошитые снизу кожаными подмётками валенки. Шерстяные носки оставил, но настоял поверх надеть ещё и меховые из кроличьих шкурок, подарок из Сибири, как объяснил одноглазый. Валенки были всё же великоваты. Евдокия безропотно облачилась в новую обувку и шубу, и стала неуз-

наваема. «Лёнчик-фортуна» прищурил свой единственный глаз на Евдокию, что-то сам себе покумекал и вышел в кладовую, где хранились материалы для починки обуви. Через пару минут вынес тёмно-коричневый толстый шерстяной платок.

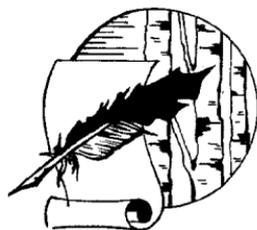
— Накрути сверху своего так, чтоб остались одни глаза, — командовал биндюжник и ещё раз цепко осмотрел фигуру Евдокии. Та действительно выглядела бесформенно, и узнать с одного взгляда, кто перед тобой — бабка старая или ядрёная женщина — было непросто.

— С маскарадом мы закончили, а теперь слушай сюда. Тут приходил один конюх, пока ты бегала, я ему валенки задарма подшивал, заберёт тебя в сани и довезёт до окраины города к дороге на Тирасполь. В машину сядешь только там. Водила мне сказал, будто по пути должен подобрать ещё несколько человек. Этот момент очень важный. Отсюда не надо садиться, чтоб никто не видел. Мало ли! История такая: ты — сельская баба, едешь на стройку в город. Никого из родовой у тебя нет, всех убило на войне. Документы сгорели. Вербовщик будет в кабине с водителем, скажешь, что от меня, ни о чём больше с ними и с пассажирами не говори. Так для тебя будет лучше и для них. Запомнила? Ну, с Богом!

На случай, если всё же начнут её уже там, на стройке, расспрашивать и допрашивать, биндюжник заготовил ей ещё одну байку. Заключалась она в следующем: её отпустили с работы пораньше домой, а тут разыгралась метель. Она заблудилась и попала в овраг, по дну которого протекает незамерзающий ручей. Свалилась туда, а дальше не помнит, потеряла сознание. Нашли её какие-то люди и выходили. Сильно простудилась и обморозилась. Больше она ничего не помнит. Как только окрепла, пошла искать свой дом, села в какую-то машину, которая увезла её в другой город. Всё.

Конечно, для пристрастных органов эта версия одноглазого биндюжника в деталях отличалась от той, которую сплёл он для Евдокии. А это даже хорошо, рассудил бригадир. Главное — суть оставалась как бы единой — сгинула в метель. Торопилась к детям, да, видать, не успела. Сбилась с дороги... Представителям органов он упорно навязывал именно версию о полной гибели означенной гражданки через утопление в незамерзающем ручье. Как известно, ручей вьётся по дну оврага и впадает в Днестр, а там ищи потом. Авось, всплывет утопленница где-нибудь в низовьях Днестра весной или летом... Позже, за неимением трупа, дело закрыли вовсе.

г. Днестровск, Приднестровская республика

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Глеб Яковлевич Горбовский родился 4 октября 1931 года в Ленинграде. Отец был репрессирован в 1937 году, отбыл 10 лет в трудовых лагерях. Мать перед самой войной отправила сына на каникулы в Порхов, где его захлестнула война. Позже скитался по детским домам. Учился в ремесленном училище. Попал в колонию для малолетних преступников, откуда убежал и уехал к отцу в костромскую деревню, где тот учительствовал. Отец помог Глебу оформить паспорт и окончить семилетку. Учился в полиграфическом техникуме. Меняя профессии, много ездил по стране, работал грузчиком, лесорубом и сплавщиком в Сибири, взрывником в геологических экспедициях на Камчатке, Сахалине, в Якутии. Поэтические сборники: «Поиски тепла» (1960), «Спасибо, земля» (1964), «Косые сучья» (1966), «Тишина» (1968), «Новое лето» (1971), «Возвращение в дом» (1974), «Черты лица» (1982), «Заветное слово» (1985), «Отражение» (1986), «Сгоревшие крылья» (1996), «Распутица» (2000). Лауреат Государственной премии РСФСР. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВО ДНИ ПЕЧАЛИ НЕГАСИМОЙ

* * *

Огородная — благородная
почва тихая, как музей.
В ней таится судьба народная,
в ней приметы планеты всей.
Под лопатую что там звякает?
Не спеши копать — тормозни.
В сей землице товару всякого
обретёшь ты и в наши дни.
Гвозди кованые, гранёные,
именная гирька-серьга,
злая звёздочка от будёновки
и чеканки древней деньга,
штык немецкий, подкова шведская,
наконечник — рожон копыя,

штоф с орлами, и вдруг — советская
горе-пуговка от белья.
Пуля-дура, века проспавшая,
крест нательный, как изумруд...
Словно жизни листва опавшая,
в землю-мать ушедший труд!..
Здесь, над Волховом, возле Ладоги,
на семи ветрах, на буграх
жили смертные, быт свой ладили —
да святится их дивный прах!

ЯЗЫК

Подустали и мысли, и плечи...
Как ты там ни кипи, ни бурли,
на одном языке — человечьем! —
изъясняются люди Земли.
Отчего наша речь зачастую
и мелка, и груба, и пуста?..
Даже ветры торжественней дуют,
вдохновенней рокошет вода!
Это рыбы — на рыбьем, ничтожном.
Это зверь — на своём языке...
Ну а мы, человеки, — на Божьем —
и в любви, и в смертельной тоске...

«ТИ-ВИ»

— Мы вашу жизнь перелицуем,
отравим хлеб, спалим уют!
...А в телевизоре — танцуют,
а в телевизоре — поют!
— Пускай поплачут ваши Машки,
пускай увидят страшный сон!
...А в телевизоре — Юдашкин,
А в телевизоре — Кобзон.
Твоя малышка — кашке рада,
Жена — бледней день ото дня...
...А в телевизоре — неправда.
А в телевизоре — брехня.
Звенит коса в рассвете синем,
гудят над пашней провода...
А в телевизоре — Россия
и не гостила никогда!..

* * *

Родную землю и камень любит,
пичужка, кошка и лютый зверь —
весной, по молодости, и в холод лютый...
А я люблю её — и теперь.
Теперь, когда на плечах мозоли
от лямки жизни... Когда испуг
во встречных взглядах. И столько боли,
и свищут пули, хоть мир вокруг.
Когда мертвеют заводы, пашни,
в чужие страны — исход и бег...
...В родную землю — и лечь не страшно.
Страшней — утратить её навек.

* * *

В Кремле, как прежде, сатана,
в газетах — байки или басни.
Какая страшная страна,
хотя — и нет её прекрасней...
Как чёрный снег, вокруг Кремля
витают господа удачи.
Какая нищая земля,
хотя — и нет её богаче...
Являли ад, сулили рай,
плевались за её порогом...
Как безнадежен этот край,
хотя — и не оставлен Богом!..

ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИИ

Как бы мы ни теребили
слово «Русь» — посредством рта —
мы России не любили.
Лишь жалели иногда.
Русский дух, как будто чадо,
нянчили в себе, греша,
забывая, что мельчала
в нас вселенская душа.
...Плачут реки, стонут пашни,
камни храмов вопиют.
И слепую совесть нашу
хамы под руки ведут.

Если б мы и впрямь любили —
на святых холмах Москвы
не росло бы столько пыли,
столько всякой трын-травы.
Если б мы на небо косо
не смотрели столько лет —
не дошло бы до вопроса:
быть России или нет?
В ней одно нельзя осилить:
Божье, звёздное, «ничьё» —
ни любителям России,
ни губителям её!

19 АВГУСТА 1991
(Частушка)

Очень странная страна,
не поймёшь — какая...
Выпил — власть была одна.
Закусил — другая.

ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Бегу по земле, притороченный к ней.
Измученный, к ночи влетаю в квартиру!
И вижу — Тебя... И в потёмках — светлей.
...Что было бы с хрупкой планетой моей,
когда б не явились глаза Твои — миру?
Стою на холме в окруженье врагов,
смотрю сквозь огонь на танцующий лютик.
И вижу — Тебя! В ореоле веков.
...Что было бы с ширью полей и лугов,
когда б не явились глаза Твои — людям?
И ныне, духовною жаждой томим,
читаю премудрых, которых уж нету,
но вижу — Тебя! Сквозь познания дым.
...Что было бы с сердцем и духом моим,
когда б не явились глаза Твои — свету?
Ласкаю дитя, отрешась от страстей,
и птицы поют, как на первом рассвете!
И рай различим в щебетанье детей.
...Что было бы в песнях и клятвах людей,

когда б не явились глаза Твои — детям?
И солнце восходит — на помощь Тебе.
И падают тучи вершинам на плечи.
И я Тебя вижу на Млечной тропе.
...Но что б я успел в сумасшедшей судьбе,
когда б не омыла глаза мои — Вечность?

* * *

Он мог явиться кем угодно:
лучом разящим, веществом
таинственным, небеснородным,
в обличье странном, неживом...
Он мог на Землю выпасть снегом,
цветком немеркнувшим расцвести...
А вспыхнул — Богочеловеком!
Чтоб возвестить Благою весть:
«Есть! Есть спасенье вашим душам:
любите Бога, гордецы...
Создавший — может и разрушить!..
Да будет разум ваш ослушный
смирненной жертвенной овцы».

БЕСЫ

Копали землю, хлопали ушами...
Зимой дремали праздно и хмельно.
...Порожний дом откуплен ингушами,
а может, курдами. Не всё ль теперь равно?..
Был этот дом как пугало на пашне!
Крестьяне этот дом, как воробьи,
сторонкой облетали: хоть и наши,
но всё ж-таки — чужие, не свои...
Они всегда являлись по субботам —
на «мерседесах», со своей жратвой —
и жгли костры. И шашлыки — до рвоты —
коптили на земле полуживой!..
Они смеялись пламенно и смачно —
от них тряслись соседние дома.
И денег распечатывали пачки,
как будто книг нечитанных тома!
Они с себя цепочки золотые
срывали и бросали в воду: лезь!
И лезли старики и молодые,
холодный Волхов истоптавши весь!..

... На снегоходах в тёмный лес влезали,
а возвращались гордо — как с войны!
И головы лосиные свисали —
с глазами, полными смертельной тишины...
Потом их уносили «мерседесы» —
туда, где им светил золотой телец!
И причитала бабка Глаша: «Бесы!...»
И распрямившись, шла, как под венец.

НАРОД

С похмелья очи грустные,
в речах — то брань, то блажь.
Плохой народ, разнузданный,
растяпа! Но ведь — наш!
В душе — тайга дремучая,
в крови — звериный вой.
Больной народ, измученный,
небритый... Но ведь — свой!
Европа или Азия?
Сам по себе Народ!
Ничей — до безобразия!
А за сердце берёт...

* * *

Во дни печали негасимой,
во дни разбоя и гульбы
спаси, Господь, мою Россию,
не зачеркни её судьбы.
Она оболгана, распята,
раззята... Кружит вороньё.
Она, как мать, не виновата,
что дети бросили её.
Как церковь в зоне затопленья,
она не тонет, не плывёт —
всё ждёт и ждёт Богоявленья.
А волны бьют уже под свод.

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжёлая от пыли.
Ночь в проводах жужжит, как шмель.
...А ведь Есенина убили,
Не вызвав даже на дуэль.

За красоту, за синь во взгляде!
Так рвут цветы, так жнут траву.
Его убили в Ленинграде,
Где я родился и живу.
И, чтоб не мыслить о потере,
Снесли тот дом, где он... затих.
Но и в фальшивом «Англетере»
Витают боль его и стих.
Вчера, сложив печаль в котомку
И посох взяв опоры для,
Я вышел в призрачных потёмках,
Тайком из города — в поля,
Туда — в зелёное... Где птицы...
Где нам глаза его цвели...
За убиенного в столице
Просить пощады у Земли...

ЖЕРНОВА

Порхов. Остатки плотины. Трава.
Камни торчат из травы — жернова.
Здесь, на Шелони, забыть не дано —
мельница мерно молола зерно.
Мерно и мудро трудилась вода.
Вал рокотал, и вибрировал пол.
Мельник — ржаная торчком борода —
белый, как дух, восходил на престол.
Там, наверху, где дощатый помост,
хлебушком он загружал бункерок
и, осенив свою душу и мозг
знаменьем крестным, — работал урок.
...Мне и тогда и нередко теперь
мнится под грохот весенней воды:
старая мельница — сумрачный зверь —
всё ещё дышит, свершая труды.
Слышу, как рушат её жернова
зёрен заморских прельщающий крик.
Так, разрыхляя чужие слова,
в муках рождается русский язык.
Пенятся воды, трепещет каркас,
ось изнывает, припудрена грусть.
Всё перемелется — Энгельс и Маркс,
Черчилль и Рузвельт — останется Русь.

Не потому, что для нас она мать, —
просто не выбраны в шахте пласты.
Просто трудней на Голгофу вздымать
восьмиконечные наши кресты.

ФИНАЛ

Я теперь не играю в стихи,
я стихами грехи штукатурю.
Сколько было в стихах чепухи,
всевозможной рифмованной дури!
Балаганил, пускал пузыри,
применяя не мыльное средство,
а кровавое, то, что внутри
обитало с дерьмом по соседству.
...А теперь я не то, что иссяк, —
просто кровушка сделалась чище.
Завершаю концерт, как и всяк,
кто устал и прощения ищет.

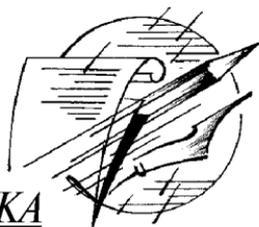
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, г. Минск

О НАРОДНОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ученые-резонеры

История народа — это не летопись частной жизни человека. Об истории народа нельзя сказать: это было, это прошло. История имеет дело с вечным — с духом народа, его делами. «Народы, — отмечал Гегель, — суть то, чем оказываются их действия».

Но некоторые интеллигенты так далеки от этого воззрения, что считают достаточным свести историю народа к западным инвективам, удобряя их резонерствующими политическими и моральными сентенциями, которые, по их мнению, являются лучшим материалом для построения национальной концепции истории России и Белоруссии. Согласно таким взглядам любой литературный графоман, зачисливший себя в разряд этой «либеральной интеллигенции» и потративший некоторое время на переписывание или прочтение нескольких книг, способен написать историю общерусского народа. Это, по словам Гегеля, — типичные «представители субъективной образованности, которые не знают мысли и не привыкли к ней...»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Выдающийся украинский и русский языковед и мыслитель XIX века Александр Потебня справедливо заметил, что «никто не имеет права владеть в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит». Эту мысль Александра Потебни с полным основанием можно отнести и к истории общерусского народа. «Либеральная интеллигенция», никогда не понимавшая действительной логики общерусского исторического процесса, заполнила свои писания всем, чем угодно, но только не подлинной историей России и Белоруссии. Особенно заметно, как представители «субъективной образованности» усердствуют в отрицании общерусской природы белорусского народа. Они говорят о мифах, якобы созданных советской и российской дворянской историографией о единой русской народности, из которой будто бы вышли три народа, про единую Киевскую Русь, про воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII века. В своей антиисторической затее эти «европейские поэты свободы», начинавшие свою «творческую» жизнь премиями Ленинского комсомола Белоруссии, а под конец жизни ставшие пенцентровцами, напоминают евангельских фарисеев, «оцеживающих комара, но поглощающих верблюда».

Противники единения белорусского и русского народов представляют собой «кликушествующую» публику из числа обиженных жизнью людишек, которые готовы говорить всякий вздор с единственной целью выпросить у своих западных хозяев очередную порцию подачек для своих якобы научных, литературных и политических исследований. Представьте себе: какие-то резонерствующие субъекты с кругозором обитателей «желтого домика» вдруг попадают в разряд видных писателей, общественных политических деятелей, разъезжают по западным весям и городам и вообще говорят от имени «мирового» сообщества. Тут действительно голова пойдет кругом, и немудрено приравнять свои золотушные идейки к идеям демократии и национального возрождения. Хотя по существу их аргументация против Союзного государства, против этнического единства белорусов и русских такого же уровня, как и рассуждения чеховского Василия Семи-Булатова из села Блины Съедены о пятнах на Солнце. Разбирать всерьез аргументы политиканствующих «семибулатовцев» против нашего Союзного государства то же самое, что метать бисер перед свиньями.

Основной довод противников Союзного государства с той или иной вариацией сводится к тому, что Белоруссия в таком государстве будет превращена в периферию или колонию России, утратит якобы свою независимость и суверенитет.

Вдумайтесь в «логику» этих резонеров. Мол, поскольку Белоруссия экономически во много раз слабее России, постольку она должна быть против Союзного государства, ибо окажется на задворках экономического и политического развития. С научной и исторической точек зрения эти доводы абсолютно несостоятельны. Как известно, Белоруссия, будучи в составе СССР, не только не являлась окраиной Союзного государства, но относилась к самым высокоразвитым республикам мира, как в экономическом, так и в политическом, культурном, научном отношении. Почему же тогда в восстановленном Союзном государстве Белоруссия должна занять маргинальное место? Доказывать подобное — значит исходить не из исторической правды, а из надуманных абстрактных возможностей.

Каких? Разумеется, таких возможностей, которые исходят из интересов западных стран. Отсюда и главный тезис ученых-резонеров — «независимая Белоруссия», или, другими словами, «наш путь — в Европу». При этом ученые-резонеры не соображают, что именно вхождение Белоруссии в «европейский дом» как раз и отбросит нашу республику на экономические и политические задворки Запада. Парадокс резонерствующего мышления в том и состоит, что оно не замечает собственного превращения в свою противоположность. Ибо, выступая против российско-белорусского Союзного государства, ученые-резонеры на самом деле доказывают невозможность демократического и прогрессивного развития Белоруссии в рамках так называемого «независимого» развития республики, то есть такой политической модели белорусского государства, на которой настаивает Запад. В самом деле, нельзя же отрицать, что в экономическом плане Белоруссия многократно уступает так называемому «европейскому дому». Наивно рассчитывать, что западные олигархи просто из чувства платонической любви к белорусам возьмут их к себе на содержание и будут развивать экономику, науку, культуру, чтобы мы поскорее стали жить, как на Западе. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Логичнее умозаключить, что финансовая олигархия Запада отводит нам в своих глобальных сценариях совсем другую роль.

Какую? Сошлемся на Збигнева Бжезинского. Как известно, что у вашингтонской администрации на уме, то у Бжезинского на языке. Послушайте: «Сохранение этого плацдарма (европейского. — Л.К.) и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов». Таким образом, выступая против Союзного государства, ученые-резонеры фак-

тически озвучивают натовские схемы мирового развития, то есть отстаивают интересы США, а не Белоруссии.

Почему так несостоятельны доводы этих ученых на тему Союзного государства? Потому что они не способны увидеть разницу между натовской глобализацией и белорусско-российским союзом. Расширение НАТО на Восток и строительство «европейского дома» идет в русле консервации несправедливых отношений на международной арене. Это вполне вписывается в концепцию «нового мирового порядка», разработанную в стратегических институтах США. Напротив, создание Союзного государства базируется на принципах равноправия государств, социальной справедливости и гуманизма. Союзное государство как раз положит конец разрушительным процессам, укрепит Белоруссию и Россию, создаст предпосылки для подлинно прогрессивного развития наших братских народов.

Лакейская логика или «либеральные» пакостники

Опыт «реформирования» России и Белоруссии обнажил всю пропасть между народной и так называемой «либеральной интеллигенцией», которая еще совсем недавно причисляла себя к выразительнице сокровенных чаяний и дум нашего народа.

В советские времена «либералы» играли в инакомыслие или диссидентство. Вокруг них искусственно нагнеталась атмосфера оригинальности, честности, талантливости. В действительности всё выглядело иначе. Оригинальность диссидентов ограничивалась приобретением квартиры в «общеевропейском доме». Честность определялась суммой долларового чека. Чем больше была сумма, тем, разумеется, честнее был диссидент. Талантливость была прямо пропорциональна количеству исписанных страниц на антисоветскую и антирусскую тему.

Это была особенная порода людей, весь ум которых ушел в язык, а чувства помещались не в сердце, а в желудке. Прекрасные зарисовки этих людей можно найти в книге крупнейшего философа и писателя Александра Зиновьева «Томо советикус». Будучи сам диссидентом, он сделал любопытное признание: «Если бы у меня был доступ к средствам массовой информации, я бы на весь мир заявил следующее: умоляю, не преувеличивайте важность моего присутствия на Западе, рассматривайте меня как заурядное советское ничтожество, каким я и являюсь на самом деле!». Оценивая творческие способности диссидентов, Александр Зиновьев от-

мечал, что «книжечки эти (антисоветские и русофобские произведения. — Л. К.) рассчитаны на невежд с определенными умонастроениями».

Такова была «либеральная интеллигенция» за границей. Наиболее знаковым среди нее считался Александр Солженицын. Стоит более внимательно посмотреть на умственные способности этого столпа диссидентства. Так, 4 июня 1991 года в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью Александра Солженицына, которое он дал испанскому телевидению еще в 1976 году. В этом интервью, ссылаясь на «данные» профессора-антисоветчика Ивана Курганова, сбежавшего в годы Великой Отечественной войны на Запад, Александр Солженицын утверждал, что якобы от внутренней войны советского режима против своего народа с 1917 по 1959 год страна потеряла 110 миллионов человек: 66 миллионов в результате Гражданской войны и последующей политики советской власти, а 44 миллиона — во время Второй мировой войны от пренебрежительного, неряшливого ее ведения. Интервью было опубликовано под названием «Размышления по поводу двух гражданских войн». Смысл этих «размышлений» сводился к тому, чтобы обелить преступления фашистов и франкистов в развязанной ими войне против республиканского правительства Испании в 1936—1939 годах под видом приведения гротескной фальсифицированной статистики о якобы преступной политике советского руководства против своего народа. И тем самым внедрить в умы испанцев в 1976 году и в сознание наших граждан в 1991 году идиотскую фальсификацию о том, что социализм, так сказать, страшнее фашизма. Логика здесь была та же, что и у Геббельса: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. Как правильно заметил видный российский историк Виктор Земсков, все эти измышления Александра Солженицына и других фальсификаторов «нельзя назвать иначе, как патологическим отклонением от магистрального направления в данной области исторической науки».

Кстати, Александр Солженицын всю свою жизнь клеветал и на великого русского народного интеллигента Михаила Шолохова, обвиняя его в плагиате. Причем он это делал даже тогда, когда все отечественные и зарубежные эксперты полностью разоблачили фальсификацию критиков Михаила Шолохова. Говорил ли когда-нибудь правду Александр Солженицын? Может быть, и говорил. Но, как отмечал Петр Чаадаев, «есть люди настолько лживые, что даже высказанная ими правда воспринимается как ложь». Именно таким и был Александр Солженицын. Русский писатель, бывший

диссидент Владимир Максимов аналогичным образом оценивал такого «либерального интеллигента», как Владимир Жириновский. «Я часто слушаю, — писал он, — того же Жириновского. И со многим согласен. Но ведь ни одному его слову верить нельзя. Он вас предаст всегда... Перестроится — и снова с властью».

На Родине свою подлинную сущность «либеральная интеллигенция» проявляла другим способом. Свое «критическое» отношение к советской действительности «либералы» без всяких угрызений совести соединяли с получением квартиры в престижном районе, с приобретением партбилета, с обязательным написанием толстой книги на социалистическую тему и фигой в кармане. Дескать, вот мы какие бесстрашные протестанты!

Само собой разумеется, никаких новых идей у этих протестантов не было. Но фига в кармане была обязательно. Она служила своеобразной лакмусовой бумажкой для определения этой публики, которая на жизнь смотрела через призму анекдотов о генсеках и черной зависти к своим заграничным собратьям.

В период перестройки и рыночных реформ эта «либеральная интеллигенция» наконец-то достала свои фиги из кармана и предъявила их в качестве удостоверения на право управления обществом и государством. Но фига есть только фига, не более того. Народ, естественно, не мог согласиться с подобными аргументами и постепенно начал отказываться от услуг «либеральных интеллигентов». Последние страшно обиделись на такую «неблагодарность» и начали клеветать на наш народ, обвиняя его в совковости и консерватизме. Наиболее характерные типы: Виктор Ерофеев — в России и Светлана Алексиевич — в Белоруссии. Писатели-либералы Виктор Ерофеев, Владимир Войнович, Владимир Сорокин, Светлана Алексиевич, кинорежиссер Эльдар Рязанов свои гадости о России, русском народе, советском человеке, красноармейцах пытались выдать за глубокое проникновение в сущность русской души и «красного» человека. Свою мамонистскую душонку и раболепное преклонение перед Западом они пытались перенести на воинов Красной Армии, изображая последних в виде неких недоразвитых субъектов и антисоциальных элементов, которые боятся и ненавидят Сталина и советскую власть и воюют с немцами только из-за своей глупости и из-под палки. Так, писатель Владимир Войнович в своем пасквильном романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» изобразил советского воина маленьким, кривоногим, с красными ушами, глупым и забитым. А резонерствующий театрал Эльдар Рязанов

назвал его «нормальным народным типом, подлинно русским характером». Отличие этих «деятелей» литературы и искусства от действительно выдающегося русского писателя-интеллекта Алексея Толстого с его «Русским характером» как раз представляет собой отличие настоящего писателя-патриота от литературных и театральных пакостников и фальсификаторов. Последним в силу их духовной ущербности никогда не понять, что могут быть воины, которые способны на величайший героизм и самопожертвование во имя свободы своей Родины. Фактически «либеральная интеллигенция» — это самые настоящие камердинеры, лакеи Запада.

Как мыслит лакей, обслуживающий своего господина? Чисто физиологически. Он смотрит на своего господина как на самого себя, а поэтому не видит никакой разницы между своим лакейским образом жизни и жизнью других людей, в том числе и выдающихся. Точно так же лакей относится и к историческим событиям. «Для лакея, — писал Гегель, — нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот — лакей, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест, пьет, одевается, т.е. вообще имеет с ним дело со стороны единичности потребностей и представлений». При физиологическом подходе любой великий человек ничем, разумеется, не отличается от лакея. И это правда. Но это такая правда, которая при оценке великого человека хуже лжи.

Именно такой физиологический подход применяют «либералы» и при характеристике русского народа, русской и советской истории. Какая может быть Великая Отечественная война, резонируют либеральные лакеи. Ведь война — это грязь, кровь, слезы, насилие, убийства. Нет в этом ничего великого, патриотического, героического. Речь может идти только об элементарном выживании. Вроде бы правдоподобно. Но такая правда хуже лжи. Ибо человеческое бытие не сводится только к физиологическому бытию. Но для лакея это абсолютно непонятно.

Или вот лакеи-либералы вопрошают: «Какое может быть героическое партизанское движение?» Люди шатаются по лесам, не спят, будоражат тихую деревенскую жизнь. Правда? Разумеется, правда, но опять же чисто лакейская. А такая правда по отношению к человеку есть ложь. Эта ложь опять гримируется под физиологически правдоподобную формулу. Дескать, не было бы партизанского движения, не было бы и репрессий немцев против мирных жителей, то есть не было никаких Хатыней. В чем здесь заключается ложь? В том, что при такой коллаборационистско-лакейской логике не просто обеляется, но фактически оправдывается фашист-

ская агрессия против нашей страны. То есть, оказывается, правы фашисты, которые вероломно напали на нашу страну, а не наши люди, которые решили защищать свои алтари и очаги. Коллаборационисты-лакеи убеждают защитника Отечества: хотя на твою страну напал враг, но ты не сопротивляйся, не борись, а подними руки вверх: смотришь, и спасешь свою жизнь. Это напоминает строки из письма жены немецкого солдата, найденного на его трупе в 1942 году. Вот что она писала своему любимому фрицу: «Мы тут все в Гамбурге до глубины души возмущены упрямством и бессовестностью русских, которые никак не соглашаются прекратить свое глупое и бессмысленное сопротивление». Именно на основании такой лакейской логики «либеральная интеллигенция» оправдывает бандеровщину на Украине и истерически вопит против воссоединения Крыма с Россией.

Знаменитый белорусский скульптор Валентин Занкович, автор главного памятника мемориального комплекса «Хатынь», в казематах Брестской крепости нашел потрясающую надпись, сделанную защитниками крепости, которая широкой общественности еще не известна. Это лаконичные, но обжигающие душу слова: «Нас было пятеро. Мы умрем за Сталина». Вот она, действительная правда о морально-психологической атмосфере советского общества во время Великой Отечественной войны. Все эти «либеральные» пакостники настолько пропитаны лакейством перед Западом, что даже не осознают, что просто являются идеологическим отстойником капитализма. «Капитализм, — писал французский философ Жиль Делез, — производит шизофреников, как всякий другой товар — гвозди, зубную пасту, памперсы, полуфабрикаты и прочее». Шизофреников, то есть «либеральную интеллигенцию». Абсолютно прав Владимир Максимов, который, характеризуя поведение этой «интеллигенции» в октябре 1993 года, в частности, Булата Окуджавы, Алеся Адамовича, Василя Быкова, констатировал: «Никакого отношения к интеллигенции они не имеют, хотя и называют себя интеллигентами. Никакого. Это обычные карьеристы, выбравшиеся в литературу и другие области культуры и искусства». «Либеральная интеллигенция» даже физически неприятна и неопрятна. Она всегда недовольна и мрачна. Это потому, что ее жизнь дурна, и она постоянно завидует людям, у которых жизнь добра.

Зависть горька

В самом деле, завистливый человек, который будучи сам неспособен совершить нечто героическое, выдающееся, все-

гда стремится низвести великое до своего уровня и тем самым принизить и унижить его. Французский философ Жан-Жак Руссо писал: «Зависть — горька, потому что вид счастливого человека не только не заставляет завистника стать на место счастливого, но возбуждает в нем сожаление, что он (счастливый человек. — Л.К.) не на его месте».

Именно в логике зависти и выполнены так называемые полифонические произведения Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич. Все ее произведения есть не что иное, как мелочное знание людей, которое, вместо того, чтобы рассматривать всеобщие и существенные черты человеческой природы, делает предмет своего анализа лишь антисоциальные, эгоистические интересы тщеславия, властолюбия, корысти, которые якобы являлись сущностью «красной империи» и «красного человека». **Можно сказать, что присуждение Светлане Алексиевич Нобелевской премии по литературе — это своеобразная форма мести шведов России за Полтаву.** В противовес точке зрения зависти следует напомнить о прекрасном афоризме Гёте, что против великих достоинств других людей нет иного средства спасения, кроме любви. В продолжение этой мысли добавим: к великой, героической истории нашей страны и нравственному подвигу нашего народа не может быть иного отношения, кроме глубокого преклонения.

Сущностная черта всех «либеральных интеллигентов» — претензия поверхностную эрудицию выдавать за серьезное исследование. Говоря словами видного американского психолога Эверетта Шострома, они не изучают жизнь, а собирают коллекцию умных вещей, слов, изречений, чтобы с её помощью пускать читателям пыль в глаза. Все эти якобы талантливые люди талантливы в одном — в неумном желании выглядеть остроумными. А поэтому они всегда выглядят глупыми, ибо, как говорил Руссо, «кто хочет выдумывать какие-нибудь остроты, тому остается только говорить побольше глупостей».

Еще одна черта «либеральной интеллигенции». Она считает себя европейской и цивилизованной. Но парадокс в том, что эти «европейцы» и «цивилизаторы» абсолютно не знают азов подлинной европейской демократии. Чтобы быть действительно демократом, мало повторять фарисейские фразы западноевропейских политиков о демократии. Нужно уметь нечто большее — трудиться. «Труд, — по мысли настоящего европейского демократа Руссо, — есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин — богатый или бедный, сильный или слабый — есть плут». А вот трудиться «либеральная интеллигенция» как

раз не хочет. Она предпочитает положение праздного резонера, занимающегося оправданием плутократов и сугубо антирусских персонажей типа чубайсов, фридманов, абрамовичей, потаниных и им подобных. Отсюда не случайно раболепие «либеральной интеллигенции» перед западными ценностями, которые, в сущности, являются ценностями насильников и дармоедов. Поведение США на международной арене — наглядный тому пример. «Либеральная интеллигенция» ждала с нетерпением развала России (напомним, что на столе у Ельцина лежал план раздела России на семь республик), а дождалась развала Евросоюза. Как говорится, не рой другому яму, сам в нее попадешь.

«Либеральная интеллигенция» в известный период времени претендовала на звание бытописателя и исторического исследователя советского образа жизни. Прошло время. И оказалось, что короли «либерализма» и «интеллигентности» голы. Все претензии «либеральной интеллигенции» написать историю советской страны есть не что иное, как рабское переписывание антисоветской и антирусской литературы, в которой никогда не было ни ума, ни такта. Стоит почитать признанных классиков антисоветизма и антирусизма, например, Карла Поппера и Збигнева Бжезинского, чтобы обнаружить в их произведениях самое настоящее скудоумие и поверхностные аналогии. Пока книги этих западных оракулов вращались в кругу себе подобной публики, то они казались гигантами западной мысли. Когда же их работы были переведены на русский язык и стали достоянием нашего читателя, то оказалось, что мы имеем дело с заурядными литераторами, лишенными чувства исторической правды и философской истины. Если уж западные апологеты очень далеки от понимания советской действительности и русской истории, то их ученики в России и Белоруссии и подавно.

«Либеральная интеллигенция» чувствует свое отчуждение от наших народов, но в силу умственной беспомощности и социальной маргинальности считает это отчуждение проявлением индивидуальности и принадлежности, как она считает, к европейскому обществу. В действительности речь идет об определенном социальном уродстве незначительной группы людей, очень похожем на уродство физическое, природное. Посмотрите на умственный кругозор белорусского «либерального интеллигента» Владимира Некляева, который еще совсем недавно хотел быть президентом Белоруссии. Вот что он излагает в своих стихах: «Нет никакой Белой Руси, а есть Великая Литва!» И это говорит политик, который собирается защищать государственность и независимость Белоруссии!

Какие еще нужны доказательства, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело не с мыслящим человеком, а с законченным дегенератом.

В обществе всегда существуют ущербные люди, которые в периоды антиисторических движений и жизненного расстройств выплывают на поверхность бытия и начинают навязывать гражданам свои аляповатые мыслишки, которые, говоря словами чеховского персонажа, скорее помещаются в животе, чем в голове.

Именно это и произошло у нас в период так называемого реформирования экономики и государства. Разрушение СССР привело к разрушению человеческих отношений и нравственных устоев, привело к появлению не только нищих, бомжей, проституток, мелких спекулянтов, грабителей, но и их идеологических выразителей — «либеральную интеллигенцию», которая на жизнь смотрит через витрину западного супермаркета или глазами щедринских генералов, убежденных, «что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!»

Ментальное различие

Нетрудно убедиться, что именно эта «либеральная интеллигенция» является инициатором проведения рыночных реформ в России и Белоруссии. «Личности с рыночным характером, — отмечал крупный мыслитель XX века Эрих Фромм, — не имеют даже своего собственного «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом — «я такой, какой я вам нужен». Посмотрите на Марка Захарова, Владимира Сорокина, Виктора Ерофеева, Андрея Зубова, Михаила Федотова в России и Владимира Некляева, Светлану Алексиевич, Владимира Орлова в Белоруссии, и вы поймете, что собой представляет «либеральная интеллигенция». В чём ментальное различие между народным интеллигентом и «либералом»?

Народный интеллигент — это человек с исторической памятью, с развитым чувством социальной справедливости, с непримиримым отношением к несправедливо нажитому богатству. «Либеральный интеллигент», говоря словами Эриха Фромма, — это человек, которого «не заботит ни его жизнь, ни его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи».

Для народного интеллигента рынок — это место, с которым приходится иметь дело по необходимости, точно так же, как по необходимости человек отправляет свои естественные потребности. Для «либерального интеллигента» рынок

ассоциируется со всем миром, где нет людей, а есть только продавцы и покупатели и где он сваливает в одну кучу мелкие страстишки своей умственной деятельности и охраняет их в качестве своей священной частной собственности.

Народный интеллигент имеет трезвую голову на плечах и доброе сердце в груди. Он не признаёт идеала золотой лихорадки, его принцип: «Кто не в Бога богатеет, тот не достоин звания человека». «Либеральный интеллигент» мыслит и чувствует, как шекспировский Шейлок. Сколько стоит жизнь человека? Столько же, сколько фунт мяса на рынке. Вот его понимание прав и свобод человека. Ему непонятна ностальгия наших граждан по советскому прошлому, как Шейлоку была непонятна разница между фунтом мяса и человеческим сердцем. Еще одно различие между народным интеллигентом и «либералом». Для народного интеллигента деньги — средство, а не цель жизни. «Либерал» же — это вечно озабоченный манипулятор, запрограммированный лишь на одну функцию — добывание денег. Его жизненный интерес — это денежный интерес, т.е. интерес, направленный на скорейшее обезличивание и превращение себя в денежный знак. Вот почему «либеральный интеллигент» — это не личность, а своеобразный товар, цель которого поскорее избавиться от индивидуальных различий и раствориться во всеобщем эквиваленте. «Либеральный интеллигент» с его апологией частного, акцидентального, мамонистского неизбежно культивирует в личности презрение к общественному, государственному, человеческому. Какие могут быть высшие ценности? Какой может быть великий русский народ? — недовольно вопрошает «либерал». И отвечает — всё это утопия, совковость, есть только одна ценность — доллар. «Либерал» исключительно рассматривает себя как некую безличную силу, предназначенную для наживы. Не случайно Эверетт Шостром вынужден был признать, что бизнес и личность — вещи несовместимые, «ведь в бизнесе личность — это уже не столько личность, сколько машина для делания денег».

Народный интеллигент отзывчив на чужие страдания, способен на самопожертвование во имя других людей, с иронией относится к своим достоинствам и недостаткам. Благородство, бескорыстие, уважение к достоинству каждого человека, верность идеалам добра и справедливости, строгость и требовательность к себе — вот ментальные черты народного интеллигента. Он действительно человек высокой духовности. «Либеральный интеллигент» же думает только о своем теле, поскольку он видит свое предназначение в том, чтобы быстрее пойти на продажу. Реклама культивирует в нем худ-

шие качества: развращение, потерю контроля над собой, личную безответственность, отрицание нравственных норм, жизнь в ожидании уикэнда, отвратительную прозападную аллилуйщину. Давая комплексную характеристику «либералам», Владимир Максимов писал: «Они еще не стыдятся разглагольствовать о каком-то возвращении в некую цивилизацию и о выпадении России из некой истории. Господи, когда же, наконец, до этой политической шпаны дойдет, что стране Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Мусоргского и Чайковского, Менделеева и Мечникова, Королева и Ландау... незачем и некуда возвращаться, она полноправная часть современной цивилизации, да и сама по себе целая цивилизация... Это не она, а вы — профессиональные и человеческие пигмеи... выпали из истории...»

И последнее. У народного интеллигента есть смысл жизни. У «либерала» — нет. Бессмысленность существования — ментальный признак «либерала». В самом деле, о каком смысле можно говорить? Ведь это ностальгия по советским временам. А рынок, как скажет любой «либерал», не признает никакой ностальгии, никакой справедливости, никакой России, кроме денег. «Либералу» не дано понять, что то, что он называет ностальгией, на самом деле является человеческой реакцией нормальных людей на осмысленную жизнь. Социальная справедливость, национальное равенство, солидарность, самопожертвование, взаимопомощь — это та общерусская национальная система ценностей, которой принадлежит не прошлое, а будущее. Без нее развитие человека невозможно. «Либеральная интеллигенция» этого не понимает, а поэтому у нее нет будущего.

СТАРУХА И ЛЫЖНИК

РАССКАЗ

Старуха перестала считать свои года. Уже маму пережила, которая умерла сорок лет назад в восемьдесят два года. Мечтала дожить до её лет. Доползла. А дальше... Одни воспоминания... С недавней поры гонит их прочь: среди светлых, улыбочивых — всё гуще кучкуются безотрадные, хмурые, а то и вовсе грозные, с окриком: «А помнишь, окаянная?!..» И получается на исходе: закоренелая грешница! А кому поплакаться, кому открыть свою вину? Перед картонной иконкой Христа? Но даже в простенькой молитве «Отче наш» путается. И на сердце слёзы покаянные проступают. Щемит порой от одиночества, слеза от жалости к самой себе выжметя. Вот и всё горевание. А без такой бессердечности долго ли выдюжишь? Хотя и дюжить-то вроде уже ни к чему... А живность, что кругом соседится, всякую печаль сгоняет. Сродственники. А она, ровно медведица, в своей берлоге ворочается. Одни в старости бессонницей маются, ей же из медвежьей дрёмы в сон бухнуться — только на топчан прилечь. Этакая способность ко сну — будто в помощь в исходе дней вековых. Когда-то же кончатся они. Скорей бы!..

ПРОЗА

Вон и ворон-дряхлец об этом же. «Ха! Ха! Хр-ра!..» — насмеяется над старой, различая её с грозовой ели, опалённой молнией. Ором своим точно хочет сжить её со свету. Хрипит от злости, грязно ругается. Харкается — сам-то уже не жилец. Но не все соседи по урочищу такие зловредные. Ещё собачошка откуда-то пришмыгивает; рыженькая, на лисичку смахивает. Как бы и пустобрёшка, однако ж будто по обязательке облаивает. Раным-рано побудку учиняет: «Эй, лежебока, старая карга, вставай!» И когда обеденный сон сморит, то же: «Нечего дрыхать, засоня!» На закате, правда, молчком пред окном заявляется, проверяет: жива ли?..

От остальных сожителей лишь на душе тепло и улыбка. Сродственнички...

Хаживала к ней кошечка, хозяйская чья-то, ухоженная, масти молочной, с чёрной манишкой. По доброте души, верно, навещала. Не корысти же ради? Чем могла её попотчевать бабушка? С огорода — не кошачьи лакомства. Доширак-лапша — не для такой справной кошкури. Сама, добрая гостыюшка, порой гостинчик приносила. Вышла как-то раз хозяйка после собачьей побудки-разбудки, а на крылечке гостыя ранняя — и перед ней аж четыре мышки, рядком уложенные. В малухе старушечьей мышва не водилась: фасолинок клещевины, разбросанных у щелей, шугалась. В конце прошлого октября опросталась кошкура, да, видно, не убергла одного малышонка, похоже, замёрз он. Принесла его, положила в ноги бабушке и плачет. Мать есть мать...

А вот когда воробушка в этом марте в подарок преподнесла, старуха прогнала её. Поселилась в дровяничке парочка горихвосток. ПERNатостью разной урочище изобиловало: иволги, синицы, пишухи, поползни, дятлы, сойки, кукушки, горлицы, фазаны... Но эта семейка горихвосток, поселившаяся у старухи, стала для неё родной. Милые, забавные пичуги. Трепещут их оранжевые хвостики — точно огоньки горят. Когда деточка у них народился, домовитые, деловитые, всюю расстарались для него. Так и юркают с козявками к прожоре.

Не тревожила беспокойное семейство. Хоть и ходила грузно, тяжко, собирала валежины за ручьём. Там топко, мочажины — сырые дровишки подолгу растапливала в печурке, которая аж прело дымилась от них. А топить приходилось часто: апрель — прохладно ещё... Горихвост, отец, нарядный, огнистый, то пищал по-мышьиному, теперь же захлёбывался соловьиными трелями — такая радость папаше от подрастающего сыночка!..

Осторожно, в отсутствие родителей, заглянула в дровяник. В углу над хворостом гнездо из перьев, соломинок и веточек.

Рядом у стены на бруске пухляк-желторотик лупит глазёнками. Не успела полюбоваться на дитяtko, мамка с папкой, всполошённые, к нему с яствами занырнули, ручейками залились.

На пение такое счастливого охотница подкрадываться стала — кошка, ещё в марте от греха подальше прогнанная. Схватила хворостину старуха и замахнулась на разбойницу..

Много воды утекло в ручье с апреля по ноябрь. Уже более полугода не появлялась у старухи её кошурка. Разобиделась...

Девочка в электричке на эту кошечку походила: такое же симпатичное личико, и умничка такая же.

Старуха уже подрёмывала, как её разбудил звонкий детский голосок:

— Какая красота! На залив можно смотреть и не насмотреться. Очень красиво!..

Такая махонькая, а любитесь, как взрослая художница. На её возглас раздалось жалобное мяукание. Молодая мамаша девочки держала на коленях ковчезек с дырками. Приоткрыла крышку, высунулась кошачья мордочка. Все трое, и мать, и дочка, и кошечка, удивительно походили друг на дружку: чистенькие, светлые. Девочка чмокнула кошку в розовый носик:

*До, ре, ми, фа, соль, ля, си —
Муська села на такси...*

— *Нет, не так:*

*Муська в чёрных «рукавичках»
Села с нами в электричку.*

— *А вот так ещё лучше:*

*Наша Муська-симпатичка
Едет с нами в электричке.*

— Да, пожалуй, это лучше! — одобрил последний вариант стишка бородач в выгоревшей от солнца белёсой аляске и вязаной шапочке, насунутой на квадратные очки «умбра» в толстой оправе.

Старуха заприметила его ещё на перроне. Опираясь на две трости, он, с рюкзаком, терпеливо выжидал, пока «пробка» в тамбуре не рассосётся. Уступил дорогу и ей с парнем.

— Ишь, хунхуз, вежливый какой!.. — почему-то с неприязнью пробурчала она.

И вот они оказались в одном вагонном «кармане»... Парень, закинув дачную поклажу на верхнюю полку, сразу же сонно засопел, приткнувшись головой к окну. В первую неделю каждого апреля он отвозил старуху на дачу. По-барски звучит. На самом деле этой развалюхе жить осталось год-другой. Как и «барыне». Что ж, вместе погребутся... Как-то же надыйбал парень эту «природу» — дышать свежим воздухом? Люди с ума посходили. На Черниговщине западенцы русских выживают. Сестра двоюродная и прислала сына. Здесь племяш на стройке устроился. Да и гостинка чужим не достанется. Парень малахольный малость, но обходительный. Уж всем обеспечит на лето: масло растительное, лапша на развес и «доширак» в ванночках, сухари-сухарики, гречка, соль, сахар, чай, свечки, спички, керосин для керосинки. Лучок, картошку, помидоры, огурцы, укроп, петрушку грядки рожают, а кусты жимолости и смородины — ягоды. Всего вдосталь... Хотя и поезда скачут в ста шагах — а безлюдье вокруг. Лишь кое-где о людях напоминают обвалившиеся в бурьяне домики. Зарастают дачные участки. Уходят труженики-земледельцы на вечный покой. Да и электрички всё реже и реже ходят. Зато «нефть» нескончаемо грохочет — забота о персонах высшего сорта...

Раздражение запершило у старухи. А тут ещё этот доброт-лыжник. Хотя он-то явно никакой не элитчик. Кургузый угрюмец с палками — а к деточке с похвальбой...

— Ишь, какая ты знаменитая! — Девочка погладила киску.

Деловито достала из детского рюкзачка блокнот и ручку, нарисовала две змейки и показала дяде, похвалившему её. Две «пёстрые ленточки»; у одной головка узкая, с жальцем, у другой пошире. Обе обозначены: «не ядовитая», «ядовитая».

— Как же отличить ядовитую змею от неядовитой? — учительски спросила она. — Кошачья змея очень страшная, в горах живёт, а глаза, как у Муськи, — закрыла кискину корзину. — А неядовитая — удавчик...

Старуха чуть не спросила всезнайку про полоза, да спохватилась: ещё не хватало, чтобы её эта кнопка учила! А метровый змей по сентяблям красовался на укропной грядке, горделиво вскинувшись, отливая на солнце малахитом, оглядывая всё окрест. Хозяин! Обитал он в хворосте дровяника, где обустроились и горихвостки. И как уживались вместе? На то они и ужи, чтобы уживаться, хотя и лакомый птеник рядышком. Слёток уже на крылышко встал, когда старуха меж грядок ползала. Одуваны на салат рвала, ромашки — на керосиновый настой от тараканья, клопов, блох, мурашей и клещей. Драла «ежовый» бодяк, пырей, резучий осот,

шетинник. Вся эта сорная братва выдурела после июньского грозового дождя. И черви розовые, жирные — рыбаку загля-
денье! — повылазили. Горихвостик и пристроился к прополь-
щице. Выдирая траву, на оголённой земле она подбирала чер-
вяка и подбрасывала в воздух. Слёток изловчался и на лету
подхватывал угощение. А набив изрядно пузёшку, удумал
передохнуть прямо на распаренной спине бабушки. Она чуть
не растаяла от такой доверчивости. Замерла, благостно ощу-
щая сквозь платье царапки его коготков, и осторожно, что-
бы не спугнуть наездника, продолжила прополку...

А полоза-ужа старуха не страшилась. Она вообще уже ни-
чего не боялась. Поздно уже бояться в её-то возрасте. Полоз
тоже был в годах: в «малахите» его кожи подпалины появи-
лись, серость. «Одёжку» свою он сдирал в колючем малинни-
ке — раза три за тепло. Медлительный, добродушный, сви-
вался в кольцо у бочажка. Из него хозяйка черпала воду для
полива. В нём, в ожидании вечернего хора, ворковала, пуска-
ла пузыри лягушва. Змей неподвижно, завораживающе смот-
рел в бочажок, пытаясь «выудить» своим гипнозом добычу. Но,
знать, и вправду постарел — лягушки копошились в тёплой
водице, никакого испуга! А там, смазливо-студенистые, драз-
няще юркали восхитительные головастики. Но ему и ради них
лень было даже сунуть голову в воду, не то что нырнуть...

Старуха родилась в деревушке на берегу речки. Их дере-
венские, домашние ужики, угольные, с жёлтыми надбровья-
ми, из хлевов частенько уползали порезвиться в речке. И бес-
штанная команда, голожопики (в ту пору мелюзга не стыди-
лась друг дружку) подчас внезапно прекращали барахтаться
и брызгаться. На тёмной воде затона, расцветченного бело-
снежными кувшинками на ярко-зелёных блинах-листьях,
появлялась царственная процессия. Рассекая лилейные зар-
осли, в заповедной заводи плыл караван из утиц во главе с
изумрудно-золотистым селезнем. А на нём, приподняв го-
ловку, покоился — ужик, уставший плавать в речке. Утят
родители частенько баловали, на себе катали. А тут... С ужи-
ком уживался и весь птичник, выделяя ему самое уютное
куриное гнездо...

Потому и благодарна была старуха объявившемуся пле-
мяннику, что как бы вернул её в ту славную пору, где всё род-
но для человека, где всё ему мило...

Деревушка захирела. Тятя с маманей на целину подались.
Теперь там своё государство — казахское. Там, когда ещё всё
советское было, и схоронила родненьких. Сама же семьёй не
обзавелась, ухажёры не выдерживали девушку с характером.
Так бобылкой зябко и прозябала...

Лягушке, похоже, надоело сторожевание полоза, к тому же он всё-таки сглатывал иногда какого-нибудь непутёвого лягушонка, из любопытства выскакивающего прямо в змеиную пасть. Направило лягушине собрание к хозяйке, когда сомлевший змеюка уполз к себе в дровяник, знатную делегатку. Услышала старуха: кто-то сморкается на крыльчке, пыхтит, кряхтит, бурчит. Мама родная! Страхулетина несусветная! Жабища, в пупырях, бородавках, илесто-замшелая, грозно пузырём вздутая. Пучится, рот до ушей, чавкает, губами шлёпает, словами жабьими давится от злости. Хрюкает — свинья свиньей!..

Будто себя в зеркале увидела старуха, ощупала ладонью морщинистое лицо с бородавкой на лбу, горько усмехнулась: — Ладно, Василиса Прекрасная, не пужай! И так пуганая.

Таким ответом предводительница лягушьего племени осталась явно недовольна...

А старуха к детству обернулась...

Ёще в первом классе скакнула эта уродинка с рук на лоб. Наловили мальчишки лягушат и стали надувать соломинками. И ей такого дутьша сунули... А от него, мученика, бородавки руки все обгадили. До крови грызла эту нечисть. Долго её бабушка выводила. Сучила на прялке суровую нитку, петелькой схватывала каждую бородавку, шептала заговор. А потом жупкой веретёшки, тлеющей, как уголёк, прижигала. Ох и натерпелась тогда внученька! А на лбу блямбочка осталась — знак вины. Не накинулась ведь с руганью на издевателей...

На крыльце старуха приспособила для сиденья окомёлок-чурбан, на нём и сумерничала в погожую погоду.

Захлёбистый лай. Лиска нарушила обычно молчаливую проверку. Тяжёлая поступь нефтевозного состава. Собачка и старается перекричать грохот. За калитку не лезет, вежливая, без спросу не войдёт. Хозяйка поцокала, поманила рукой, позвала в гости. Та ни в какую! Видно, своих дел по горло, чтобы ещё бабку ублажать. Удостоверилась, что пыхтит подопечная, и посеменила, деловая, озабоченная. Служба социальной помощи — моральной...

А поезд уже сипел, хрипел, орал, разрывая тишь. Кто бы такую железнодорожную мелодию сочинил, чтобы уху было приятно? Хотя базлает незряшно. На крутом повороте, сказывали в электричке, в сию же пору куриной слепоты парень на спалах спяну не услышал сигнала, не увидел огней...

Резкий поворот оборвал покаянный надрыв невольного убийцы. И следом стукоток прихрамывающей электрички...

Вспомнился старухе хромец Лыжник. В апреле, когда вышли из электрички, дачницы, глядя, как он, калечный, в кургузой куртчонке, по-лыжницки шаркает ногами, опираясь на палки, заохотали:

— Едва пилит! Да и не видит, поди?

— Ему бы по вагонам побираться, как тот «шлепой».

— Какой из него работник?

— Да выпендривается он! Нынче скандинавская ходьба в моде.

— Это как это?

— В прошлую субботу на набережной Цесаревича оздоровительное мероприятие организовали «Пешком ходить — долго жить».

— Мы, дачники, все — пешедралы и долгожительство на грядках угрохываем.

— Нет, белоручек и белоножек горожан оздоровлению учили.

— Ладно, хоть не на площади Борцов революции. Там столько машин: выхлопы, угар, чад — дышать нечем.

— Измерили пульс, вес...

— Ну да, чтоб с непривычки в обморок не хлопнулись.

— И начали учить ходить по-скандинавски...

— Ничего своего нет! Даже ходьбы!

— Якобы при этом происходит равномерная нагрузка на все мышцы. Выдали палки, как лыжные, чтобы плечи, спину, поясницу задействовать. И внутренние органы тоже активизируются. Необходимо делать сто двадцать шагов в минуту. Когда так ходят — прилив сил ощущается.

— У меня раз ноги остановились, аж ветром потеребило. Но ничего, понужнула себя да побежала!

— Вот-вот, такое наше поколение! Не станет нас — что тогда?..

— Ничего, вон как кукушка долго счёт ведёт!

— Да, нынешняя кукуна исправно считает, не то что прошлогодняя: та два раза кукнула и умотала...

К Лыжнику мужик с хрящеватым носом пристал:

— Давай, четвероногий, выпьем! Глянь!.. — и он воздел руку к небу.

Лыжник запрокинул голову. Полутёмные очки зловеще блеснули. Допотопные кирзачи всмятку. Щерится... Неприглядный вид. И как только девочку в электричке не напугал?..

— Да ты смотри, какая красота!.. — восхищался хрящено-сьй.

И правда, по правую руку от перрона поле широко раскинулось. Питомниковые ровные посадки подростковой ольхи, в них фазаны гулеванят, гудочками перекликаются. А

над всем этим окоёмом тучка-щука с золотой каймой плывёт. А этот «кирзач» всё шерится... Едва щучку небесную не спугнул, чуть не рассыпалась на пёрышки...

Остался тогда Лыжник красотой любоваться да выпивкой украшать?.. Наверно, притормозился. На дармовщинку-то болезному оздоровительное подстать. Дорвался до бесплатного, халявщик!.. Хотя вряд ли этот скрытник станет якшаться со всяким встречным-поперечным.

И вот такого несураза кошка чуть ли не на перрон выходит встречать. Не та, которую девочка-всезнайка везла. Та в «рукавичках», а эта с манишкой. Да и девочка раньше вышла. А эта её, старухи, любимица... Он дорогу себе подле старухиной хибары облюбовал, неторопкую тропку проторил. Здесь, в низине, ему удобнее лыжничать. Туда, где живо ещё дачное товарищество, дорога карабкается по кручам. Какой же у Лыжника участок при его-то немощи? И жильё поди развалюшнее старухиной малухи?.. А в апреле чайка над ним вилась. Сроду чайки сюда не залетали. И вдруг эта залётка! Диво дивное! Кошка-то немая, не мурлыка даже, а чайка её как бы на соревнование вызывает, мяучит лучше всякой кошки. И у немтырки вдруг голос прорезался. Громким мяуканьем птице благодарность выразила, как будто та её от немоты спасла. Чайка, и впрямь, как сестра милосердия, — вся в белом...

В июне травостой попёр, и Лыжник в нём по пояс грёб. Уже несколько раз замечала его старуха в своих пределах. И кошечку с ним. Как собачонка, трётся возле него. К бабушке даже за калитку не заглянула. Шибко обидчивая. А этот, коряга, привадила её. Невзлюбила ковыляку старуха. Ему бы в городе сидеть, а он своими пудовыми кирзачами здесь уютжит... Не настырность ущербника досадила старухе, а, похоже, приверновала к нему кошку...

Полоз мог бы всю лягушву давно проглотить, да благородство проявил...

А перед его отбытием из насиженного гнезда в дровянике дивилась старуха на наблюдательном своём окоёмке на тучу-щуку в небе с золотой каймой. Точь-в-точь такая же по весне плыла, словно из окоёма апрельского и появилась. Но вот рябь подёрнула небо, растворилась в ней рыбина...

Мерцающий сумеречный писк горихвостки, плаксивый. Дитяtko где-то припозднилcя. А вот и он, соколик! Желтоватая спинка в пестринках, хвостик — огоньком. Весь в папашу. Компанейский паренёк. Виноград у крыльца шуршит, а он головку потешно наклонил, прислушивается. Сам голосок

попробовал. Приятный голос... Ручьистые переливы жаворонка, трель соловьём рассыпал... Такой сольный концерт закатил для старухи, добрая душа! Минут двадцать услаждал её слух, исполнял свои произведения. Десять вариаций для флейты. Упивался своим исполнением. Самозабвенно заливался в руладах, выдыхал чечёткой свист с коленцами... Маэстро-соловей отдыхает! И у кого перенял такое высокое, божественное искусство? Вот одарил Господь певца, так одарил!..

Уважил, питомец и храбрый наездник! Ведь и она подкармливала его, подкидывала лакомых червячков и на себе катала. Хотелось и ей отблагодарить его, поддержать на ладошке, посюсюкать с ним — да упорхнул к мамке. Уже не пищала она жалобно, а только посвистывала, радуясь за сынка своего, талантливого и добросердечного.

Тявканье травяных лягушат подле бочки с водой. В ней заполошно бултыхался изумрудный лягушонок: на звёздчатых лапках-присосках забрался, верхолаз. Вычерпала старуха отчаюгу пригоршней, к братикам и сестрёнкам выплеснула. Только вновь уселась на чурбане, гостьюшка пожаловала, похоже, сестричка спасённого, — отблагодарить спасительницу.

— Как тебя звать, краля?

Лягушка громко назвала своё имя:

— Ква-ква!

— Ишь, малюстёнькая, а горластая!

Та же залопотала, заблагодарила. Родичи в камышовой мочажине одобрительно закричали. Солидно, будто утки. Затем зачастили, точно скоблили на тёрке морковь; завизжали, как пилены-циркулярки. На дальних болотах слаженно грянул лягушечий хор. Разом умолк. Сверху Кто-то дирижировал, и все болота чутко внимали Ему..

Малышка улепетнула, и старуха, отбиваясь сорванным лопухом от комариных туч, поднялась с насиженного места, бормоча свои благодарения лягушечьему царству за соловьиное пение и за труды по уничтожению слизняков и комарья, от которого спасу нет. Даже сквозь вязаную кофту жалят, злыдни!..

Однако в полночь сон старухи оборвал топот на крыльце. Приковыляла жаба и привела своё воинство. Пытаясь командовать, как худая писклявая гармошка, тужилась с хрипом, храпом. Шипела, резиново скрипела, скрежетала. Вояки её разгалделись, разорались. Заверещали по-обезьяньи. И воительница их завизжала, точно резаная свинья: вот-вот ринет орду свою на взятие «крепости». Вот-вот вышибут хилую дверь — и сожрут старуху..

Ежиха-полуночница разогнала беснующуюся банду. Пришел час ей рожать в тихом гнезде своём под домом, да пред-родовой покой её порушили эти глупые шлёпалки. После разгона мамаша, тяжёлая ежатами, почувствовала ещё боль-шую тяжесть и поспешила в дровяник: не тесниться же под полом при таком многодетстве?

И полоз, не из-за страха перед ежихой, а ради роженицы и её потомства, покинул своё жильё и поселился в дупле грозой ели...

— А вы лыжник? — поделившись сведениями о змеях, спро-сила вдруг девочка бородача, внимательно слушавшего её.

— Я — лыжник, а ты — индиго.

— Никакая я не индиго! Естественно, эти дети необычные от природы. Я же, тем временем, четыре месяца читала эн-циклопедию. И у меня в мозгах есть карта памяти. А потом четыре месяца читала толстую книгу сказок... Одной киске не дали сосиски, её даже мышка успокаивала. Гигантское горе! Мышка не учла кошачью натуру. Всё же киска отпус-тила мышонка к свободной жизни...

— Ты, наверно, и сама сказки сочиняешь?

Зловещность Лыжника покорила старуху: усмешка с ощером, мертвенный блеск очков...

— Потом!.. — отмахнулась девчушка. — Лёва к свободной жизни просится, — отвязала от цветастого рюкзачка плю-шевого рыжего львёнка с пугливыми глазками; сняла с руки бусовое ожерелье и надела ему на шею: — Ну вот, теперь пой-дём гулять! — Взяла львёнка за гриву и изобразила прогулку: — Цок-цок!.. — и пропела по русско-немецки: — Майне кляй-не шёне Лёва побежал по штрассе. Цок-цок-цок!..

«Мой маленький красавчик Лёва побежал по улице». Ста-руха вспомнила, как деревенский учитель, бывший фронто-вик, учил их немецкому языку с помощью подобной песен-ки, однако в ней по улице бежал поросёнок. Знать, и у девоч-ки дедушка с бабушкой из послевоенного поколения...

Глаза у старухи увлажнились, но она решительно провела по ним ладонью, как бы смахивая не проступившие ещё слё-зы. Обошло стороной семейное её счастье, что ж теперь...

И Лыжник понимающе ощерился, тоже, видать, дойч учил.

— А вам сказку? — после «выгула» спросила его девочка.

Он кивнул, сверкнув очками, и со вниманием наклонил голову.

— Сейчас я расскажу сказку «Большая Клубника»! Жила-была Большая Клубника. Она выросла большая-пребольшая. Очень! Размером с арбуз. Сдвинулась она и побежала

по грядкам. Встретилась ей Сойка: «Не ешь меня, Сочечка!..» Потом случилось, как у Колобка. Чтобы её не съели, Клубника песенки пела Сойке, Божьей Коровке, Кузнечнику, Зайчику. Закатилась она в самую чащу леса. А по дороге двигает Бурундук: «Ой, Клубничка, я старенький стал, плохо слышу. Лучше с песенкой сядь мне на носок!» Села она на носок, спела, а Бурундучок ей и говорит: «Ой-ей-ёй!.. Сядь на язычок!» Села она на язычок, а он её и съел! Но не всю, остался хвостик, а хвостик съел Зайка. Тут и сказке конец!

Муська благодарно мяукнула сказочнице. Мать погладила кошечку и львёнка и, с умилением глядя на дочку, попросила:

— София, расскажи, как вы в пряталки играете.

— Ой, умора! Лёва прячется под матрасом. Чемпион по прятанью! И Миша... Вот дружба Лёвы и Миши. Сначала они ссорились, ссорились, а потом они помирились. Начали они дружно дружить. Ну вот, была очень большая история, как они познакомились с Розовым Зайкой. Бо-ольшой Розовый Зайка! Сбежал с вешалки. Ох, какой хитрый был!.. Стал он рок-н-ролл играть. Мы его уговаривали, что не надо играть. Он такой нежненький, но настаивал: «Нет-нет, лучше я рок-н-ролл буду играть!» Мы объяснили ему, что не надо, не надо! Много, целый день объясняли... И вот играли однажды в чепуху. Мы загадывали вопросы: что, где, когда? Один раз я думала, что загадать Лёве. Хм-хм... И хитро придумала: «Кто есть Львов?» А он разобиделся: «Львы — самые сильные. Их никто не может есть!» — «Ха-ха-ха!.. Ты чо, Лёва?!.. Это же человек! Фамилия такая». Мы вместе, вчетвером смеялись. Очень смешно было... Потом мы играли в прятки. Мишу я нашла под подушкой. Лёву мы очень долго искали под матрасом. Потом он прятался в розовой подушке, а Зайка прятался в коридоре... О-ох!.. В розовой подушке... Ну вот, такие у меня смешные друзья...

Девочка устало зевнула и уже почти сонно закрыла глаза, но, прищурившись, всмотрелась в Лыжника и неожиданно спросила:

— А у вас внученька есть?

Старуха вздрогнула, как будто ей был задан этот страшный вопрос. Только что смахнула непрошеную слезу о горьком одиночестве своём — и опять эта девчушка!..

— Внучки у меня нет, — как-то чересчур спокойно ответил Лыжник.

Его равнодушие возмутило старуху: снежный человек какой-то со своими палками!.. А как бы она ответила?.. Хоть уши затыкай, чтобы невзначай душу не разбередить, сердеч-

ную рану не расковырять. Она поглуше надвинула полушалак на голову, потуже завязала узел и даже подняла воротник демисезонного плаща с поддёвкой: бабка в футляре.

— Да-а... Жалко!.. А я могу у вас внучкой побыть! — отозвалось детское сердечко на скрытую взрослую печаль.

— София, мы выходим! — оборвала мать добросердечие дочери и натянула на неё рюкзачок со льёнком.

Подхватила контейнер с кошкой и резко дёрнула дочку за руку, потянув за собой. Личико девочки плаксиво сморщилось, и она, виновато взглянув на Лыжника, помахала ему:

— До свидания!

В ответ он долго молча махал ей вслед, даже в окно, хотя на перроне семейства не было видно...

Дробный стукоток электрички. Широкий припай с рыбаками. Но свободный почти ото льда залив уже в трепете, в мелких блёстках — словно прослезился.

В поездном радио забулькало, будто кто-то промывал горло. И пасторальную идиллию за окном нарушил «электрический» голос:

— Уважаемые пассажиры, для предотвращения возможных террористических актов будьте бдительны! Не трогайте подозрительные, неопознанные вещи, оставленные неизвестными лицами! В случае обнаружения подозрительной клади немедленно сообщайте машинисту электропоезда или нажмите кнопку вызова полиции! Во избежание паники приносим свои извинения за доставленное беспокойство и вынужденные неудобства. Благодарим за внимание!

На это неоднократно косноязычное «полувоенное» предупреждение пассажиры, даже самые мнительные и боязливые, не обращали уже никакого внимания. Оно постоянно звучало и на вокзалах, и в поездах.

По правую сторону от линии с шиком, с лоском шуршит трасса от сверкающих, как пули, иномарок. Там под буханье монстров рока и под надрыв приבלатнённых шансонов мчатся к счастливой жизни золотой молодняк и элитчики.

И в ж/д «бараке» свои счастливичики...

«Народная артистка» в балахоне, обклеенном от островерного колпака до пят новогодними открытками разных лет. Меленько топоча, загнусавила: «Владивосток, Владивосток!.. Вода, вода — кругом вода!..»

Посыпались «комплименты»:

— Фу ты, ну ты!.. Чудо в перьях!

— Эффектная дамочка!

— Не жизнь у неё — малина!

— Артистка погорелого театра, на, держи червончик на ремонт!

— Мне ваших денег не надо! Я выступаю за внимание.

— Ну-ну, попрыгунья-стрекоза...

— А вот и попрыгун-стрекозёл с новостями!

Мордатый парняга, золотушный, похоже, едва втиснулся в проход с газетным мешком и запритопывал медвежато:

— В новом выпуске «Честной газеты» опубликовано о судебном процессе над руководителем клуба «Юные орлята флота». Полтора десятка лет под видом патриотического воспитания растлевали детей. Это происходило даже в президентских апартаментах флагмана российского флота атомного ракетного крейсера «Пётр Великий». Преступное глумление над общественной моралью приобрело вызывающий размах. «Кто из высших покровителей этого дикого варварства понесёт ответственность?» — спрашивает газета.

— Безумная Россия!

— Эй, обозреватель, ты нам сатанизмом настроение и аппетит не порти! Вон мороженщица идёт нас порадовать.

— Мороженое кто хочет? Сегодня за деньги!

— Ну коли за деньги, я первый, согласно купленному билету!

— И о питании интересно опубликовано в «Честной газете». В США ежегодно проходят соревнования по спиди... спидитингу — во какое слово! Это быстрое поедание продуктов. Помимо хот-догов и гамбургеров спиди... спидитеры на скорость уплетают масло, сыр, пончики, перец чили, майонез, пиццу и консервы. Приз десять тысяч долларов достался американке корейского происхождения Соне Томас. За 32 минуты она съела 167 куриных крыльев, а за девять минут — пять килограммов чизкейка.

— Безумная Америка!

— «Честная газета» сообщает о беде, постигшей Россию. Сгорел любимый ресторан президента. В меню был включён «Обед президента»: царская уха, мясное ассорти от шеф-повара: лангет, колбаска, эскалоп и домашняя котлетка; говядина под острым чесночно-сметанным соусом, осетрина горячего копчения с лимоном и маслом, десерты. Стоит такой «Обед президента» из пяти блюд, не считая спиртного, 65 евро.

— Маразм крепчал!

— Ты что, газетчик, издеваешься над нами?!

— Это не он издевается!

— Президент, что ли? Президенту положено. Ты хочешь, чтоб он «доширак» ел?..

— Америкашкины пожиратели вусмерть давятся от рекордов. А эти давятся, но не загибаются.

— Соседку на днях похоронила. Царствие ей Небесное!.. Я Галину Ивановну уже мёртвой застала. Прямо в прихожке на полу. Зажала в руке квитанцию на оплату ЖКХ. Пенсия у неё восемь тысяч. Жировка за январь была на три тысячи, а за февраль пришла уже на шесть тысяч!.. Вот сердце и не выдержало...

Единая душа вагона «Россия» воскорбела об усопшей великомученице Галине Ивановне. Даже стук колёс на нарушил глубокого молчания. Словно в трауре поезд застыл на станции со светлым названием Весенняя. Царствие тебе Небесное, Галина Ивановна!..

Скорбную тишину прервало газетное обличение виновников смерти русской женщины:

— По статистике ЮНЕСКО, Россия занимает первое место в мире по величине национального богатства на душу населения. Благодаря заботе нашего руководства мы также впереди планеты всей по темпам роста числа долларовых миллиардеров и занимаем второе место в мире по количеству долларовых миллиардеров после США. Неустанными стараниями новорусской правящей элиты Россия занимает первое место в мире по убыли населения; первое место по количеству самоубийц среди детей, подростков и пожилых людей; 67-е место в мире по уровню жизни...

— Ясно, что пасмурно! Теперь верхушке есть на кого сваливать эту антинародную цифирь: на Евросоюз и Штаты, на майданутый Киев, на возвращение Крыма.

— А вот газета сообщает, что в Москве родился Каспер Ненаглядный!

— Кто-кто?! Второй Каспаров, что ли?

— В городском загсе зарегистрировали рождение детей с необычными именами. Самыми редкими стали имена: Ангел Мария, Принцесса Анжелина и Каспер Ненаглядный.

— Тьфу ты!.. Дурдом! Тоже майданутые!

— В свежем номере «Честной газеты» опубликовано, что Америка обвиняет Россию в аннексии Крыма, что российские спецслужбы провоцируют беспорядки на юго-востоке Украины... Чуркин в ООН отвергает все обвинения и призывает Америку прекратить насилие...

— Не зря у нас на мыс Чуркин Золотой мост перебросили.

— «Честная газета» на тридцати двух страницах. Самая честная газета!.. Лучший друг Путина облегчил бюджет России на сумму миллиард долларов... Цена газеты десять рублей. Об этом и о многом другом в новом выпуске все подробности. А также в продаже имеется предыдущий номер... Имеется много интересного чтения. В «Справедливой правде» чи-

тайте о «смачном» поваре, ныряльщике и машинисте-майдановце Макаревиче и о «пятой колонне»... Кто любит непознанное, покупайте популярную газету «Шестая раса». Скрасят ваш досуг и газеты со сканвордами и японовордами. Стоимость десять рублей.

— Всё рассказал, можно не покупать, — хохотнул дедок с венчиком седых волос вокруг лысины. — Приходи вчера с мешком холщовым!

— Японский городовой! Давай мне твой японоворд! — нашёлся у газетчика один из немногих покупателей — мужик с диковатыми бровями.

— Сколько же он зарабатывает? С виду здоровяк, но большой, похоже. Э-эх!.. Достал бы из широких штанин сотню другую-третью — и раздал бы всем этим нищим, что делают вид, что не нищие! Да сам... Э-эх!.. — горько вздохнул вслед газетчику усач, похожий на Лукашенко.

Сипло свистит на остановке куцая электричка с оборванным хвостом — до четырёх вагонов. Мальчишеский голос машиниста объявляет с важностью:

— Электропоезд следует до станции Раздольная со всеми остановками! Осторожно, двери закрываются! Женщина с ведром, бегите в заднюю!..

«Как же этот подросток ведёт поезд?..» — с дремотным безразличием думает старуха. Парень как нахохлился у окна, так и сидит, полоротый, даже не поспывает. Палочник ползакрыв глаза, будто всматривается в свою глубину. Какая она у него там? Чужая душа — потёмки...

Карапуз пялится в окно. Мамаша одёргивает его.

— Чо надо?!.. — огрызается он и объявляет: — Остоёжно, двей закываються!.. Я тоже так умею говоить! Санатойная! Наконец-то. Загоять, пьвать! Уя-я!..

— Какая тебе Санаторная? — журит несмышлёныша мать. — Какое загорать? «Пингвины» на Угольной сопли с удочками морозят.

— Ну чо-о!.. — недовольно пищит карапуз и замахивается на мамку кулачком...

— Кто на перроне забыл ведро?! — заполошно вопрошает женщина, которую торопил машинист. — Кто хозяин?..

— Нет хозяина, пушай ездит! — разрешает дедок.

Пыхтит электричка, пыхтит, бухтит — старичьё везёт по-стариковски. Заборы, выкрашенные в триколор. На одном из них крик души. Какой-то несчастный влюблённый, воспитанный и культурный, видать, аккуратно, каллиграфически вывел граффити: «Вика непостоянна!» На будке-уборной призыв: «Не кипятись!»

Между клацающей дверной «гильотиной» и жёлтой кнопкой вызова полиции плакат-предупреждение: «Для тех, кто курит в электричке, следующая остановка «Рак лёгких». Именно на этот душераздирающий плакат прислонилась спиной скрипачка-экологиня, такая же худенькая и писклявая, как скрипка.

*Братья земные — лось и лосось!
Внемли мольбе их, брат-человек,
Чтобы продлился подольше их век...*

— Подайте шлепому, кто школько может!..

— Десятки лет просит — бессмертный!

— Жизни нет — а он живёт!

Заискивающе-слащавый голосок узбечки-барахольщицы:

— Гольфики, бриджики, велосипедки, капроновые носочки, следошки, маешки, футболошки, платошки!..

Разрывая струны гитары, как тельняшку на груди, захрипел с надрывом бард. Четверть века назад его горячо привечало каждое судно пароходства; он и жил припеваючи на них... «Кораблиные стаи», которые он воспевал, разбились в тёмных ущельях «прихватизации». Теперь его качала палуба нищенской электрички.

Старушенция в белом кепи, пытавшаяся унять зевоту, раздиравшую рот, вздрогнула от гарканья дикобрового. Суетливо выпутала из узелка носового платочка — перламутровый мобильничек:

— Оксанка, а вы где обое?... Я на Совхозной, в электричке. На Чуркине сяду... Духотень. Холодней бы водички! А то терпения не хватает... Да вот, не взяла, кулёма!.. Ну, ладненько, пока!.. Я рада, что ты рада!.. Ну пока!.. А картошка у вас на посадку осталась?... Ну всё, пока, пока!.. Слушай, а баба Груня... Подожди, я уже на Надёге!.. Вот вспомнила, что хотела спросить! Памяти совсем нет. Пенсию вам в Киеве дали?..

Шумиха поднялась из телефонных гудков — взрывы, автоматная очередь, вой сирен, химерический хохот, музыка погони из «Берегись автомобиля!», ляляканье попсы: «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи...»

И ворох новостей из Украины — будто свет закачался...

— Спасибо америкосам — из-за них Севастополь к нам вернулся!

— Дамочка с косой хочет русских ядерной бомбой стрелять...

— У ней не коса — змея голову жалит.

— Зоопарк! Юлька — гадюка; Яйценюк — кролик.
— А на Украине — люди. Мучаются.
— Да и у нас только элитчики блаженствуют.
— Один народ, одно дерево хотят вражины порубить на ветки.

— В Москве — Рублёвка; в Киеве — Порубий.
— Ну и загнул! Этим майданутым порубщикам дворцы бы крушить, а не простой народ!

— Зато в Минске — Батька! Его бы во главе... — сам похожий на Лукашенко, высказал народную мечту усач.

Лыжник приподнял тёмные очки и усмехнулся в бороду. «Афанасий — восемь на семь! — ругнулась про себя старуха. — Рупь пять — два с полтиной!..» Ей показалось, что он скривился ехидно. Однако затем как бы улыбнулся хитро, и даже мудро, будто ведал какую-то заветную весть — добрую, благую.

Старухе до слёз захотелось очутиться в этом апрельском вагоне... Многолюдное человеческое общежитие, живое. Даже дурочка, обклеенная открытками, в нём — не чужая...

А четверть века назад старуха и сама едва не прописалась в этом шумливом доме. Разорилась тогда её родная «Заря». Зарплату отменили. Выдавали поначалу школьную форму, спецуху рабочую: брюки х/б, куртки; потом отрезки материи, молью поеденные до дыр... Барахолить не стала, раздала костюмчики школярам на этаже.

Напялила штаны хэбэшные и подалась для добавки к нищенской пенсии в черёмуховые холода папартник собирать на продажу. Для его пушего произрастания бывалые сборщики палы пускают. И она, новоиспечённая, на горельнике у посёлка Ключевого полный баул нарвала орляка и страусника. Они уже на треть метра вымахали, а верхки улитками свернулись. Черешки с приятным хрупотком ломались. Скрепил пучки резинками и насмелилась пойти по электричке. Да мальчишки, конкурентчики, с такой же продажей побежали. Настырные, с криками — чуть с ног соперницу не сбили. Сошла, неудавшаяся папартница, на следующей остановке. Так и не вжилась в эту дорожную общность...

Барахольщица, слепой, исполнители... Ездит поди и девчушка сказочная. И Лыжник... Приподнял тогда очки — лицо будто топором вытюкано. А по глазам видно — свежий человек, подлинник. Зря она о нём по обличью судит. Давненько не хаживал мимо. Бытует, наверно, безвылазно на своём подворье. Куда ему таскаться с его-то палками? Хотя бывало и после ноябрьских ларёк на перроне ещё неделюдругую продукты отпускал. Старуха туда ни разу не хажива-

ла. Впроголодь не бедствовала. А ежели в конце дачной отбивки поджимало с пропитанием, перебивалась с бережью, экономно. Деньжата кой-какие сбереглись, но круто карабкаться из ложбины на крутояр она побаивалась — вдруг ноженьки отнимутся. Ведь и прополку-то, уморившись, доканчивала уже на коленках... А ларёк закрылся поди уже. Покупатели в город съехали. Зазимок. Ранний. Нехватка солнышка. Колко. Колкое старушечье обиталище, льдистое даже. Вековуха сиротская. Беспризорница. Сплавил племяшка. Безответье. Поезда будто отделились. Лишь клацают где-то на перегоне затворами стрелки...

Не едет парень. Кабы худа не случилось. Какой-то неприкаянный он. Не приведи, Господь, чтобы не выманили комнатёнку по его недоумию. А то и вовсе могут жизни лишить и на свалку свезти... Нет-нет! Упаси, Боже! Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

И отрешаясь с Божьей помощью от затягивающей мрачности, старуха вновь направила память свою к светлому апрелю...

Парень, сгибаясь под поклажей, упыхтел вперёд. Она, боязливо хватаясь двумя руками за «потный» шаткий поручень, осторожно переступая по выщербленным ступеням перроновой лестницы, спустилась к развилку. Углубилась влево, в сырую низину со скрытной, чавкающей под ботами тропкой, известной, верно, ей одной да её носильщику. Потом уж и Лыжник эту няшу выбрал: всё не по кручам карабкаться, ноги сбивать, подворачивать.

По правую руку под седым покосившимся забором в переливчатом тёплом воздухе замерцали робкие огонёчки лютиков. Начало апреля, а словно май! Лопотунчик-ручеек журчит весело, приветствует свою бабушку. Знакомую суковатую палку нашарила под камышистым кустом, чтобы перешагнуть ручей, не поскользнуться. А за ним куртинка адонисов: кубышки их набухли до жёлтых прожилок — вот-вот взорвутся единым солнцем на весь белый свет!

Внахлест слетелись гудящие вихри встречных поездов, будто схлестнулись две жизни: прожитая — и природное обновление. И порыв этот обнадёжил на всё пребывание в избушке, которая уже не виделась ей заброшенной сиротской могилкой. Не подслеповатые — сверкающие искры-окна кольнули сердце...

Ворон по-гусиному загагакал, без старческого храпа. Сорочка-трещотка небоязливо, поближе подлетела на изгородь со свежей здешней сплетней. Горлица закартавила, ровно горошину заперекатывала в горле, потому и горлица. Пти-

чья песенная россыпь в сквозных ещё кустах смородины душу окропила...

Двор под ивой, безлистой пока, затенился ажурно. А бочажок горит на солнце, и в нём акробаткой, головой вниз — хозяйка.

Воздух благоуханный, а глаза щиплет до слёз. Радость неведомая, несказанная... Халатно к себе относилась и к жизни безверно, с сухостью в душе, засолилось сердце. Да сподобилась племянника обрести, а с ним и оживление природное. Благо, не мешает природности. Свалил груз с плеч и умотал. Так ему сподобнее, и ей... Долго, затяжно остепенялась в путаных думках своих. Нет, любовь земную, что ещё с ней, к Богу обратить надобно. Вон как всё дивно устроил Господь! Порядок во всём и забота...

Два дыхания встретились: солнышка — и землицы-роженицы. И воспарила в дымке трепетной весна.

Стёжка облачков в рубчик — видится как швее. И на земле проторочит, состебает стёжки-дорожки. На огуречной грядке мокрец показался, курчавится по углам; не сегодня-завтра в такую теплынь забьёт, ползучий, всю грядку. Сунула руку в мелконькую поросль. Родимая земелька под ногтями. Выдернула пучочек травки с огуречным запашком, сжала в кулаке, брызнул — мокрец. Не утерпела. Скинула плащ, сняла цигейковую поддёвку. Осталась в длиннополой панёве и принялась с жаром, в охотку щипать настырный сорнячок. С ухоженной грядки грядёт урожай... Горе луковое — прополка! Руки обзеленились, огурцами пахнут. Поламывает их с отвычки. И во всём теле приятная ломота. Косточки даже слышно. Эх, жизнь-сестрица!..

А пятого мая, как помнит, поднялась спозаранку. Нежная зелень искрится — не роса, а драгоценные камушки. Сердечки берёзовых листочков глянцем отсвечивают. Ходят по ветерку волною, блестят, лоснятся «оперившиеся» кусты жимолости. Цвиканье взволнованной горихвостки, точно цикады пробуют голосок. И Лиска за калиткой волнуется, на бас в побудке перешла: «Гав! Гав!..» Беспokoится: где же бабка? А бабка уже подле прясла молоденькую, в пушке, крапивку на салат рвёт. Лучше протирать подмётки, чем одеяло. И одуванчики щиплет, что на прелом пригорке в парящей дымке огоньками светятся. От прясла к дождевой бочке на углу избушки благодатная грядка тянется с разным салатным народцем. Ревень уже лопушится, пёрышки лучка торчат, и другая зеленушка топорщится — щавель-кислица, петрушка, сельдерей...

С улыбкой вспомнила, как собиралась папортницей

стать... Не задалась продажа. Зато полакомилась вдоволь ресторанным деликатесом. Отварила в солёной воде и неделю к холодильнику непрестанно навевывалась, вкусно похрустывала молодыми побегами. В них и витаминов неисчислимо, и всяких полезных элементов: и марганец, йод, кальций, фосфор и даже медь... Весь этаж попотчевала...

Положила росные букетики-пучки первого урожая в тазик с водой и продолжила вкушать радости пригожего утра.

Ручей уже чуть ли не реченькой разлился. И травушка луговая в пойме его, седая от росы, расцветчивалась жёлтыми бубенцами купавок и солнечными сияниями адонисовых куртинок.

Как деревенская девчонка, старуха, окунаясь в душистую прохладу гроздьев сирени, слушала кукушкин счёт своим завтрашним летам. Сначала и у вещей птицы от майского счастья в зобу дыхание спёрло, затем она от волнения закурлыкала, а уж потом расщедрилась, доброхотка, на долголетие.

— Катя! Катя!.. — заголосила иволга; дотоле пересмешница журчала залиvisto, как ручей.

— Какая я тебе Катя, дурёха? — добродушно проворчала старуха, ласкаясь ладонью о колокольца ландышей в тенёчке под сиренью.

И даже составы застукотили майскую мелодию: «Нас утро встречает прохладой...»

Вдруг эта благодать разорвалась, как шёлковая ткань. Пулемётный треск раздался. Но то не пулёмёт строчил. С кикиморочьим стрёкотом, с диким ором от грозовой ели гнала белку сорока. Пикировала на неё, пытаясь захлестать крыльями, сбить, затоптать, заклевать. Беглянка, крупная, с кошку, бурая, с чёрным непушистым хвостом, скакала неуклюже, сгорбленно. Часто обессиленно сжималась в комок под ударами разъярённой птицы. Видно, захожая, с ельника грызунья ненароком оказалась возле гнезда с сорочатами. Вот она — материнская защита!.. Жестокую трёпку задала белобочка неосторожной гостье...

До сего часа гроздовая ель, как сказочный терем, принимала всякую живность на жительство. Дятел вытюкивал короedikов. Сорочье семейство плодилось: новостройка пестрела в хитро сплетённых корзинах гнездовья. Пищухи и поползни сновали по шершавому стволу, рискуя увязнуть коготками в пахучих янтарных слезах смолы. Лазоревки, гаички, москочки, теньковки и прочие синицы распевали на гостеприимных ветвях. Кукушка охотно ворожила всему этому населению, даже вещему ворону. И полоз, мудрый хранитель елового заповедника, чутко подрёмывал в своём трон-

ном дупле. Много хвои осыпáлось к подножию ели. И в покальывающей, щекочущей холмистой перине шмыгали змейки, ящерики и мышва. Сюда, похоже, в это таёжное почти царство, и ежиное семейство переселилось, немного осиротив бедную бабушку...

И вот на её колоду-сиденье на крыльце заскочила загнанная белка и от ужаса вжалась в дубовый спил. Однако и птица изнемогла от погони и лишь для остратки ещё разок припугнула побеждённую, погрозила крылом и издала клёкот, но уже не орлиный, а с усталым хрипом. Так и спасалась белка как бы под защитой бабушки. Та уж на крыльечко поднялась, а зверушка всё дрожала на пенёчке, точно поджидая её. Хозяйка даже руку протянула, чтобы погладить, успокоить бедняжку, ощутить ласковый беличий мех. Но подзащитная спрыгнула с колоды и, словно лилипутский кенгуру, поскакала к родному ельнику, откуда так опрометчиво распутешествовалась.

Возбуждённое сорочьей мстью, возжаждало поквитаться с залётной чужачкой воинственное воробьё. И со старухой, у которой та спасалась. Серой тучей налетело — но беглянки и след простыл. Взбеленились, что упустили жертву. На бабку стали кидаться. Чуть лачугу не снесли с этой старой вороной. Очумели совсем, носятся, как пули. В подоле путаются. Визг, верещанье...

— Да что это на вас нашло, окаянные?!.. — схватила старуха палку и стала отмахиваться от полчища: — Взбрендели совсем, угорелые!..

Иные из них и впрямь будто с ума посходили: кувыркаются, катаются кубарем по крыльцу, пурхаются в пыли, трещат, стрекочут, точно в смехе безумном заходятся...

— Кыш! Кыш, бесноватые!.. — удалось-таки старухе стряхнуть с подола воробыный «репей» и отбиться от налётчиков.

Бурундук, бабкин приживала, высунулся на переполох из чердачного оконца. «Дук! Дук!..» — выразил недовольство. Подумал, что его выживают. Слетел на грушу, опёршуюся «рукой» о избёнку, затем на сливу. Жалобно простонал, как стонет сова-зорька, и скрылся в зарослях белопенной цветущей калины. В этих кормных угодах он до глубокой осени всласть гужевался. С холодами, набив напоследок защёчные мешочки ягодами, перебирался на зимнюю спячку, в обустроенное своё гнездо со съестными припасами.

Старуха едва отдышалась после сумасшедшего налёта. Сама чуть с ума не сошла: такое светопреставление!.. А щекастый полосатик, трусишка, улепетнул. Да и на потолке

спокойнее будет, а то как начнёт резвиться на чердаке, да в самый-то сон...

Пошел как-то тятя на охоту и принёс бурундучка. Потискала зверушку детва, накормила до отвала кедровыми орешками и уложила, утомившегося и сонного, в углу чулана, накрыла войлоком. Свернулся он там в клубочек в долгой спячке. О нём и забыли напрочь. А по весне напугала всех крыса. Объявилась прямо в горенке. Голая! Ужас!.. Думали, больная и с ума спятила. А это бурундук, лежебока, проснулся. И лысый! Не от линьки. Моль сожрала полосатую шубку. Благо, март тёплым выдался, и гостенёк на чердак перебрался...

С чего же воробьи sdурели?.. Сойки однажды пьяными попадали с рябины-черноплодки, объевшись её винных ягод. На земле, на прелой листовяной куче, где муравьи грибницу из опят разводили, мертвецки валялись. Но пьянка та в октябрье случилась. А тут... Знать, свадьба воробьиная закуролесила до безумства, до дикости. Всё как у людей...

А может, в природе что-то сдвинулось от человеческого нерадения, вмешательства, разграбления? «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача!» — так дедушка Мичурин кулачком потрясал. Вот и взяли. Воробьи-то как раз перед засухой ошалели, по земле катались-валялись...

В конце июня от засухи мокрое урочище повысохло. Трещины в земле разверзлись, как будто от землетрясения — черенок от тяпки можно просунуть. От сухотени не отпраздновалось второе цветение одуванчиков. Розовые и лиловые султаны люпинов выгорели; рубиновые пионы пожухли, осыпались. Повалились трубчатые поржавевшие хлысты ревеня с семенными метёлками. Выжженная на солнце картофельная ботва хрустела сухо, когда старуха набивала ею бочку для пожарной безопасности, чтобы запалить костёр. Картошку выкопала, свеколку с луком повыдергала, трухлявую зеленушку в банки напихала. Жимолость попадала, малина и черноплодка почти не завязались. Сливовые пупочки скукожились. Бурундуку с калиной тоже грозит бескормица, коли её дождик не освежит. Вот сушёную смородину удалось собрать, целую дюжину холщовых мешочков. Будет что зимушкой дёснами тискать... Как в отчем доме бывало. Полную кошёвку земляники набирали на просторных ягодных полянах за укусами. Сушили и в мешочках, похожих на тятин кисет с тесёмками, хранили в подполе. И как сладостно было зимними вечерами под завывание вьюги вкушать солнечную ягоду!..

Весь урожай, какой сподобилось спасти, положила в чулан, который как бы специально, на случай засухи, хранил прохладу.

По обычаю, собралась вечерять на дубовой колоде. Воцарилась было в одной панёве на своём созерцательном месте. Человек — царь природы; а она — царица урочища. Да от мошкары спасу нет, не даёт посидеть спокойно. И комарьё оголодало, тучей жадно налетело.

Напялила брюки, на «Заре» шитые, носки, куртейку хэбэшную, рабочую. Платок в пышных розанах, в каких на кадрили выходила, глухо на голову повязала. И в ботах «прощай, молодость» — подчепурилась. Чучело чучелом! Но и такого пугала комарицы не устрашились, напрочь пристебались, кровопийцы.

— Кыш! Кыш, кровососы! Летите, голуби, летите от меня к хромому дядечке! Афанасий — восемь на семь ждёт вас, не дождётся. Забодай его комар!..

Старуха злорадно хохотнула и пошла к бочке разжигать дымовуху от окаянных налётчиков, прокусывающих даже антикомариную обмундировку. Сушняк с пламенным треском быстро прогорел, и за клубился поверху голубой дым, кидаясь вниз в безветрии и расстилаясь понизу.

Крапчатое небо, рябой закат. Но вот небушко стало пернастым, и зоренька заблестала, как хвост жар-птицы. К дождю?..

Всё безжизненно одрябло, обвисло. Нет ветра — жизни нет. Так говорил тятя. Виноград воробейки-негодяйчики склевали. Лопушки его резные скреблись, как сохляя бумага. А иные листья и вовсе свернулись в трубочки и при малейшем дуновении ветерка издавали фазаньи гудочки.

Горихвостка словно из воздуха вынырнула, юркнула под сень калины и жалобно зацикала. И вторя ей, зацикали часики цикад... Зачем старухе часы, время? Безвременье — как вечность...

Иволга застонала истошно, будто рожала. Надрывно, точно кашляла, посилилась кукнуть кукушка, но у неё запершило в горле — от сухости.

— Не ку... А раз ку-ку, два ку-ку, ку-ку-ку!.. — злобно вато протребезжала старуха, будто птица была виновата в засухе.

Из последних сил проскрипел коростель в камышах на высохшем болоте. Снулая от духоты, вякнула в ответ лягушка, заскрипела, как рассохшаяся гармошка. Вяло, вразнобой квакнули её соседки. Скорготание, резиновый скрип — жаба-синоптик провозгласила дождь. Лягушва забормотала, намаливая влагу. Иволга издала душераздирающий стон, будто наконец-то разродилась.

Будет дождь, будет!.. Всё нестерпимо жаждало дождя, всё участвовало в его рождении.

Громыхнуло... То ли эшелон, то ли гроза. Наволочь облачная в тучу сгустилась: по небу лечу — зло лечу!.. Прохладой дохнуло. Ветер-тулчегон к прыжку стоговился. Всё замерло в ожидании упоительном. Сорвался ветер, пронёсся с шумом. Клок дыма рванулся от костра и с прогорклой горечью окутал старуху.

— Кто ветром служит — тому дымом платят, — помудрствовала она и погрозила пальцем в сторону бочки, где дым принимал очертания странника-лыжника: — Ещё тебя не хватало, Афанасий — восемь на семь!

Всё встрепенулось, ожило. Первая капля дождя. Вторая... Земля жадно раскрыла свои поры. Кукушка захлебнулась в восторге и начала самозабвенно считать, считать... Грянул хор лягушвы. Громыхнул добродушно гром. Слепой жемчужный дождичек прошелестел, прошуршал по виноградной листве.

— Дождик, подруга! — И сама себе отозвалась на тот деревенский лад из детства:

*Дожджык, дожджык, поливай —
Будет хлеба каравай!
Дожджык, дожджык, пушите —
Урожай погушите!*

Стащила с себя тяжёлую противокомариную амуницию, бросила в избушке на стул. Осталась в белой сорочке и пошла навстречу дождю. Ливень как из ведра. Омовение и крещение... Раскинула руки, как чайка крылья, и неожиданно ощутила прилив молодых сил. К чему это? Что за доля ей уготована?..

Небо разверзлось. Треснуло. Молния саданула рядом с грозовой елью. Ох, и досталось ей!.. Гром прокатился, рассыпался. Снова собрался и оглушительно бабахнул над самой головой старухи. Босая, с сосулистыми волосами, в сорочке, прилипшей к телу, ведьма ведьмой, пошлѣпала в брызгах по лужам. Безбоязненно остановилась на крыльце в полыханье молний, под громовые раскаты, сострясавшие всё вокруг. В прелом сумраке содрогающейся хатѣнки, в отсветах грозových вспышек глянула на кровать и содрогнулась сама. И хоть ничего уже не страшилась, обмерло всё внутри, охолонуло смертно. Одеяло — взгорбилось, вздыбилось!.. Бурундук с испугу залетел, хоронится?.. Белку-путешественницу ель грозой напугала?.. А может, мужик улѣгся, Лыжник?!.. И

сама себя осадилa за ересь такую. Совсем ополоумела. Помрачение. Жуть с мутью. Дотронулась до бугристой постели — чуть сердцишко в пятки не скакнуло. Выметнулся из-под одеяла бурундук: «Дук! Дук-дук!..» — и с совиным стоном стал колотиться в запертую дверь.

— Ах, это ты, трусишка! Проказник, негодник, паршивец! К бабушке под крылышко удумал прилабуниться?.. — радостно заголосила старуха и, выпустив ошалелого зверька, облегчённо вздохнула: — Я так и смекнула... Трусливый, как зайчишка. И куда ты теперь в такую грозу? Домой беги! Домой, к себе на чердак!.. — напутствовала она полосатого сожителя.

И действительно, скоро над потолком зашебуршало. Завозился, укладываясь спать, старухин постоялец. Трухнул изрядно. Успокоился. Как ни гордилась она, что не ймет страху, ворочалась с боку на бок, переживая случившееся, сокрушаясь над своей слабиной и помутнением...

Гроза полетела дальше. По небу лечу — зло лечу! Зло засухи. В урочище же остался дождик. И ветер... То ли он всшумел, то ли поезд... Лягушки приумолкли, неужто от полоза затаились?..

Гулкие звуки дождя... Вода с крыши дребезжит с отрыжкой в водосточной трубе. Пудовые капли бухаются в бочку, выплёскиваются, шлёпая по земле. В межгрядье ручей на разные голоса разливается... Журчанье жаворонка смешалось в бормотание, ворчанье. Будто барашек заблеял, загнул савил плаксивым козлетоном, захныкал... От прыти дождика разноголосица воды то шумнее, то тише, и всё изошрённое... Флейтовые переливы иволги. Тявканье лесного голубя. Свист стрижей, верещанье ласточек. Орлиный клёкот успокаивается до родникового клёкотка, до щибета. И вот уже говорок скворца, точно скворчанье картошки на сковородке. И даже запах свиных шкварок чудится... Ровно сойка куражится: скрип двери. Мнится, люди разговаривают, мужские, женские голоса. Детский хор, завораживающие песнопения с подголосками... Аплодисменты, овации... Хохот, плач... Химерическое хихиканье — издевательское. Русалочий смех — зачаровывающий... Так может блазниться до помрачения... Тятя на охоте никогда на берегу речки шалаш не ставил, не ночлежничал: речи её колдовские до морока могут довести. Особо шабашное бурление перекаатов и стремнин до паморока доводит. Да что перекаат?.. При засыпании как-то раз комар-звонец почти в самом ухе зыкался. А потом уж как бы слова человечьи забормотал, басом грубым, сквернословным едва не оглушил...

Старуха во спасение от затягивающей её погибельной бездны положила на грудь картонную иконку Спасителя и стала шептать Его молитву «Отче наш». Сначала сбивчиво, потом всё памятливей, увереннее, повторяя и повторяя, пока Он не благословил её на чудный сон... Проглучный ветерок, светлая тишина... И она в белом, словно невеста...

Зоревой лучистый дождик шелестел, шуршал, крапал — и всё переливалось жемчужной росой. Тихая радость и умиротворение всей живности и произрастания.

От такой благодати лучшело и на душе старухи. Она даже молодецкой удалью принялась рвать выдуревший чертополох и его буйную кодлу, напиравшую на прясла, чтобы заполнить, заглушить её тихий дворик. Не бранила, как прежде, «оккупацию», а добродушно ворчала, приводя налётчикам в пример рябинолистник: пуховая кипень его клубилась за околицей её хуторка. И даже брательник сорности, цепкий овсюг, мирно колосился поодаль, на пустоши, за грозовой елью.

В приболотной луговине отливала серебристо-зеленоватыми волнами колосисто-шёлковая овсяница. А по левую руку, в сторону железной дороги, в ложине виртуозничал с затейливыми трелями шур. И вот над волнующейся овсяницей, над шуровой ложиной туда-сюда не раз пролетела какая-то широкая птица. Шуршала, как чёрный плащ, и тень её зловеще покрывала землю. Край тени этой в последний полёт задел старухин кишмиш, зацепившийся лозой за прядь простоволосой ивы. Сойки-подражательницы, дотоле мирно «точившие косу», взбеленились внезапно, заверещали по-обезьяньи, завопили, как мартовские коты, и с визгом счинились драться в пух и в прах... Точь-в-точь как то воробьиное безумство, только с побоищем.

Не углядела старуха ни в птице шуршащей, ни в драчке голубых сорок никакого знака. В пылу «на полях сражений» с сорностью подивилась лишь схожести «речи» у многих живности. Как говаривал тятя: «Что крестьяне, то и обезьяне». Зачастую и не отличишь, то ли утка крикает, то ли ворона, то ли лягушка. Вон сойки на кишмише в схватке что вытворяют! А уж иволга — самая подражательная затейница...

Не сразу заметила старуха, как после ускользнувшей птичьей тени нависла брюхом над урочищем туша тучи. Когда посмурнело почти до потёмок, подхватила и с охапкой сухого хвороста из дровяника заспешила в хижину.

Но гроза не прогрохотала. Зарядил занудный дождь, осенний — а ещё июнь лишь на исходе. Самая что ни есть лягу-

шья пора. Раздолье им, голосистые на все лады. Человеку же чахлость и мутота. Ну и скачет погода! После засухи — мокреда. Опять неладно, людям не угодишь.

Но вот после занудства хлёсткий ливень секанул по шиферу крыши. Возмечталось тогда старухе, что опорожнится хлябь небесная — и посуше станет на земле. Выглянула во двор. Проволока дождя поредела, и сквозь неё сукровичный закатец увиделся. Ну, наконец-то, может, завтра солнышко выглянет, пускай хоть и бледное.

Почапала за добавкой для печуркиной утробушки: бойко та управилась с кучёшкой хвороста.

Рахитики-пауки повсюду раскинули свои сети, тяжёлые от грузных капель. Сами свисают репейными колючками. Серые метёлки сныти перед дровяником сваялись в тёмно-серые колтуны. И клубки эти, и сараюшка — всё в липкой паутине-пакле. Щелястая дверца на заржавленных, скрипучих до визга петлях в бахромистой ядовито-зелёной тине и плесени. Благо, хоть под кучей сырого хвороста сушняк сохранился. Выбрела старуха с охапкой, опутанная с ног до головы ослизлой пакостью, отфыркиваясь, откашливаясь и бранясь.

Свалила дровишки перед печуркой, наломала самых хрупких веточек для растопки. Бересту и газетки для розжига давно уже спалила. Плеснула для огонька керосинчику. Занялся костерок внутри печки, защёлкал, повеселел. Впихнула к нему на подмогу толстый пук. Одёжку запачканную почистила и развесила над чугуниной плиты. Почувствовал тепло и приунывший бурундук, зашебаршил, завозился. Ему сытно, запасливый; тоже понатаскал поди сухих ягод.

Ночью старухе не раз приходилось просыпаться. Кровушка не грела. Даже под стёганым одеялом не спасалась от промозглой остуды. Подкидывала в холодеющую печку дровишек, поругивая племяша. Хорош гусь! Затхлый парень. Позабыл-позабросил... Пообрыдла беспрестанная мокреда, собачонке даже поотбила охотку к бабке бегать.

И опять ворочалась старуха до очередного вставанья — то ли спала, то ли нет...

Затяжные дожди... Во дворе лывы озёрные. Так и жабры прорежутся, как в картине про человека-рыбу, где песенка о морском дьяволе. Радовала лишь печурка, постреливала малиновыми хворостинами — подбадривала старую, примиряла со злостным ненастьем. «Христос терпел и нам велел терпеть!» — так тятя настаивал. Во время оно кров отчий согривал. «Всё тятя да тятя!.. Ровно деточка малая; что стар — что

мал, — укоряла себя старуха и урезонивала: — Доколе?!..» Однако крепилась от приходящей тягиной поддержки. Верно, горячо молит он Господа Всемилостивого там, на небесах, о помощи Его бедной чадушке своей. И ещё твёрже уповала на милость Божию...

Жизнь-неулыба хоть и слабенько, но всё же улыбнулась. Мнилось старухе, что всё вокруг зарастёт от постылой слякоти мхом. Но вот ненавистный, нескончаемый эшелон туч ушёл вдаль — осталась только одна туча. Глянула на урочище исподлобья, потемнела до чернильности, но выжать дождик-хлыстун не смогла, лишь попрыскала чуток. И лужи уже не пузырились. А из-под этой давящей громады ветришка выскользнул. И как бы на подмогу ему подоспел лихой ветер скорого поезда и смёл оставшуюся моросню. «Нет ветра — жизни нет», — говаривал тятя. Как бы этого лихача окрестил? Ветра́ он называл по-своему. У самого, охотника и рыбака, лицо было обветренным. Подует озёрник — втянет его тятя ноздрями, вдохнёт полной грудью и засобирается к плоскодонке своей: режёвка, вёсла, ботало-бухало — загонять рыбу в сеть, ботать. Строжил маму за послабления дочке, честь девичью оберегал; вертлявых девок ветроплюжками честил, а ухажёришек ихних ветроплётами. Стога обкладывал ветрослегами — переметинами, чтобы ветросвист не разметал. С повети взъезд на ветреницу воздвиг, где сеновал, на сушильню сенную... В деревне осина, дерево ветроломное, нехозяйственное, почиталось всё ж таки: якобы осиновый кол на клятой могиле пригвозждает нежить и не пускает на белый свет терзать честных людей. Не зря дальний, заброшенный хутор звался Колосинов. Сказывали, там ведьмачка чёрной волшебвой злопыхала. Там и кол в её могильную яму вбили... А уж как школьня в нетерпении елозила за партами, когда вешняк задувал и рекогон речку взламывал. Ледоход!.. Вся деревня, точно на праздник, высыпала на берег. Зеленоватые льдины, снежно-зернистые поверху, с шипением, с шорохом громоздятся одна на другую. Торосы вздыбливаются островерхо и с треском обламываются, обваливаются. А в омутной тёмно-зелёной полынье крутится сахарная льдинка — и ныряет в круговерть. Взрослым глаз да глаз нужен: сорви-головы так и норовят на льдинах поплавать. Не углядели за бесшабашником — скачет с льдины на льдину. Вихляются они под ногами, выскальзывают, топятся. «Дурень! Жить надоело?.. — кричат с берега. — Вертайся назад! Сгинешь ведь!..» А дурня неудержимо манит дрейф на «полярной» льдине... Оступился, бултыхнулся в брызгах — и едва

под желанный айсберг не угодил. Вот-вот затянет течением под могильную ледяную плиту. Завопил «полярник» — глаза из орбит повылазили, рот от ужаса разъят; барахтается, руками шлёпает, брызжет, опору ищет. Ускользают из-под рук неуловимые льдины. Заполох на берегу. Суют потопленнику слегу от ближайшего стога. Судорожно хватается за жердину. Вытаскивают мокрого кутёнка, дрожащего; зубы отступают невесёлую дробь... Мать, простоволосая, растрёпанная, вопит, набрасывается на непутёвое чадо и колошматит кулаками... Падает на колени, тискает спасённого сыночка в объятиях — и воет, воет, выюжно, с плачем...

Благоуханный воздух с черёмухи слетел — сладимый. Ибо расцвела красавица, белая метелица её прохладу душистую наваяла. Вся деревня дышит не насытится. А горожанин-чужанин, для дачи купивший дом, вблизи которого черёмуха росла, спилил деревенскую любимицу. Якобы на ней гля разводится. Чужак в отчуждение и попал. Не приняла его деревня. Мама до этого подлого убийства молоко ему носила, парное, за небольшую плату. После убийства черёмухи дом его с пеньком, будто кровью сочившимся, все обходили стороной... «Вертопрах! — пригвоздил позором «чёрного лесоруба» тятя. — Такую жизнь цветущую загубил, душегуб!»

Ветришка-шалунец в полветра возмужал. Заветренело. Комаришек со двора сдуло. Расхабарила старуха дверь — избушку проветрить. Вырядилась в длинную мухояровую кофту в полоску — самосшитую. Портниха! В передовицах ходила на «Заре». Вон и электричка строчит, как швейная машинка... Уселась освежиться на сквозняке, не боясь простуды. Одна колода — на другой. Нарядная — на дубовой. Воробей уже её пыльную боту клюёт.

— И что ты там нашёл, глупыш?

Не чирикает даже, а важничает:

— Птич! Птич!..

— Ну какой же ты птич? Воробейка махонький.

— Птич! Птич!..

— Ну ладно, птич так птич.

Вот так же прошлым и позапрошлым ноябрём, когда племяшка забирал, на перроне пищухи и поползни крутились. Дачницы семечки лузгают, а эта мелочь пернатая в ногах путается, шелуху собирает. Санитары перрона. Осень же для них и без того кормная, ан нет, с людьми хочется пообщаться, попрощаться с дачниками на всю зиму...

А парень не ехал и не ехал...

Все тятины ветра́ уже погостевали в урочище: боковой, косой, поперечный, ёрш. Толчая ветровая долго топталась. И вдруг один ветер взбесился — и с бобыльей хибарки чуть крышу не сорвал. Потом ветропляс пыль закружил. Рыскун будто поживу выискивал и на крыльчке у бабки улёгся барбоской... Лиске не до богодельного попечения над старушкой. Не до старья ей теперь, брошенке. Приблудилась к стае таких же беспризорных собак. Прошлой осенью ещё порознь шастали. Завезли многих непутёвые хозяева милыми щенками, живыми игрушками — и побросали. Котят топят, собачек на голодную смерть обрекают. Вот и сбиваются меньшие братья в стаи для выживания, злые на людей. Гуском протрусили мимо во главе со псом, явно смахивающим на волка. И Лиска рыжим хвостиком за ними. С артелью-то всё сподобнее. А шелудивый пёс, бежавший перед ней, хищно на старуху озырнулся...

Тихий меженец приспел — и вот задул сиверко, сухой, беснежный.

Четвероногий каракатец прокарячился, ветром подбитый, посверкивая тёмными очками. Тоже в город лыжи наострил, к теплу поближе. Хотя не навьюченный, со спущенным рюкзачишком...

Успела-таки старуха понасмеяться над ним:

— Эй, ниже ветра голову не носи!

Он, закукленный в капюшонной аляске, будто не слышал её.

— Эй, ветродырый! Сивер дует, одёжку сдует! Куда кошку подевал?!..

Сопротивляясь порывам ветра, он брёл точно в глубоком снегу. Даже не оглянулся на крики. И это подкосило старуху. С задранным от ветра подолом пальтеца, которое величала драп-дерюгой, она тяжело опустилась на колоду.

— Сивер дует, одёжку сдует... — горестно повторила и усугубила горечь безысходностью жизни: — С ветра пришла — на ветер и ушла.

Ощутила себя веточной трухой, наломанной со всего двора ветром и скученной у крыльца. И всё-таки, держась за жизнь, собралась чаевать.

Сгребла в охапку горючий сухостой и запалила душевную, певучую подружку-печурку.

Похлюпала чайком на мяте и душице. На чаепитие незваная гостья пожаловала. Уже третий день досаждала хозяйке. И особо настырничала в тихий час. С виду мирная цокотуха, с зелёным брюшком и золотистой спинкой, назойливо лезла прямо в лицо и зыканьем неприятно щекотала и слух, и нервы...

Вспомнила старуха одну древнюю историю, кою бабушка поведала. Три века после иудейского изуверства над Спасителем минуло. В эту пору умер благочестивый царь Константин. И осадили персы один христианский город. Но святой епископ Яков молил Господа о защите. И налетели на нечестивцев тучи комаров и пёсых мух. Кони и слоны от жестоких укусов порвали поводья и будто взбесились. И само войско подверглось нестерпимым укусам. Гонимая мухами и комарами, посрамлённая нехристь бежала с позором... А пёсьи мухи эти злые ещё в ветхозаветные времена, в четвёртой казни египетской ожесточались... Деревенские пёсьи мухи осенью особо зверели. Искушали как-то руки бабушке до волдырей. Бранится она, а малышка внучка и советует: «А ты их тоже укуси!..» Жирную же, мясную, из хлева звали мухой-бабой... И вот подобная бабенция на третий день уже еле ползала и, как старая карга, учиняла всякие каверзы. Смахивала её старуха ладонью, шугала хлопалкой, стараясь уколосить. Но та, неуязвимая, нагло садилась на узелок ситцевой косынки и паслась на ней, точно скотинка. Этак и мушиную жизнь можно изучить. Старуха на платке не трогала её: это на теле кожу она щекочет. Однако дёргала за один конец узла — муха лишь перебирала кривыми лапками и сучила передними. Набиралась откуда-то сил и начинала с гудом носиться, как те воробы чумные, из угла в угол. Причмокивая, стиснув беззубые дёсны, старуха стремилась нанести по ней прицельный удар, но шамела ловко увёртывалась от старушьеи хлопалки... Откуда у крошечного насекомого столько самолётного керосина? Откуда, откуда?.. От верблюда!.. Но в сознании старухи давно отложилась догадка об этой неиссякаемой природной силе. Хрупкие журавушки из тёплых стран на родину, на север, днями-ночами прямымиком летят над морями-океанами. Где силушку черпают, питаются чем?.. А малышня деревенская день-деньской на речке пропадала. Ежели и пожуют пресно-ватную подкладку балаболок-кувшинок, то ради баловства, а не из-за голода. Мастерски «блины пекли»: бросали плоскую гальку, чтобы скользила, прыгала по воде. От шлепков расходились круги — кто больше «напечёт»!.. Лушили стручки акации, собирали в горсточку ромашковые калачики. Ну какая это еда?.. А коли горчило во рту от черемши, лугового лука, заедали кашкой — бледным клеверком с привкусом мёда, молочными корнями айра. Гужевались и трубчатой розоватой мякотью пикана. Из его корней потвёрже вырезали трубки-пукалки — водой брызгаться или калачиками пулять. Либо свирелечки мастерили для полной радости жизни. Так и радовались ей, одарованные

Боженькой неумолимыми крыльями детства. Но и птицы небесные, и даже мухи — тоже как детки Божии и снабжаются Им щедро и неистощимо и сладостным воздухом, и иной пищею. И козявка с семью точками на оранжевой летательной оснастке — божья коровка...

Штрихи времени оно не зачеркнули раздражения от зеленобрюхой мушильды. Мелочь пузатая совсем обнаглела и заползла на бородавку, точно изгаляясь над уродством и немощью страхуленции. Старуха шлепком хотела прихлопнуть злыдню прямо на лбу, но та нехотя, издевательски медленно снялась с лобного места и закружила у самого уха, оглушая зуденьем бабку. Даже платок не спасал. Жестяное дребезжание мушиных крыльев вмиг вызвало зубную боль и повытягивало все нервы. Старуха сорвала с головы косынку и стала в иступленьи отмахиваться от невидимой мухи, от ужасающего железного её гуда:

— Ах, ты сильная, тварь! И я силы имею!..

Да, ещё прошлой осенью она шлёпала мушву направо-налево, приговаривая: «Муха села на варенье — вот и всё стихотворенье!» Теперь же эта шелупень была недосыгаема. Как недосыгаемыми стали ногти на ногах. Не может до них дотянуться, до зверских. А один впился, врос в палец до боли. Да и с теми, что на руках, тоже подолгу не может совладать... Когда-то девчонкой бородавки грызла, затем привыкла ногти грызть, заусеницы до крови. Сосала указательный палец — от этой дурной напасти он истончился до карандашика... И рада бы ноготки на руках погрызть, да нечем. А ножницами стричь — морока и мўка. Правая рученька ещё дюжит, а в левой крепости почти не осталось. Благо хоть глазоньки не подводят...

Муха на печке молчком тепла набирается, энергии. Ветер-трясун сливу тормозит. Падают плоды, да так гулко, будто земля полая. Кисло-сладкий, приторный запах падалок в избушку пробирается. А старухе мнится, что она жуёт, вчмокивает вязкую, оскоминную дряблость слив...

— Да чо это, девка, с тобой такое?.. Ничего не можешь! Зачем тогда пылиться? Эх, моль повывела, а то съела бы, прожорливая, меня, ветошь, — зашмыгала старуха носом.

Протяжный, с хрипотцой, услышался «плач» безымянного поезда на далёком одиноком полустанке...

Завсхлипывала старуха, и всё жальче становилось себя — заскулила, завыла, точно по покойнице, по себе... И запелось во спасение, как будто не она затянула:

*То не ветер ветки клонит,
Не дубравушка шумит —*

*То моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.*

И завелась песня. Сама собой...

*Извела меня печаль-кручина,
Подколотная змея.
Ты гори, догорай, моя лучина, —
Догорю с тобой и я...*

Сердце всклень слезами наполнилось, но легла песня на душу, и полегчало на душе. И дубравушка песенная восшумела, и под молодецкий посвист ветра отправилась песельница по дороге сна...

Светало поздно. Лиска не учиняла побудку. И старуха без сновидений свежо высыпалась. Листики на численнике она не отрывала — так в нём жизни больше. Помуслила срединный ноябрьский листок. День памяти бессребреников Козьмы и Демьяна. Господь братьев за доброту и милосердие наградил даром исцеления. Они ходили по городам и селениям, врачюя бескорыстно. Даром дадено — даром и отпущено. Не то что нынешние лжеврачи — рвачи-экстрасенсы... Вздыхнула, как бы печалась, что не посетят её святые братья, не утешат... Уселась у окна. Зазимок присыпал всё порошей. Посолонь эта серебрилась. Но берёза не отливала серебристо, как прежде. Окорявилась; скреблись, шкрябали лоскуты её, лохмотья, ремки. Под стать ей топорщился тальниковый обтрёпок у болотины... В пышном произрастании тонул гул поездов, а нынче с каждым днём эхо от их грохота тянется всё дольше, пустыннее и тоскливее. Выпотрошенность всего живого. Только лопух в углу изгороди, заново выдуревший после прополки, громоздился бурым медведем в гордом одиночестве. И она, хрычовка, в гордом одиночестве... Глянула на своё отражение в окне. Косматая, нос крючком, бородавка. Страшнее атомной! Нечего пужать белый свет! С такой мордуленцией хоть на кого страху нагонит. Даже на волков. Вон какой волчара жожаком над Лиской, над шелудивым и другими псынами командует!.. Прошлым летом грибники будто бы тигра видели на хребте... А-а, всё равно — нечего такой бабе-яге мир страшать! Уж лучше здесь остаться. И хорошо, что племяш не забирает. Сама бы отказалась вернуться в город. Тепереча здесь её дом. И соседушки не чураются. Берёза всё запорошённое крыльцо усыпала почками, веточками с короедиками, берестяной трухой с козявками.

Копошатся, радостно попискивая, в кормной пороше кургузенькие поползны, клювастенькие пищухи, чиликают вместе с ними юркие шарики-воробушки. На самой же берёзе сыто пощёлкивает дюжина соек, и от их перескоков с ветки на ветку натряхивается к завтраку пернатой мелочи добавка. Простая же сорока-белобока, не голубая, — единоличница. Вертится, бормочет сама с собой на колу у калитки. И вдруг всполошилась, заметалась над двором, слабокрылая, зашлась в стрёкоте, забила тревогу. Деду-ворону наскучила грозовая ель, и он мохнатым малахаем слетел к галдящему птичьему коллективу во дворе старухи и уселся на кол, где только что вертелась сорока. А та всё не унималась, не понимая, почему мелюзга на крыльце не полошится, как она. Дряхлец же подслеповато уставился на старуху в окне: одно ветхое существо — на другое... Ей же мнилось, что всякая живность тянется к ней, улыбается, счастливится. И оттого не мрачной, одинокой сычихой пялилась в окно, а блаженненько лыбилась, словно майская роза...

Сорока пулемётно застрочила: «Тревога! Тревога!..» Ворон сглотнул старческое керканье, тяжко взнялся и, глухо хлопая крыльями, полетел к грозовой ели. Сойки беспокойно затрещали и кучно снялись с берёзы. Крылечную гужующую мелочь как ветром сдуло...

Взахлёб залаяла собака, точно выслуживалась перед хозяином. Однако в угодливости этой старуха различила голос Лиски: заискивает перед табором приبلудная. Но затем завизжала собачонка, надрываясь, с плачем, будто вопила о помощи...

Недолгой была погоня. Не спаслась у бабки собачка. Хотела прошмыгнуть через калитку, да как бы в ней и застряла. Настигли-таки клыкастые бедняжку. Она лишь хрипела. А они молчком потащили её в овраг...

Старуха же, зажмурившись, зажала ладонями уши... Давеча стайка безобидная протрусилась, а теперь банда свирепая, кровожадная рыщет... Так и не погостила Лисонька у бабушки. Не спасла свою попечительницу старуха. Не успела. Уж слишком травля мимолётно произошла. Разорвёт малышку зверё. Так поди и кошечку растерзало?..

Веки задрожали, окно слёзно забрезжило. Сил уж не было заглушать слух. Разжала руки, они плетью упали на колени.

С железной дороги доносилось всхрапыванье, рык, рёв локомотива...

Однако буран белым медведем навалился на окошко, на избушку, погребая зверские звуки и следы кровавой расправы...

При всякой передрыге старуху клонило ко сну. Насылал его Спаситель, дабы не маялась она и утишались в спасительном сне душевные боли от напастей. Вот и сейчас тёплым бураном навалился на неё сон...

Нарочно заспала давешние ужасы. Ветер-баюн помог. И вроде затушевалось всё... Но вот с грохочущего галопа перескочил на мелкую рысь с тоскливым воем поезд дальнего следования... И боль полоснула сердце старухи, скорбь по несчастной собачонке. Тоска...

Окна задрезбужали. Долинный, прогонистый ветрило усилился до лобового. Противень этот будто всю нечистую силу согнал над урочищем. Бешеные порывы его едва не отрывали избёнку от земли. Она стонала, содрогалась — вот-вот косточки её трухлявые рассыплются...

А печка уже не постреливала. При таком ветросviste без тепла избушка мигом заиндевет. Подхватила старуха, сунула ноги в пимы, накинула шалёшку и ринулась к дровянику... Да приспичило! К туалетной «скворешне» вовремя не подоспела... А сорока уже тут как тут! Сплетнице лютые метели нипочём. Уже трёкает, насмехается. Всей округе растрезвонит, как бабка опозорилась, не добежала до своего «трона»...

Подруженьке-печурочке до бабкиного конфуза и дела нет. Задорно стреляет горячим хворостом. Из рукомойника мерно капает в ведро вода. Этакие гулкие ходики. И неистовство поутихло за окном...

Надев нарядную кофту в «зебру», вышла хозяйка полюбоваться на дым своего очага. Снег под валенками капустно похрустывает. Вытискивается голубенький дымок из печной трубы...

Калитка закрипела. Глухо оплетённая цепкой резухой, она даже при пушечных снежных зарядах помалкивала... Незванные гостенёчки пожаловали. Ломятся. Доходяги, а свалили калитку. Шелудивый на старуху ощерился. Она было попятилась, да ноги почти онемели. Стая же потянулась за вожакom. Оголодали совсем. На то место, где бабка до ветру ходила, жадно набросились, с рычаньем затем вгрызаясь в мёрзлую землю...

Мрачный гул тяжёлого состава... Будто тискаmi сдавило сердце. И в оцепенении старуха ощутила, что ноги её не слушаются.

Шелудивый ещё чавкал грязью, а стая во главе с волком начала молча окружать старуху. Захолонуло сердце, но ужас не объял её. Неведомое спокойствие охватило. И она посмотрела прямо в горящие волчьи глаза. Шерсть вздыбилась на

нём. Ошетибилась и стая. Смертная петля стягивалась... Ноженьки уже не двигались. Старуха запрокинула голову ввысь. Дым, метнувшись, опал. Как и её жизнёнка зряшная. Слёзы навернулись. Она прощалась с родным очагом. Чему быть, того не миновать. Стерпится — сбудется. Теперь никого не побеспокоит. Не будет тлеть прахом. Растащат собачки косточки её... «Ведь это похоже на самоубийство! — опомнилась старуха. — Грех!.. Ползи! — приказала себе. — Ползи!..» Но — столб столбом! — даже пошевелиться не могла. И стая, охватившая её кольцом, почудилась единым ошеренным страшилищем. И увиделись ей звероватые ноги свои с когтистыми ногтями, и она диковато хохотнула...

— Цыть! — раздался грозный окрик за сброшенной калиткой.

Стайная петля мигом распалась, и собаки бросились врассыпную. Вожак низко, как бы виновато, наклонил лобастую башку и последним выбежал со двора.

В замызганной аляске, в тупоносых солдатских кирзачах, скоротился, опираясь на палки, Лыжник.

— И откуда ты такой взялся?!.. — завопила истошно старуха. — Вот сейчас моя, моя смертушка подоспела, а ты, негодник, отогнал её! Шёл бы своей дорогой!..

Отбросив одну палку, он водворил калитку на место. Потрясая кулаками, старуха с бранью заутюжила к доброхоту — и застыла, как вкопанная. Ноги её ожили!..

Подняв трость, он закрыл калитку с той стороны:

— Мать, если хочешь умереть — то не умрёшь. Радуйся тому, что живёшь, и радуйся тому, что умрёшь. Да ты ещё меня переживёшь!

Она аж задохнулась, собираясь с ответом, но лишь полороту оставилась на поучителя. Он же, раскорячившись, побородил в снегу на станцию.

Поезда засновали, голоса их живые послышались. Вертялая сорока вернулась на свой кол у калитки.

— Ну, что скажешь, красавица? — опомнившись от полумия своего, усмехнулась старуха. — Какие новости?..

Та, не доверяя её дружелюбию, перелетела на угол изгороди и затараторила что-то медвежатому лопуху, боязливо косясь на тронутую старушенцию.

Доказывая здравость ума, хозяйка сходила в дом, вынесла мешочек сухой смородины и щедро разбросала на крыльце. Тут на пиршество слетелось всё пернатое содружество. И даже бурундук спустился с чердака на радостный гомон и присоседился с краешка к лакомкам.

А старуха у окна, тихо радуясь кипучей жизни на её крыльце, повторяла слова Лыжника: «Радуйся тому, что живёшь,

и радуйся тому, что умрёшь»... Ишь, гораздо моложе её, а какой мудрец!..

Умник этот с притрухом появился в её пределах через неделю. Ещё до полуденного сна она закемарила у окошка, подперев кулаком подбородок. Рука соскользнула от надсадного, надтреснутого крика товарняка. А потом уже, будто железные волки намётом, попёрли составы.

Снег столбом поднялся у подошвы насыпи. И уже летели с неё намётом другие «волки». И вся эта собачья свора во главе с настоящим волком враз остановила свой галоп перед человеком. Он, согбенный, выпрямился, как столб, и сторбился, почти повиснув на палках. Вот-вот упадёт — и разорвёт его стая, растерзает! Как Лиску..

Старуха кинулась на помощь. В одной кофтёнке, в войлочных тапках выбежала на крыльцо — и застыла в ужасе... Волк, широкогрудый, желтоглазый, вывалив красный язык, нёсся прямо на Лыжника. Старуха охнула, ноги её подкосились, и она неуклюже осела на снег.. Вожак бросился на человека — но не сбил его. Встал на задние лапы — и повизгивая радостно, по-собачьи, стал лизать лицо Лыжника, положив на его плечи передние лапы. Чуть очки не слизал. Трости упали. Волкопёс и человек обнялись, как кровные братья...

— Ну-ну, дружище... — распялив ноги под тяжестью вожака, Лыжник растроганно гладил его по серо-палевой с подпалинами шерсти.

Уклонившись от лобызаний, отстранился от объятий, мягко сбросив могучие лапы. Волкопёс прощально ткнулся ему в колени и повёл свою ватагу в распадок за хребтом, где водились барсуки...

Старуха, пурхаясь в смятении в снегу, поднялась наконец-то и села на свой пенёк.

— Вот тебе и ковыль-ковыляка!.. — недоумевала она и, озаряясь истиной произошедшего, призналась себе: — Да, девка, кичилась коренным родством с природой. А оказалось, благодать Божия — на Лыжнике. Она покрывает всё вокруг и благодит всякую живность рядом с ним. Так же, сказывала бабушка, лев прислуживал в пустыне святому Герасиму, а медведь — преподобному старцу Серафиму Саровскому, — и взирая на трубу очага своего, облегчённо вздохнула: — Ветер мечется, мечется дым... Да-а, жизнь, она — несказанная...

Будто обрушение водопада — обвальный гул тяжеленного состава ринулся на зимовье старухи. Недовольно ворча, она

встала с постели и удивилась: печка охолодела — а хибарка не остуженная. Оттепель. Сиротская зима. Напялив пимы, накинув шаль и фуфайку-стёганку, вышла на крыльцо. Чудно?! Покатый взгорок подле замёрзшей бочажины напроочь оголили ветра́ — и на этом заледенелом лбище птахи что-то клюют, клюют... Дружно тюкают птички клювики. Откуда корм на плешине? Словно невидимая манна небесная.

На ноябрьско-мартовском морозце старуха как бы насышалась вместе с птицами...

Дробный стукоток электрички. Пулемётный. Нервный, прыгающий... Судорожный лязг прокатился по составу, едва не разрывая сцепления. Скрежет, грохот, будто сшиблись эшелоны в земной катастрофе. Треснуло. Польшнуло во всё небо. Канонада. Взрывы. Война?!

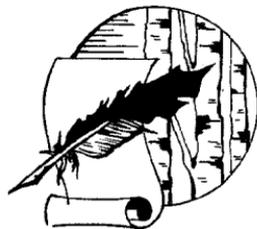
Затрещал в пламени подлесок на насыпи. Но огонь через ложину не перекинулся...

По вою сирен пожарок, неотложек и лаю полицейских машин старуха поняла, что на железной дороге произошла катастрофа. С запоздалой электричкой. Брести в этот крошечный ад она не смогла — онемели ноги. И её, остолбеневшую на крыльце, начал нудить домысел, что именно с этой электричкой должен был приехать племянник...

Три дня гремели путейцы, разбирая искорёженные вагоны и восстанавливая линии. И в этом грохоте старухе слышался какой-то странный вой. И вот он пронзил наступившую тишину. Душераздирающий волчий вой. Боль, плач, тоска... Великая скорбь по человеку...

Тягучая песня печурки... Капает из рукомоЙника вода, как время из часов. Зачем старухе часы, время? Безвременье — как вечность... «Мать, да ты ещё меня переживёшь!» И пережила... Воздал ей Господь за терпение. Не плач в скорби низвергающей, но слёзы радования: она будет жить — и они будут живы! Несусветица вроде бы, но в этом её доля. Жить дальше надобно, молиться за ушедших...

г. Нижний Новгород

Владимир ЯКОВЛЕВ
(1951—2016)

ЗВЕЗДА МОЯ ДАЛЬНЯЯ

* * *

Смертью тронут, жизнью трачен
И не должен никому,
Я бреду рассветом грачьим
В гиблом яблочном дыму.

В тихом омуте больничном,
Где рассвет похож на бред,
Был застукан я с поличным
Медсестрой, идущей вслед.

И по зыбким коридорам,
Под неоновым дождем
В мутном облаке бредовом
Был на пост препровожден.

Чтобы заспанный охранник,
Отпустил меня за так,
Чтоб навек я сгинул в ранних
Зябких яблочных садах.

* * *

Нет покоя у Дона кыпчакским орлам.
Путь за Доном — неясен.
«Не пойду против неба!» — сказал Тамерлан.
И ушел восвояси.

И ушли восвояси все конные тьмы —
За Азов и за Каспий.

Улетают века сквозь ночные дымы,
И слагаются сказки.

Что за огненный ангел явился Хромцу
На распутье на русском?
То узнают доподлинно швед и француз,
И германец под Курском.

То запомнит навек каждый храм на крови
И впитают все корни.
А пока только ночь. Только степь да ковыль.
Только промысел горный.

* * *

На улице Самеда Вургуна
В надрывном сне, в оазисе бакинском
Я плыл на север, словно аргонавт,
Чтобы очнуться где-то под Ногинском...

Плыла земля, поросшая быльем.
Пылало солнце в центре небосвода.
Но шел вперед стрелковый батальон.
И вел огонь. И умирал повзводно.

Горела синим пламенем трава.
И рушился на части мир огромный.
Нам жгучий ветер пальцы отрывал.
И выедал глаза дымок загробный.

Но я увидел взмахи белых крыл
В одном из самых роковых моментов —
Меня от смерти ангел мой прикрыл,
А с поля вынес лейтенант Мамедов...

На улице Самеда Вургуна
В надрывном сне, в палате госпитальной
Я снова слышал взрывы тех гранат
И улетал от боли нелетальной.

Была весна. Цвел за окном инжир.
И тлело небо в зареве бакинском.
А я, как дурень, нарушал режим
И снег глотал, очнувшись под Ногинском.

* * *

В сырых, промозглых ноябрях
Он кровью ледяной набряк,
Как эти листья, эта почва,
Куда нам всем придется лечь.
Да только не об этом речь.
Речь не об этом. Это точно.

А речь о том, что смерти нет,
А есть лишь этот Божий свет,
Где греки осаждают Трою,
Где вечных звезд круговорот
И куст калины у ворот,
Налитый ледяною кровью.

ТУМАН

На колесном пароходе,
На старинной той «Чердыне»,
Где отец мой верховодил,
Плыли мы в закатном дыме.

Плыли мы тогда по Волге,
Там, где ивы серебрились.
Там, где берег был пологий,
И где берег был обрывист.

Плыли мимо ярких вспышек,
Мимо облаков летящих,
Мимо всех печалей бывших
И печалей настоящих.

А потом мыплыли мимо
Всех окопов сталинградских,
Мимо холода и дыма,
И могил — родных и братских.

Мимо блиндажей немецких
И дорог, от крови вязких,
Мимо блокпостов в Донецке,
В Краматорске и Славянске.

Шлепали по небу плицы.
И сквозь долгие туманы

Проступали рядом лица
Молодых отца и мамы.

Но сносило тут же в ночь их —
И озноб пронзал навывлет,
И звенел вослед веночек
На далекой их могиле.

Плыли мы в сквозном тумане
На разболтанной «Чердыни».
И висела ночь над нами
Крепче каменной твердыни.

БУДЕМ

Будем порванный невод чинить —
Из пространства выпутывать нить
И сшивать деревянной иглой
Свежий ветер с рассветною мглой.

Будем лодку смолить ввечеру.
Будем жизни тянуть бечеву
Сквозь железные звенья излук,
Через тёмные воды разлук.

На закате подняв паруса,
Будем плыть сквозь ночной палисад
Между белых весенних стволов
По течению смыслов и слов.

А когда станет в небе светать,
Будем невод по небу метать —
И процеживать звездную медь,
И вытягивать легкую смерть.

И держать перед Богом ответ
За весь этот неправедный свет.

ГУСИ ЛЕТЕЛИ

Сели на озере дикие гуси, сели на озере серые.
Долго летели над матушкой Русью, долго летели — и сели вот.
Долго летели они над лесами, над городами разными —
Над золотыми крестами Рязани, реками и пространствами.

Многое слышали дикие гуси, многое серые видели.
Слышали, как семизвонные гусли пели о нашей погибели.
Видели гуси жестокие рати, беды и горе всякое.
Видели серые, как Богоматерь тихо на небе плакала.
Видели гуси, как, падая, гаснет свет над снегами мрачными.
Ведали, как совершались казни в тюрьмах ночами грачьиими.
Много увидели серые гуси, много узнали дикие —
Вот почему преисполнены грустью тихие, светлые клики их.
Долго летели серые гуси — вот и устали до смерти...
Господи, сжался над нашей Русью! Сжался над нами,
Господи!

ЗВЕЗДА МОЯ

Где-то там, за метелью слепой,
На краю мироздания,
Где стоят сельсовет и сельпо,
Тихо светит звезда моя.

Этот свет, он ни с чем не сравним,
И плывет, как мелодия,
Над снегами холодных равнин,
Где лежит моя родина.

Где лежат моя скорбная мать
И мой батя израненный.
И клубится вселенская тьма
В их окне за геранями.

И молчат в занесенных полях,
Там полегшие воинства.
Лишь поземка бежит через шлях,
Как отставший от поезда.

И луна бьет хвостом в полынье.
Да звезда моя дальняя,
Не мигая, горит в полутьме
На краю мироздания.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

— Налей-ка еще нам по «сотке», Тенгиз, —
Кричит через головы бывший танкист,

А ныне — бездомный калека.
— Я выпить желаю за взятый рейхстаг,
За ногу в кустах и за душу в крестах,
За нашу Победу. Налей-ка!

Ему наливает безмолвный Тенгиз,
Пока он бредет под осколочный визг
И вдовьи далекие вздохи,
Пока он ногой деревянной скрипит
И давится воздухом, крепким, как спирт,
И ждет у обшарпанной стойки.

Он с хриплым надрывом глотает сто грамм,
Как будто срывает вагонный стоп-кран,
Чтоб выйти в ночной глухомани,
Как будто вступает в последний он бой,
Чтоб снова прикрыть своей рваной судьбой
Страну, что лежит за холмами.

Последний защитник великой страны,
В которой всегда все верны и равны,
А коль не равны — то маленько.
...Бездомная вьюга свистит по холмам,
Качая во мгле привокзальный шалман...
— Я выпить желаю. Налей-ка!

СВЕТЕ ТИХИЙ

Свете дивный, свете тихий,
Свете поздний мой, закатный...
Листьев трепетные блики,
Яблок розовые пятна.

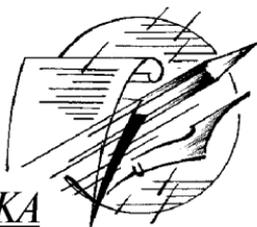
Сизый воздух, дымный пламень
Окон в старом мезонине.
И огни между стволами.
И сырая мгла за ними.

И далекой птицы крики
У черты последней самой...
Свете давний, свете тихий,
Незабвенный, несказанный!

«ЕВРОПЕЙСКАЯ» УТОПИЯ УКРАИНЫ

Среди стран, возникших на месте СССР, едва ли не главной особенностью Украины является то, что она представляет собой классический пример «идеологического государства», само существование которого обусловлено в наибольшей степени именно определенной идеологией, а вовсе не какими-то рациональными основаниями. Официальная украинская идеология, имеющая тоталитарные претензии «единственно верного учения», основана на догмате о якобы безальтернативности «европейского выбора» и его противопоставлении факту реальной общности России и Украины в рамках единой евразийской цивилизации. Этот «догмат» не выдерживают серьезной критики уже в свете самых элементарных фактов.

Прежде всего так называемое «вхождение в Европу» в смысле формального присоединения к институтам Евросоюза, если таковое вообще когда-нибудь произойдет, для Украины вовсе не будет означать достижения уровня материального благосостояния «старой Европы». Это и неудивительно, потому что мировой клуб богатых стран, в науке именуе-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мый «золотым миллиардом», ради нас расширяться не будет — ведь делиться своими сверхдоходами от монопольного владения высокими технологиями и контроля над ресурсами планеты он нисколько не собирается. Более того, он уже начинает сужаться вследствие внутреннего кризиса, который становится все острее. Так что о столь чаемом «месте у корыта» украинским евромечтателям следует забыть раз и навсегда.

Если же присоединение Украины к институтам Евросоюза все-таки произойдет, то исключительно ради выгоды самой Европы, получающей возможность жесткого контроля над ресурсами и экономикой интегрируемой страны, причем уровень жизни на Украине серьезно не изменится или даже еще понизится, что мы видим на примере других. В общеевропейской социально-экономической системе Украина может быть лишь никому не нужным конкурентом — и поэтому ее туда никогда не впустят. Зато в евразийском пространстве у Украины огромные перспективы развития — ее экономика, социальные и культурные ресурсы здесь востребованы и эффективны. Это неудивительно, поскольку так было всегда и именно такое положение дел определяло нашу историческую судьбу в течение многих веков.

История территорий, ныне входящих в состав современной Украины, настолько разнообразна, что на первый взгляд может показаться весьма странным тот факт, что они оказались частями одного государства. Феномен Украины — продукт почти тысячелетнего противостояния Европы и Русского мира: коварной агрессии первой и героической самобытности последнего. Внутренняя расколотость украинского общества, к тому же искусственно усиленная недавними событиями, свидетельствует о том, что это противостояние нисколько не ослабело и, более того, в настоящее время стало определять внутренние процессы в самой Украине. Последнее обстоятельство всячески «не замечается» официальной украинской идеологией, основанной на догмате «европейского выбора». Тот факт, что этот «выбор» (чей?) до настоящего времени упорно демонстрирует свою полную утопичность вследствие особенностей самой Европы как корыстного и **закрытого** для других сообщества, также упорно «не замечается». Очевидно, что такая искусственная слепота кому-то очень выгодна, кому-то за нее хорошо платят, а для кого-то она вполне естественна вследствие плебейского уровня мышления.

Что такое «Европа»? При слове «Европа» у современного обывателя обычно не возникает каких-либо мыслей, но зато пробуждаются чувство зависти и даже текут слюни. Это и

неудивительно. Для обывателя «Европа» прочно заняла место воспитанного с детства стремления к «светлому будущему». Если кому-то по душе обывательский уровень мышления, то дальше лучше не читать. Но если кто-то хочет хоть немного понять происходящее в современном мире и его неизбежное будущее, то эта статья для него.

Европа как тип цивилизации является продуктом особой культурной «мутации», суть которой состоит в «самообогащении» человека, формировании культа своего «я» в качестве высшей псевдоценности, со временем подчиняющей себе все остальные ценности вплоть до их полного уничтожения. Сущность «Европы» как типа цивилизации состоит в особом пути разрушения христианской культурной традиции. Здесь происходила подмена исходных и фундаментальных понятий христианской жизни — Истины, Свободы и Любви — прямо противоположными, однако прикрывающимися теми же именами. Вместо Христа «истиной» здесь стала называться совокупность знаний, обеспечивающих комфортную земную жизнь. Вместо духовного совершенствования и победы над злой человеческой природой «свободой» стала называться возможность беспрепятственного удовлетворения любой индивидуалистической прихоти, защищенной законом. А «законом» вместо установленного Богом вечного порядка человеческой жизни по Правде — здесь стали называть формальные компромиссы коллективного эгоизма. Вместо подвига жертвенного служения ближнему «любовью» здесь стало называться «гуманистическое» потакание любым человеческим слабостям, апология его падшего смертного состояния. Особая, нигде не виданная специфика Европы, состоит в том, что всё это лицемерно мыслится как якобы развитие и воплощение христианских принципов.

Конечный продукт европейской цивилизации — человек как пресловутое «экономическое животное», сделавшее своей «религией» стремление к максимальному жлобскому комфорту и безопасности и ненавидящее всё, что этому стремлению препятствует. Очевидно, что это — самый низкий и дегенеративный в нравственном и прочих отношениях тип человека из всех, порожденных мировой историей. Характерно, что для рядового обывателя так называемое «стремление в Европу» — это исключительно стремление к сытой и комфортной жизни. Это — позыв чисто животной природы: какие-либо подлинно человеческие мотивы в нем вообще отсутствуют либо используются для лицемерной маскировки. Европеизм — это «религия брюха» в чистом виде, самая грубая форма неоязычества. А само стремление попасть в жир-

ный «золотой миллиард», не обращая внимания на остальные бедные 4/5 населения планеты, и жить в комфорте за счет их обездоленности — уже само по себе абсолютно безнравственно не только с точки зрения христианской морали, но даже и с точки зрения простой человеческой совести.

Для нашей темы важнее, однако, рассмотрение вопроса о том, как европеец с неизбежностью должен относиться ко всем остальным представителям рода человеческого. Ответ также совершенно очевиден — в первую очередь, как к возможным средствам достижения своего комфорта, безопасности и благосостояния и никак иначе. Все остальные виды взаимоотношений второстепенны и вообще не обязательны. Мировая история полностью и безоговорочно подтверждает этот априорный вывод. Действительно, европейцы почти полностью истребили коренное население трех континентов (Северной и Южной Америки и Австралии), а Африку и половину Азии обратили в рабство (в завуалированной форме имеющее место и поныне). Та же судьба ожидала бы и восточных славян с их евразийскими соседями, если бы эти народы не создали особый Русский мир и оберегающее его от европейской агрессии Российское государство. Этот самый первый (если не считать крестовых походов в Палестину) и самый болезненный провал мировой экспансии Европы породил ненависть к России и русофобию как устойчивую составляющую европейского мировосприятия, избавиться от которой способны очень немногие. Впрочем, источником неизбывной русофобии европейца является не только факт этого провала, но и ощущение того, что Русский мир построен на каких-то других основаниях и ценностях, альтернативных европейским и уже многократно продемонстрировавших историческую эффективность. На каких именно?

Русский мир. Термин «Русский мир» к настоящему времени является достаточно устоявшимся для обозначения цивилизационной общности людей, говорящих на русском языке, а также в более широком смысле — общности исторической судьбы территорий, достаточно длительное время формировавшихся под определяющим влиянием Русского государства и русской культуры. Смысл этого термина был сформулирован рядом ученых после распада СССР. В частности, Петр Щедровицкий обозначал им факт существования определенной социально-культурной общности людей, поскольку в границах Российской Федерации и за ее пределами живет одинаковое число людей, говорящих и думающих на русском языке. Известны, однако, и более ранние употребления этого термина, начиная с ученых XIX века.

Русский мир как тип цивилизации основан на принципах взаимопомощи и служения Правде. Только благодаря этому ему удавалось устоять в столкновениях с Европой и культивировать более нравственный тип личности, создавший великую культуру как раз в тот момент, когда европейская культура перешла в стадию саморазрушения. Именно противостояние этих фундаментальных принципов: взаимопомощи (Русский мир) и конфликта «интересов» (Европа); служения Правде (Русский мир) и культа человеческой гордыни (Европа), — именно это противостояние лежит в основе извечной европейской русофобии, с одной стороны, и упорного русского нежелания «европеизироваться» — с другой.

Образование такого типа цивилизации отнюдь не случайно: оно было обусловлено объективной необходимостью внутренней самоорганизации огромных многонациональных пространств перед вызовом постоянной внешней агрессии. Это, в свою очередь, предполагало особую функцию Государства как создателя такого общества, интересам которого изначально подчинены все частные интересы. Соответственно, и в самом обществе индивидуальные и групповые интересы отступают на второй план перед принципом взаимопомощи, без первенства которого вообще нельзя было бы выжить в столь суровых исторических и природных условиях. И именно русский народ оказался способным ответить на вызов этой объективной необходимости и создать соответствующую модель жизни — только благодаря своим особым качествам, воспитанным Православием.

Русский человек, независимо от своего этнического происхождения, везде сразу заметен благодаря своему принципиально прагматическому поведению и стилю жизни. Даже порой утрачивая важнейшие ценностные ориентиры своего сознания (как это было, например, в советской атеистической цивилизации), он все равно, тем не менее, никогда не станет «прагматиком» или, говоря по-русски, жлобом, — т.е. человеком, всегда озабоченным материальной выгодой и эгоистическим интересом. Если такая метаморфоза происходит, то такой человек перестает быть русским, даже оставаясь русскоязычным — и, как правило, сам это осознает, становясь фактическим или потенциальным эмигрантом из «этой страны».

Благодаря этим качествам государствообразующего народа Русский мир вобрал в себя множество этносов, ранее угнетаемых и уничтожаемых агрессивными соседями. В частности, предки современных украинцев, грузин, прибалтов и многих других народов не исчезли с исторической сцены,

но стали большими народами только благодаря вхождению в состав государства Российского (от чего они ныне бессовестно отрекаются). Это стало возможным благодаря уникальным качествам русского народа, умеющего вступать во взаимовыгодный симбиоз с любым другим народом, независимо от его качеств и уровня развития. Лорд Дж. Керзон, в свое время вице-король Индии, сравнивая русских с европейцами, признавал, что «Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами... к чему англичане никогда не были способны».

В частности, одним из таких качеств было и совершенное отсутствие у русских какого-либо шовинизма. Как писал Н.А. Бердяев, «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы — шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других». Описанный Н.А. Бердяевым феномен почти без изменений сохранился вплоть до настоящего времени и тем самым явственно свидетельствует, что христианское чувство глубоко проникло в русское самосознание — во всяком случае, намного глубже, чем у народов Европы.

История России также свидетельствует, что абсолютно подавляющее большинство входивших в её состав народов и территорий не только делали это добровольно, но и, более того, долгое время просили и умоляли русского Царя взять их под свою защиту. Еще более того, уступая этим просьбам, Царь очень часто шел против интересов своей державы, вовлекая её в длительные войны с сильными соседями — исключительно из **нравственных побуждений** защиты единоверных братьев (как это было с Малой Русью или Грузией) или защиты малых народов от хищников-паразитов (так чаще всего было с народами Азии, освобожденными Россией от ига ханств — наследников Золотой Орды). Спасение Малой Руси от польско-татарско-турецкого геноцида, благодаря чему фактически вообще ныне существует украинский народ как таковой, является самым характерным примером сказанного. Как писал А.Е. Пресняков, «Идеология Московского царства в эпоху царя Алексея еще окрашивает понимание державной власти и ее задач религиозно-нравственными началами... Церковно-религиозные мотивы вносит он в осмыс-

ление вопросов и внешней, и внутренней политики. Политическим соображениям А.Л. Ордина-Нащекина против борьбы за Малороссию и в пользу сосредоточения всех сил на Балтийском вопросе царь противопоставляет мысль, что непристойно, даже греховно покинуть «черкасское дело» высвобождения православной страны из иноверного владычества». Как ни убедительны были аргументы и всей боярской думы, справедливо указывавшей Царю на крайнюю невыгодность вмешательства в «польские дела» и связи с «черкасами», что не может не привести к затяжным кровопролитным войнам не только с Речью Посполитой, но и с Турцией (так оно и вышло), но Царь был непреклонен в своем мнении. Малую Русь с Киевом — мать городов русских следует отвоевывать любой ценой, совершенно независимо от какой либо «выгоды», но исключительно из соображений совести и благочестия! К сожалению, современные украинские историки воспитаны в совсем иных понятиях и совершенно не способны представить себе, что войны могут вестись исходя из соображений совести, а не выгоды — и поэтому приписывают Царю и «москалям» исключительно корыстные побуждения. Подобная низость не стоила бы упоминания, если бы не отравляла повседневно души наших детей Украины на уроках истории.

Что и говорит, если даже при обороне объединенными силами на землях тогдашней Украины погибло и было продано в рабство не менее половины ее населения — наступила страшная Руина, после которой весь центр страны на сотни километров стал вообще необитаемым и спаслись лишь те, кто успел бежать на восток, под защиту русских границ. А что было бы, если бы русская армия в конце концов не изгнала бы турок, татар и поляков? Само **существование** южнорусского этноса, впоследствии названного «украинцами», есть результат самоотверженной политики Русского государства, вынужденного вести в течение десятилетий совершенно невыгодные для себя тяжелые войны с Польшей и Турцией ради спасения предков современных украинцев от прямого геноцида. Территория, контролировавшаяся войсками Б. Хмельницкого на момент их Переяславской присяги Царю, составляет менее 1/10 территории современной Украины, — всё остальное было отвоёвано для неё Русской армией в течение нескольких веков! Причем около половины ее современной территории вообще до этого не было заселено славянами — это стало возможным исключительно благодаря расширению Империи! Всякий, кто, зная перечисленные факты, продолжает говорить лишь об «угнетении» со стороны России, явно

страдает либо врожденным слабоумием, либо полной ампутацией совести.

На фоне этого не может не поражать безответственность нынешних украинских лжеисториков, которые любят патетически восклицать об «украинских кистках» (костях), на которых якобы построена великая Россия. Да, действительно, миллионы украинцев в течение многих веков отдавали жизни в борьбе с врагами России, которую по совести считали **своей** великой Родиной. И такие восклицания, при всем своем лицемерном псевдопатриотизме — это на самом деле плевок на их могилы! Но правда также и в том, что вся территория Украины усеяна не меньшим, а может быть, и большим количеством русских костей — тех, которые вместе с украинцами боролись с ее врагами.

Не менее лживо эти «фахивци» любят пофантазировать и по поводу возможности создания независимого украинского государства в середине XVII века, чему, дескать, «помешала» Переяславская присяга южнорусского народа московскому Царю. На самом же деле такие «государства» создавались в этот период многократно, но именно они и оказывались настоящей бедой и катастрофой, приводя ко всё новым и новым войнам и истреблению народа южными и западными захватчиками. Эти «самостийные» государства создавались авантюристами и проходимцами, думавшими исключительно о своей выгоде, а не о своем народе, которому приходилось за всё это расплачиваться. Таковы все «герои» того времени — от Выговского до Мазепы. Последний из них в наиболее явственном виде воплотил соответствующий психологический тип, для которого, по выражению Н. Костомарова, характерна «внутренняя ложь» во всех поступках. Как писал этот историк, которого труднее всего заподозрить в какой-либо предвзятости, Мазепа «перед царем, выхваляя свою верность, лгал на малорусский народ и особенно чернил запорожцев, советовал искоренить и разорить дотла Запорожскую Сечь, а между тем перед малорусами охал и жаловался на суровые московские порядки... а запорожцам общал тайными путями, что государь их ненавидит и уже искоренит бы их, если бы гетман не стоял за них и не укрощал царского гнева». Однако насколько ему верили сами запорожцы, можно судить уже по тому, что Мазепа всегда жил под защитой наемников-сердюков и московских стрельцов. Зато не знающая исключений верность самого южнорусского *народа* своему Царю вполне понятна — только «московское войско» и было его единственным подлинным защитником от внешних и внутренних врагов. Москва, с XIV века в оди-

ночку совершавшая великий подвиг спасения и собирания великой Руси, в 1654 году откликнулась на крик о помощи погибающих древних киевских земель и не побоялась ради них вступить в сражение с двумя могучими соседями. Поэтому именно великое событие Переяславской рады должно освящать нашу общую историческую память и со временем несомненно будет праздноваться как общенациональный праздник — **День соборности Руси**.

Политический и культурный центр Руси переместился из Киева на северо-восток еще в XII веке, до татаро-монгольского нашествия, которое лишь усугубило этот процесс, но отнюдь не было его причиной. Впрочем, и первый, еще докиевский центр Руси — крепость Старая Ладога — тоже был на севере. Причиной было то, что Русь всегда создавалась и расширялась путем миграции наиболее активного населения («пассионариев») на новые земли. Ко второй половине XII века возможность миграции на юг, в степи, достигла естественного предела, и тогда она повернулась на северо-восток и дальний север (поморье). На юге же, наоборот, происходила активная ассимиляция степных, неславянских народов, которая и стала определяющей для формирования антропологических особенностей предков нынешних украинцев. Помимо сильного влияния тюркско-татарского антропологического типа, второй особенностью населения этого региона стала сильная деформация древнерусского языка, в первую очередь за счет полонизации. Таким образом, северо-восточная Московская Русь сохранила и славянский этнический тип (финская примесь была ничтожна и не так чужеродна, как тюркская на юге), и русский язык в его первоизданной чистоте. Но самое главное даже не это, а то, что Московская Русь не только сохранила, но и развила до классической, уже неповторимой чистоты идеал Святой Руси — Православного Царства, который только зарождался в Киевский период. История Московской Руси XIV—XVI вв., если в неё вдуматься по-настоящему, поистине представляет собой какое-то явленное чудо, необъяснимое естественными причинами. Действительно, как это из малонаселенного и бедного землей Владимиро-Суздальского княжества, к тому же почти полностью уничтоженного татарами, всего за каких-нибудь два века выросло мощное Царство, собравшее заново русские земли? Как это ополчение небольшой территории на Куликовом поле уничтожило отборные войска всей степной Азии вкуче с европейскими наемниками? Откуда такой небывалый расцвет веры и святости, затмивший старые святыни Киева? Естественной предпосылкой было то,

что сюда в период расцвета еще домонгольской Руси шли все самые активные и талантливые. Кроме того, более суровый климат сам производил отбор людей наиболее стойких, мужественных и смекалистых.

Россия представляет собой уникальный в истории пример великой державы, созданной не на основе принципа выгоды, как создавались империи Запада, а на основе принципа братства и взаимовыручки, требовавшего, однако, постоянной жертвенности в первую очередь именно государствообразующего русского народа. Мелкодержавные шовинисты из народов, когда-то спасенных Россией от полного истребления, бояться и стыдятся это понять, и поэтому продолжают бессовестно фантазировать на тему «российской экспансии». Факты же свидетельствуют о том, что Россия была и остается уникальным феноменом империи-«донора», в которой «колониям» всегда жилось вольготнее, чем самому русскому народу, несшему основные тяготы государства на себе. Даже в советский период РСФСР занимала второе место среди республик по производству ВВП на душу населения, но предпоследнее по потреблению на душу населения разных благ.

При всей своей уникальности возникновение такого типа державы имело вполне определенные предпосылки. В течение тысячи лет высшие ценности, создававшие Русь и образывавшие Русский мир, определялись, как и в любом традиционном обществе, религиозной традицией. Московская Русь создала цивилизацию, в максимальной степени воплощавшую в историческом бытии принципы жизни христианского народа. Помимо Церкви, этому способствовали два особых социальных института — православное царство и крестьянская община. Царь понимался не как «главный чиновник», а как отец всем своим людям и как Помазанник Божий. Поэтому «дело Царево», то есть служение Отчизне — Святой Руси, по совести понималось одновременно и как дело Божье — дело защиты самой Истины и Правды.

Крестьянская община, в свою очередь, не давала развиваться индивидуализму и накопительству, приучала жить не по «интересам», а по совести. Понимание свободы, воспитывавшееся русским государством (в том числе даже и его советской версией) — свободы как жертвенного служения высшим ценностям и святыням, не щадя живота своего, — максимально близко христианскому пониманию Свободы в самом высшем смысле этого слова. В то время как европейское понимание свободы как индивидуалистического произвола — по сути, прямо противоположно ему. Советская цивилизация, заменив исконные ценности и святыни Русско-

го мира, тем не менее воспользовалась их наследием в народном характере — теми качествами, о которых сказано выше. Именно поэтому только пространство Русского мира стало испытательным полигоном «великих идей» XX века, которые здесь были восприняты как новая Правда, придающая смысл историческому бытию народа. В этом смысле можно рассматривать и советскую цивилизацию как одну из стадий — недолгую и трагическую — эволюции Русского мира. В Европе же ничто подобное советскому строю было принципиально невозможно в силу того, что никакая самая великая идея не пересилит для европейца страсть к достижению индивидуалистического комфорта и благосостояния.

Однако в настоящее время исконные основания Русского мира почти полностью разрушены, тысячелетняя мечта Европы о расчленении и колонизации России почти свершилась. Однако что значит это «почти»? Значит ли это, что процесс необратим; или же это «почти» — наоборот, новый импульс для возрождения? Как известно, Русский мир многократно стоял на краю гибели, но вскоре после этого становился еще сильнее и устойчивее, чем раньше. «Почти» гибель оказывалась именно тем импульсом, которого не хватало для дальнейшего усиления и роста. Исходя из этого, В.О. Ключевский определил способность удивительно быстро вставать на ноги после страшных поражений как основную историческую черту русской нации. Однако всё в этом мире имеет свой конец. Не окажется ли нынешняя экспансия глобальной цивилизации окончательным концом Русского мира?

Начиная свою «Древнюю Российскую историю», Михаил Васильевич Ломоносов сформулировал главный закон всей русской истории простыми и проникновенными словами: *«Народ Российский от времен глубокою древностию сокровенных до ныняшнего веку толь многия видел в счастьяи своем перемены, что ежели кто междуусобные и отвне нанесенныя войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и величайшей степени величества, могущества и славы достигнул... Каждому несчастию последовало благополучие большее прежняго, каждому упадку высшее восновление».*

Кто-то может возразить, что всякий великий народ становился сильнее, преодолевая трудности и испытания, и поэтому ничего особенного, свойственного только России, в этом нет. Однако дело в том, что только Россия на протяжении всей своей истории, за исключением лишь небольших периодов относительного спокойствия, всегда стояла перед

угрозой распада и гибели. Сначала для Азии, а затем для Европы Россия всегда была желанной жертвой агрессии и подчинения. Маленькое княжество Северо-Восточной Руси за несколько веков превратилось в великую державу в одну шестую земной суши именно потому, что вобрало в себя всех обижаемых агрессивными соседями — от Балтики до Тихого океана. В самой основе русской государственности с самого начала лежал принцип взаимопомощи и бескорыстного служения общему делу, а не принцип корысти и наживы, по которому формировались страны Европы и азиатские империи. Но в XX веке пришло испытание иного рода, противостоять которому оказалось еще труднее, ибо оно действует не как внешнее насилие, но разлагает саму душу народа и сердце человеческое.

Самым страшным завоеванием, которому когда-либо подверглась Русь и которому пока что — но лишь временно! — она не может противостоять, стало вторжение Маммоны — коварного демона, поражающего человеческие души ненасытной жадностью и гордостью, когда ради комфорта и удовлетворения своих прихотей человек готов отдать всё, постепенно утрачивая в себе всё человеческое. Этот демон существовал всегда, поражая слабые и нестойкие души, но никогда он не становился хозяином человеческой жизни. Таковым его сделала цивилизация, созданная Западом, объявившая корысть и гордыню сущностью человеческой жизни, теми «богами», на алтарь которых эта цивилизация приносит свои «достижения» и всё новые и новые жертвы. Мудрые люди всегда знали и говорили, что эта цивилизация обречена, и сейчас это становится всё более очевидным. В состоянии своего крайнего самолюбия, лени и гордыни, свойственного современному так называемому «цивилизованному человеку», он уже не хочет и не способен к продолжению жизни: семья как институт находится в стадии разрушения, детей мало, но и те, которые есть, как правило, еще хуже своих родителей. Народы Запада стали на путь физического вымирания, который уже необратим. На их место придут и уже приходят те, кому «посчастливилось» уйти по дороге «прогресса» не настолько далеко. «Мечеть Парижской Богородицы» — вот будущее того, что еще по привычке называют «Европой». И в современном «романе» с упомянутым названием представлен еще не самый печальный вариант ее будущего. Но для нас важнее другой вопрос: канем ли мы вместе с Европой в историческое небытие или же найдем в себе разум и силы, как это уже не раз бывало ранее, быстро встать на ноги после падения?

Принцип противостояния Русского мира агрессии Европы по сути своей очень прост. Исходным фактом является отношение Европы к Русскому миру исключительно как к **потенциальной колонии**. Так всегда было, есть и всегда будет — не вследствие чьей-то злой воли, но в силу самих особенностей западной цивилизации, способной смотреть на остальной мир в первую очередь только как на источник ресурсов и потенциальной опасности. Пока Русский мир силен и устойчив, Европа вынуждена относиться к нему как к равноправному партнеру, но, тем не менее, постоянно ожидая момента, когда можно будет отнести к нему так же, как и ко всему остальному миру.

Дело в том, что усиление Русского мира несет опасность и для него самого — наступает период успокоенности и внутреннего расслабления, что немедленно приводит к реваншу человеческих слабостей и пороков, бунтующих против императива служения сверхиндивидуальным ценностям и святыням. Особенно этому соблазну подвержена правящая элита, хорошо знакомая с Европой и знающая, что там индивидуальные прихоти и человеческие слабости едва ли не поощряются. И вот здесь рождается русский «европеизм», неизбежно оканчивающийся предательством. Именно таков его духовный источник — вопреки всем интеллигентским мифам.

Предательство элиты (часто сопровождаемое и разложением какой-то части народа) провоцирует очередную колониционную агрессию Европы. Если последняя безуспешна, то это может даже усиливать описанную ситуацию. А если успешна и разрушительна, т.е. сразу же обнаруживает свой подлинный — колониционный — характер, то приводит через период хаоса и смуты к патриотическому возрождению, оздоровлению элиты и народа в целом, к дальнейшему усилению Русского мира. Далее цикл повторяется.

Целый ряд таких циклов — более или менее выраженных — можно проследить от периода крещения Руси вплоть до настоящего момента. На первый взгляд может показаться, что они не касаются специфики истории Юго-Западной Руси, ныне именуемой Украиной. Однако это не так. Не углубляясь в более ранние периоды, обратим внимание лишь на XVII век — один из переломных в мировой истории вообще и в отечественной в частности. Юго-Западная Русь вступила в этот век дикой окраинной колонией одной из европейских империй, в этот момент едва ли не уничтожившей само Российское государство. А окончила его одной из важнейших, наиболее развитых частей России. Что же произошло? В течение этого века и Московская, и Юго-Западная Русь по-

чти синхронно прошли вторую часть цикла — от смуты и упадка до возрождения. Поляки в Кремле и поляки в Киеве; войско Минина и Пожарского и войско Хмельницкого — это, по сути своей, идентичные явления. Первое — момент наибольшего успеха европейской агрессии; второе — контр-удар Русского мира. Причем относительно войск это можно понимать в самом буквальном смысле, поскольку и те и другие почти наполовину состояли из татар и тем самым имели характер своего рода «евразийского ополчения» против агрессоров Европы. Тем самым очевидно, что, несмотря на различие исторических судеб отдельных частей Руси, они всегда продолжали оставаться частями одного цивилизационного целого и почти синхронно проходили одни и те же этапы противостояния Европе — вплоть до воссоздания на этой основе единого государства, границы которого к тому же далеко не сразу достигли объективных границ Русского мира.

Только в этом контексте может быть адекватно понята специфика исторической судьбы Юго-Западной Руси. В первую очередь следует отметить, что длительное пребывание в статусе европейской колонии само по себе еще не есть отличительная особенность Юго-Западной Руси, — то же самое испытали не только Белоруссия, но и многие территории западной и северной Великодержавы. На этом фоне чем-то исключительным является как раз беспримерный исторический подвиг Москвы и Северо-Восточной Руси в целом, сохранивших исток русской государственности и заложивших основу ее будущего величия — в первую очередь формированием особого **нравственного** типа «государева человека», в котором этика жертвенного служения Руси преобладала над любыми личными интересами. Как писал Ф.М. Достоевский, «при начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности. Ибо она же и создавала ее». Очевидно, что эта общая закономерность едва ли не в наибольшей степени приложима именно к русским. Для сравнения нельзя не заметить, что южнорусский тип запорожского казака, при всех его безусловно симпатичных и не менее героических чертах, по самой своей природе не мог быть типом государствообразующим — что более чем наглядно проявилось не только в период Руины и Гетьманщины, но и в нынешней незалежности.

Что такое «Украина»? Украина — внутренний феномен Русского мира, и без него она никогда бы не возникла. Но, с другой стороны, — это именно **внутреннее пограничье**, оказавшееся наиболее восприимчивым к соблазнам Европы не только в силу исторических и географических причин, но

также и вследствие культурно-психологических особенностей южнорусского этноса. Основные факторы, обусловившие отличия южнорусского этнического типа от великорусского, — отсутствие крестьянской общины и более благоприятные природные условия, формировавшие привычку к комфортной жизни. Анекдоты, в которых фигурирует «хохол», естественно, основаны на грубом утрировании действительности, но в целом совершенно точно указывают на характерные особенности того этнического типа — по крайней мере, в сравнении с типом великорусским. Этими уже хрестоматийными особенностями являются «хуторянский» индивидуализм, приземленность интересов и склонность к хитрости, часто сочетающиеся, однако, с повышенной мечтательностью и сентиментальностью. В сравнении с этим великорусский тип — более отзывчивый и соvestливый (т.е. «коллективистский»), более неприхотливый в бытовом и материальном плане (следствие суровых условий жизни), смекалисто-мастеровитый (вместо хитрости), трезвомыслящий (вместо мечтательности) и душевно твердый (вместо сентиментальности). Естественно, все эти отличия весьма относительно и допускают массу исключений и в ту, и в другую сторону. По нашему мнению, именно эти характеристики великороссов были ключевым фактором того, что именно они стали государствообразующим этносом и стержнем русской нации. Что, естественно, несколько не исключает влияния множества других объективных исторических обстоятельств. Впрочем, характерной особенностью XX века стал стремительный рост смешанного типа, имеющего предков из обоих этносов — это больше, чем оставшихся «этнически чистых» южноросов («украинцев»). Этот процесс **естественной реинтеграции** русской нации чрезвычайно важен и, безусловно, сыграет огромную роль в будущих исторических перипетиях.

Как известно, классическое понимание русской нации предполагает, что она состоит как минимум из трех этносов — великороссов, южнороссов и белорусов. Первый исследователь этого вопроса Ю. Венелин в книге «О споре между Южанами и Северянами насчет их россизма» в 1830 году, в частности, писал: «Весь русский народ... по огромности своей (удивительная вещь!) разделился только на две ветви (между тем как другие народы распались на многие отрасли); этих ветвей иначе назвать нельзя, как только по местоположению — Северною и Южною Русью». Причем на уровне массового народного самосознания, отмечал Ю. Венелин,

«каждая из ветвей признает русскою в сущности только себя». Таким образом, на уровне массового сознания (это прослеживается и на множестве других источников, в том числе фольклорных) сформировался своеобразный тип национальной идентичности, который можно определить как конкурентный, при котором из двух частей одной русской нации каждая сама себя считала «более настоящей». А относительно имеющихся языковых отличий первый культуролог и лингвист Украины М. Максимович писал так: «Ни один филолог, по правилам и законам своей науки, не решится разрознить южнорусского и севернорусского языка: они, как родные братья, должны быть непременно вместе, во всякой системе». Более детально такое понимание соотношения южнорусского и севернорусского языков было развито классиком мировой лингвистики А. Потебнёй в его главном труде «Записки по русской грамматике». Современный же официальный украинский язык, как известно, нигде и никогда не был народным разговорным языком, и представляет собою искусственную конструкцию, основанную на принципе радикальной полонизации и диалектизации. По подсчетам специалистов, лексические и фонетические отличия украинского литературного языка от языка древних русичей и современного русского литературного языка почти на три четверти состоят из полонизмов (почти 700 слов) и тюркизмов (около полусотни слов), т.е. изначально и органически — чуждых ему элементов.

Вплоть до большевистской «украинизации» 1920—1930-х годов классическое понимание русской нации четко соответствовало народному самосознанию, что, в первую очередь, и обусловило полный провал украинского сепаратистского движения в ходе Гражданской войны 1918—1920-х годов. Характерно в этом отношении свидетельство одного из лидеров названного движения В. Винниченко:

«Я ехал восемь дней, — пишет этот автор об одной из своих поездок по Украине в период Гражданской войны, — среди солдат, крестьян и рабочих, меняя своих соседей на многочисленных пересадках. Тем самым я имел возможность увидеть на протяжении этих дней словно в разрезе народных слоев их настроения... Я к тому времени уже не верил в особую приверженность народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нем такая ненависть. Особенно среди солдат. И особенно среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые были не латышами и не русскими, а своими, украинцами. С каким презрением, злобой, с каким мстительным глумлением они говорили о Центральной Раде, о генеральных секретарях, об

их политике. Но что было в этом действительно тяжелым и страшным, то это то, что они вместе с этим высмеивали и всё украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую... И это была не случайная одна-другая сценка, а всеобщее явление от одного конца Украины до другого».

Чтобы свидетельства В. Винниченко не показались выражением его экзальтированного субъективного восприятия (хотя бы и невыгодного самому автору), стоит привести еще хотя бы одно свидетельство подобного рода, учитывая, что вообще таковых множество. Например, в воспоминаниях М. Могилянского «Трагедия Украины» читаем следующее:

«Пользуются ли национально настроенные украинцы доверием широких масс населения, во имя которых они действуют и именем которых так часто злоупотребляют? Пользуется ли «украинизация» симпатиями широких масс населения Украины? Нужно раз хотя бы высказать ту истину, что в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему». «Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи «украинизации» и «сепаратизма», — продолжает М. М. Могилянский, — то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции... Доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой».

В свою очередь, тот факт, что идея «украинизации» все-таки находила какой-то отзыв, хотя бы и незначительный, также объясняется весьма просто, о чем в порыве откровенности проболтался один из деятелей этого направления Д. Дорошенко: «Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром — требуй автономии! Понятно, это не создавало прочной базы для украинской государственности».

Все эти явления объясняются, естественно, не «низким уровнем национального самосознания» в тот период, как привыкла бессовестно и бездарно врать официальная украинская историография, но как раз наоборот — его самым высоким и устойчивым развитием, опирающимся на тысячелетнюю традицию единства Руси. Сам принцип национального самосознания как раз в том и состоит, что оно преодолевает этническую ограниченность ради причастности единству великой цивилизационной традиции. В здоровой нации наличие внутренних этнических различий не ослабляет, а наоборот, усиливает сознание единства, поскольку сами эти различия заставляют яснее осознавать те общие ценности, ради которых стоит жить. Пока такие ценности существуют, любой этносепаратизм бесперспективен и естественным образом вызывает отторжение и гнев в широких массах, ради которых якобы (а в действительности — для удовлетворения собственных амбиций) и стараются профессиональные сепаратисты. Пример, описанный В. Винченко, относится как раз к этому случаю. То яростное неприятие выпячивания собственных этнических особенностей, которое шокировало упомянутого деятеля, объясняется глубоко народным сознанием принадлежности к единой Руси. Люди согласились считать себя отдельным народом и называться никогда ранее не слыханным словом «украинцы» только после того, как несколько десятилетий подвергались усиленной «промывке мозгов».

Как справедливо отмечает известный киевский националист Г. Касьянов, «термин «национальное возрождение», очевидно, нужно брать в кавычки... поскольку и по содержанию, и по форме украинское «национальное возрождение» было именно созданием нации, и субъективный фактор имел решающее значение для «инициирования» этого процесса. В данном контексте новое значение приобретает предложенный Р. Шпорлюком термин «украинский проект»... Нация сначала должна была возникнуть в воображении деятелей «национального возрождения» как умозрительная конструкция, и только со временем эта действительно «воображаемая» общность, этот проект были связаны в единое целое, согласованы с «объективными» социально-политическими, культурными, геополитическими и другими реалиями». Другой автор, Николай Рябчук, даже отличаясь явной русофобией, тем не менее пишет практически то же самое. Его главная монография называется «От Малороссии к Украине: Парадоксы запоздалого нациотворения» (1999), и в ней он прямо говорит об искусственности и «запоздалости» создания украинской

нации, которая, по его мнению, так и не возникла и существует лишь в смелых прелетах. Уникальный неологизм «нациотворение», к стати говоря, не имеет аналогов ни в одном из европейских языков.

Этот фундаментальный слом в массовом историческом сознании и национальном самосознании был смягчен и опосредован идеологией «единого советского народа», имевшей под собой вполне реальную почву и удовлетворившей привычку к сознанию сверхэтнического единства. Когда же к концу XX века тысячелетняя общерусская идентичность была окончательно забыта, а «советский народ» перестал существовать — «украинская» идентичность южнорусов стала практически безальтернативной. Русскими отныне официально называются только великороссы, а попытки возродить **тысячелетнее национальное самосознание** теперь яростно клеймятся на Украине как «рецидивы великодержавности». Тем не менее осознание сверхэтнического единства сохраняется даже и в современных условиях — когда уже и нет в языке отдельного слова для ее обозначения, не говоря уже об усиленном промывании мозгов официальной идеологией. По социологическим данным, в 2002 году при опросе молодых людей от 16 до 34 лет под патетическим названием «Первое свободное поколение на Украине — кто они?» около 60% из них ответили, что считают украинцев и россиян двумя частями одного и того же народа; а 61% граждан Украины поддерживали курс на реинтеграцию Украины и России в единое экономическое и военно-политическое пространство (опрос проводился во всех пропорционально представленных регионах страны).

В годы независимости Украины продолжался рост русскоязычной части населения Украины, которая, несмотря на жестокую украинизацию СМИ и системы образования, тем не менее впервые превысила 60%. Приведенные данные свидетельствуют, что единство различных этносов в рамках единой русской нации и цивилизации представляет собой «упрямый» факт, а их стремление к дальнейшей реинтеграции — это естественно-исторический процесс, на который не может серьезно повлиять даже силовая политика. Тот факт, что украинская национальная идентичность, принципиально основана на уничтожении исторической памяти, трусливо замалчивается официальной идеологией Киева. И наоборот, самым лицемерным образом «манкуртами», т.е. людьми без исторической памяти, именуются те, кто пытается ее сохранить. Но человеческая мудрость говорит, что ничто, основанное на лжи, не существует долго.

Ввиду всего вышесказанного неудивительно, что основой для официальной украинской идеологии стало не традиционное народное самосознание основной части населения страны, которое как раз усиленно искореняется, но идеология, сконструированная в свое время поляками и навязанная галличанам в период их порабощения Австро-Венгрией. Большой иллюзией является представление, будто бы население Западной Украины, выпав из руслу общей истории Русского мира на многие века, стало европейцами и якобы несет в себе европейский исторический опыт. В действительности это выпадение было выпадением из истории как таковой.

К сожалению, в недавних дискуссиях по поводу попыток реабилитации бандитов ОУН-УПА не был никем объяснен главный тезис о том, что это было именно **антинародное** движение, полностью противоречащее интересам абсолютного **большинства** украинцев, искренне считавших СССР своей Родиной и отдавших за нее миллионы жизней. ОУН-УПА сознательно развязала братоубийственную гражданскую войну, насильно вовлекая в нее мирное население, не желавшее конфронтации с новой властью, чему есть масса свидетельств. Если же кто-то из них действительно думал, как теперь говорят, что можно было в тот момент победить супердержаву и создать независимую Украину, то это можно объяснить лишь бескультурьем и неимоверной безответственностью, а отнюдь не «героизмом». Исход этой войны был заранее предрешен, а значит, вся пролившаяся кровь в конечном счете — на совести тех, кто ее начал. А главное, не следует забывать, что и части НКВД, боровшиеся с ОУН-УПА, практически полностью состояли из украинцев — то есть это была именно **братоубийственная гражданская война** в самом буквальном смысле слова, а отнюдь не «борьба с московскими оккупантами», как лживо утверждает официальная украинская идеология.

На примере этого явления хорошо понятен принцип, в соответствии с которым следует рассматривать лживый тезис об «угнетении» Украины Россией. В период до 1917 года Россия как государство: 1) спасла южнорусский этнос от геноцида и, вероятнее всего, полного исчезновения; 2) предоставила ему уникальную возможность расселиться на огромных территориях и увеличиться в численности более чем в десять раз — ничто подобное было бы принципиально невозможно за пределами Русского мира: там оставалась бы для них лишь роль самого отсталого захолустья, каковым была, например, Галиция до середины XIX века; 3) обеспечила более благоприятные условия социального и культурного раз-

вития, чем у любого другого центральноевропейского этноса. Это касается даже и «крепостного права» — Екатерина II ввела его в цивилизованные рамки вопреки беспределу местных панов, а отнюдь не «закрепостила Украину», как привыкла лгать официальная украинская историография. Соответственно, и советский период истории Украины не может рассматриваться как что-то внешнее и «навязанное» Россией. Во-первых, исход Гражданской войны в конечном счете решился именно на Украине, благодаря поддержке большевиков местным населением (в 1920 году Красная Армия на треть состояла из украинцев, в том числе и в высшем командном составе). Во-вторых, Украина изначально была не колонией, а одной из **основ** Российской, а затем и советской империи, и поэтому советская власть здесь была **народной властью ничуть не в меньшей степени, чем в Великороссии**.

Известно, что население Западной Украины, хотя и выпавшее из Истории, вплоть до 1920—1930-х годов твердо сохраняло свою русскую идентичность и самоназвание. В октябре 1914 года великий русский писатель М.М. Пришвин, служа фронтовым фельдшером, записывал в дневнике: «Когда я попал в Галицию... я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции». Геноцид русинов австрийским режимом он объяснял их симпатией к России: «В Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России. Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка: не позволяли даже иметь карту России. Перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского. — Как же вы учились русскому языку? — Меня потихоньку учил дедушка... А я учил других, и так пошло. Мы действовали как революционеры, мы были всегда революционерами».

Можно привести сколько угодно подобных свидетельств, а также напомнить о массовости «москвофильских» движений в Галиции, просуществовавших до 1945 года, и ликвидированных именно большевиками-украинизаторами! Перед Первой мировой войной именно «москвофильство» имело самую массовую народную поддержку, поэтому неудивительно то, с какой радостью русины встречали войска генерала Брусилова в 1914 году и какой геноцид устроили им вернувшиеся австрияки в 1915—1916-м! От тридцати до 50 тысяч русинов Галиции, сознательно исповедовавших свою принадлежность единой русской нации, погибло в концлагерях Терезин, Талергоф, Освенцим (вот когда началась его

страшная история!), что стало первым в XX веке прецедентом геноцида по национальному и идеологическому признакам. Этот геноцид национально сознательной части населения, в которой самым активным образом принимали участие и идейные «украинцы» Галиции, и стал впоследствии важнейшей предпосылкой внедрения новой, **искусственной** «украинской» идентичности, усиленно, но почти безуспешно внедрявшейся австрияками еще до войны.

Естественно, что в дальнейшем на остальных территориях страны «украинская идея», возникшая указанным способом, выполняла функцию «отрицательного отбора», втягивая в число своих приверженцев в первую очередь людей эгоистически озлобленных, уже обремененных комплексом неполноценности и стремящихся к самоутверждению за счет унижения инакомыслящих, а также откровенных приспособленцев. Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую экзистенциальную яму, в какую «культурную» и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся, однако, с чрезвычайной надменностью и наглостью по отношению к инакомыслящим, — неизбежно приводит к разрушению всех нормальных нравственных понятий: возникает патологическая неспособность к диалогу и самокритике, к комплексу «я всегда прав». Единственным способом общения с оппонентами становятся злоба, хамство и истерика.

Время лечит. Как известно, само возникновение и дальнейшее существование независимой Украины является частью глобального проекта стабилизации однополярного мира во главе с США и диктатурой стран «золотого миллиарда» в сфере мировой экономики. Как отмечал один из авторитетнейших специалистов в области системного анализа современного глобального мира А.С. Панарин, «как только ситуация диалога двух систем сменилась монологом победившего Запада, с последним стали происходить необъяснимые вещи. Обнажился процесс неожиданной архаизации и варваризации Запада: вместо Запада демократического миру явился Запад агрессивный, Запад вероломный, Запад циничных двойных стандартов и расистского пренебрежения к незападным народам». Впрочем, слово «необъяснимые» нам представляется здесь более чем неуместным — всё это абсолютно объяснимо в контексте подлинного понимания сути западной цивилизации, о котором было сказано выше. Проект глобального однополярного мира предполагает недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евра-

зии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, «народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненные материалы нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом» (Панарин). Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного.

Описанный проект не встречает сопротивления до тех пор, пока у населения колонизируемых территорий сохраняется иллюзия возможности вхождения в число стран «золотого миллиарда» (на Украине это называют «вхождением в Европу», но корыстная суть та же). Однако, когда иллюзорность этих мечтаний станет очевидной большинству населения, его политические и цивилизационные предпочтения радикально изменятся. Возможно, на это уйдут даже десятки лет, однако итог предопределен и неизбежен, а сам процесс начинается уже сегодня. Уже в ближайшие годы, при правлении прозападного режима, основную массу населения ждет глубокое разочарование в курсе на «евроинтеграцию», превращающем Украину в «банановую республику без бананов», с перманентной экономической стагнацией и политическим кризисом. Однако не только в этом чисто материальном факторе, но и в самой потребности самобытного развития и нравственного достоинства народа, имеющего великую историю, — главная предпосылка незаменимого участия Украины в возрождении Русского мира. Более того, в определенном смысле можно сказать, что временное разобщение Русского мира уже далеко не первое в его истории, как и раньше, пойдет лишь на укрепление его дальнейшего единства — после того, как очередная «европейская» утопия продемонстрирует свою полную несостоятельность.

<http://lugansk1795.info>

ХОЗЯЙКА УРОЧИЩА ВЕТРА

РАССКАЗ

Он проснулся рано с тем же тяжёлым чувством, с каким засыпал под утро. По дому плыла тонкая, зыбкая тишина. Такая тишина бывает только на самой границе с ночью. Он любил эти короткие минуты чуткой предрассветной тишины, радовался им, но теперь они казались ему в тягость.

За окном — чёрным по тёмно-синему — уже наметилась кромка близкого леса. Рассветы теперь приходили день ото дня позже. Осень явилась в урочище полноправной хозяйкой. Кружили и стелились ковром жёлтые листья, застилали дорожку к реке, тропинки, весь их просторный двор. Жёлто-бурые полосы из листьев текли по реке, собирались возле коряг в пёстрое полотно.

Сентябрь стремительно и неукротимо катился к югу. И он, как эти листья, должен сплавиться по реке в низовья. Через месяц начиналась охота. Подготовить избы на своём участке, отремонтировать ловушки на тропках. Недели две займут эти хлопоты, трудные, но привычные за многие годы промысла.

ПРОЗА

Он поднялся, нащупал на спинке стула брюки и тельняшку, осторожно вышел. Ему не хотелось до света будить жену. Она намаялась в эти дни, с утра и до вечера собирая и укладывая поклажу. И ещё этот тяжёлый разговор вчера, и упрёки, и слёзы, и почти бессонная долгая ночь. Так тошно на душе, так муторно перед выходом в тайгу у него ещё не бывало.

Ступени крыльца за ночь покрыла мелкая водяная пыль. Он бросил на мокрые доски старый брезентовый плащ и сел. Воздух остыл за ночь, напитался росой и со сна показался совсем холодным, прямо-таки ледяным. За воротами началась широкая тропа. Она вела к реке. Едва приметная в сумерках, река серебрилась меж сосен, а за ней темнела громада леса...

Он хорошо знал тайгу. И сейчас, приходя в себя от ночных видений, ему не сложно было представить её всю, на многие-много километров. Он прикрыл глаза и увидел за лесом ещё одну реку, поменьше, она текла километрах в десяти отсюда, потом большое топкое болото и новую реку, а за рекой, в полудне ходьбы, озеро с высоким островом посередине. На острове, на самой макушке, кресты раскольничьих могил вразной, покрытые седым мягким мхом. Где-то там веками жила его родовая деревня, от которой не найти теперь ничего, кроме крестов да каменных гряд в низких ельниках...

Как давно это было, подумал он с грустью, сколько веков прошло, а река и лес — вот они, живут. Будет так и после нас. А раз это установлено на свете, то чего стоят все наши страдания, и так ли велико наше горе, как мы его представляем...

Деревня, в которой прошли его детство и юность, тоже перестала существовать. Обвалившиеся печные трубы да дурная трава — вот и всё, что найдёшь от неё теперь. Он редко вспоминал о прошлом и не очень-то его любил, но сегодня явились к нему в памяти дом и короткая улица, в конце которой жила она, его будущая жена, и крохотная школа, и большой, позеленевший от старости колокол на столбе возле пожарного сарая.

Сегодня воспоминания приятны ему, согревали душу. «Наверное, из-за неё, — подумал он о жене. — Что и говорить, нам всегда было хорошо вместе...»

Деревню сгубило не время. Городских браконьеров накрыли на вертолёте инспектора с милицией. Чтобы скрыться, те подожгли траву, занялся прибрежный лес, а потом и деревню

огонь слизнул так, что никто и охнуть не успел. Да что там деревня, двадцать дворов. Сам он промышлял с братом и ни о чём не ведал. Когда вернулись, узнали, что дома нет, и отца схоронили без них, ровно неделю назад...

Он и теперь явственно ощутил горький запах пожарища, увидел синеватые дымки на месте знакомых изб, почувствовал ладонями печные кирпичи, прокалившиеся в страшном огне и до сих пор ещё горячие. Таёжный зверь в панике бежит от такого запаха. Неприятен, враждебен он человеку...

Отец успел спасти от огня инструмент, снасти и охотничий припас и тут же, возле пепелища, упал без сил, задохнувшись прогорклым вонючим дымом. Отец с войны страдал сердцем. Когда бабки обряжали его в последний путь, в кармане нашли ордена сыновей. Он ими дорожил, оказывается, больше, чем сами сыновья.

Теперь она предстала в памяти школьницей. Высокая и стройная, всегда в длинной юбке до пят, строгая. Деревня считалась раскольничьей, и даже по тогдашним меркам она вела себя не по-детски сурово. «Монашка» — таким было её школьное прозвище.

Они сидели за одной партой, жили рядом и дружили. Почему она выбрала его, он не знал и теперь. Были в деревне ребята побойчей в делах и поострее в разговорах. Может, потому, что не пытался лапать, как другие, и не искал повода зажать где-нибудь, чтоб повизжала? Просто всегда они оказывались почему-то вместе, вот и всё. А когда пришло время, и офицер военкомата вывел их, четверых пацанов, к моторке, чтобы везти рекой в армию, спросил вполголоса: «Ждать будешь?» Она коротко глянула строгим взглядом и ответила просто: «Буду». И дождалась.

А сегодня ночью он её предал. Так она сказала ему. Вначале тихонько, будто спрашивая себя, будто догадываясь, а потом кричала, вся в слезах, жаркая и яростно-злая. «Предал, предал, предал...» — навалилась и била его твёрдыми кулачками в грудь.

«Предал...»

Он держал её за плечи, задыхаясь под покровом рассыпавшихся волос, крепко прижимал к себе и чувствовал, как твёрдые соски жестко чертят его по мокрой от слёз груди. А она всё билась, билась и билась, ослабевая и затихая в его объятиях...

Они поженились сразу после армии и прожили вместе почти девятнадцать лет. Но детей не было. После пожара при-

шли за пятнадцать километров сюда, в ближайшую промышленную заимку отца. Урочище Ветра называли это место охотники. До осени успели утеплиться, прирубили ещё один просторный придел, поставили ограду от случайного зверя и стали жить: они — Матвей и Лена и его младший брат Миша. Было это три года назад.

Небо над урочищем заголубело. Занялась заря. Он совсем продрог, поднялся и хотел было идти ставить чайник.

— Ты что, брат, притих и мёрзнешь? Будто на точку вышел.

Миша, улыбающийся и весёлый, появился на крыльце и распахнул руки:

— Денёк-то занимается, посмотри-ко, а! Радость-то! Это для тебя, в дорогу..

Миша весь в мать. Так же, как она, часто и по любому поводу радуется — погоде, солнцу, дождику, хлебу и всему на свете...

— Я на своих точках не мёрз.

— И не бегал, как мы. Тебе-то чего: вертушкой закинут на перевал и лежи себе. Тепло, светло и мухи не кусают. А нам-то да... И горы, и зелёнка, и-и-и-иэх!

Миша вынес сахар и хлеб, поставил на мокрые доски парящий чайник, разлил по кружкам кипяток.

— Посидим, брат. На, согрейся, а то уйдёшь, скучно станет.

Меж братьями десять лет разницы, но старший жилистый, гибкий, младший осанистей, кряжистей и потому они кажутся как одногодки, а с лица и вовсе близнецы. И жизнь у них складывалась один в один. Оба служили в армии и оба снайперами: один в Афгане, другой ухитрился поспеть к началу второй чеченской. Старший вернулся с советской «Звёздочкой», младший с российским «Мужеством».

На войну не рвались, да никто их и не спрашивал. Как только командиры в учебке узнавали, где жили и чем занимались, сразу налаживали в снайпера. Младшего даже пытались учить. В Светлогорске, в знаменитой снайперской школе К-43, после первых же занятий взводный привёл его к ротному и растерянно доложил: «Что мне с ним делать? Ничего не знает, но всё умеет».

— Да и чего бы ты набегал, со своей кочергой СВД в полтора метра? У меня вот «винторезик» был, будто игрушечка.

— Не-е-е, Миша. Ты забыл: 1225 сантиметров. Однако грех на неё обижаться. Справлялись.

— Да пробовал я её в школе. Добрая машинка, но старовата по нынешним временам. Прицел и вовсе... А я после «вин-

торезика» успел и «взломщика» захватить. «Винторезик»-то работает только на четыреста, а «взломщик» и за тыщу пятьсот достанет. У-у-х!

Матвей привык к шутивным подковыркам брата. После Афгана снайперами в войсках занялись всерьёз, и оружие обновлялось регулярно. Но Матвей ничего об этом не знал.

День и вправду наступил добрый. Их урочище — это неширокий, будто топором прорубленный прогал в высоком кряже. Кряж по одну и другую сторону порос высоченными древними соснами. Сосны встали, будто крепостные стены, и от этого урочище казалось предпольем: один конец к югу, к болоту, другой на север, к реке. И какая бы пора ни стояла на дворе, всегда здесь тянул несильный ровный ветер. Зимами, конечно, это совсем ни к чему, а летом хорошо: ни комара, ни гнуса.

Солнце поднялось над лесом, высохла роса, и пора настала собираться в дорогу. Но уехать Матвей не мог. Он тянул и тянул с разговором, страшился его. Вся душа его противилась и страдала.

— Что вы тут чаёвничаете, на пороге-то? Будто сиротки какие. Вас что, в дом не пускают?

Лена выглядела уставшей, лицо бледное, глаза ввалились. Матвей заметил, что не смотрит на него, прячет глаза.

— Ты приготовь что-нибудь, а мы на бережок сходим, глянем, как там лодка, — тихо попросил жену Матвей. — Мы скоро.

Они вышли за ворота и двинулись по широкой тропе, распахивая ногами вороха листьев. Листья с неохотой поднимались, неловко кружили и тяжело падали обратно. Они огрузли, привыкли к земле и уже приготовились умирать.

— Что решил, Миша? Останешься или как? Отец, помнишь, говорил: друг друга держитесь, тогда выживите...

— Помню, Матвей, как не помнить.

— Ну так и оставайся. Ягод много, орех добрый, сезон удачный будет.

— Это так. Только ведь отец всю жизнь с мамкой прожил, и у тебя вот Ленка есть. А я тридцатник разменял, а бабы нет. Не поверишь, иной раз думаю, хоть бы раз в руках подержать, а там и помирать можно.

— Не гневи Бога, Миша! Помирать он собрался...

Старый это был у них разговор и безысходный какой-то. В последний год особенно часто Миша заводил его, не на шут-

ку тревожа Матвея. Его не пугала будущая жизнь в урочище вдвоем с женой. Ну, лет на десять ещё, ну, на пятнадцать, сил хватит. Он боялся за брата. Миша дважды уходил к людям «в мир» и оба раза это заканчивалось плохо.

Матвей мучительно думал. Он и только он должен принять решение. Подняться и уйти в район вместе? На что и где жить? Кто их там ждёт? Но вчера ему показалось, что выход он нашёл...

«Мир» начинался в семидесяти километрах, за тремя реками и одним громадным озером. Дня три-четыре пути, смотря по погоде. Там посёлок лесозаготовителей, власть, магазины, парикмахерская, столовая. В «мир» они выходили два раза в год. Сдать пушнину и мясо, купить сахару, чаю, муки, заплатить взносы в охотобшестве, пополнить запас патронов, пороху и дроби.

В посёлке много бесхозных женщин и холостых девок. Но и участковый тоже есть. И он — чей-то друг, брат или сват и всегда стоит на стороне местных. Пару раз после жесточайшей драки Миша оказывался в казённой комнатке участкового с замызганными лавками вдоль стен, но, оборванный и исцарапанный, всегда уходил — то через окно, выломав решётку, то через крышу пристроенного с улицы туалета. Там, в спецназе, их учили не только ловить чужих, но и убежать самим.

Местные мужики быстро узнали настоящую цену Мише, и не они отвратили его от посёлка. Продавщица Верочка, мечта старшеклассников, трактористов и вальщиков, выделила Мишу и одаривала вниманием во время редких его наездов. Одаривала аккуратно, дозированно, чтоб другие не подумали плохого. То взгляд на секунду задержит, то, будто задумавшись, спросит чего невпопад. И стал Миша планы сочинять, и уже мечтал ночами, как заживут они в урочище четвером, и как здорово будет: Матвей с Леной и он с Верочкой.

Вера жила тут же, при леспромхозовском общежитии, где мама числилась комендантом и где останавливались они с Митей во время наездов. Однажды пригласила Мишу заглянуть на чай.

— Пошли с нами в урочище, — предложил Миша, раставивший в облаке участия и ласки. — Будем жить вместе, муж и жена. Там простор, воля...

— На что мне воля в глухомани-то вашей? — отрезвила Мишу Верочка. — Да и замуж рано. Накоплю денег и в район уеду — вот где раздолье, а не у вас.

Верочка смотрела на Мишу странным, таинственным взглядом, как на неразумное дитя, ласково улыбалась, и у Миши от этой улыбки больно ныло внизу живота.

— Мама сегодня останется в гостях, — сказала Верочка, когда настала пора прощаться. Она поглядела в Мишины глаза и, не отводя взгляда, оголила молочно-розовое плечико и подтянула кверху узкую голубенькую бретельку. Под халатиком дрогнуло и качнулось так, что у Миши перехватило дыхание. — Ты бы зашёл попозже, мы ещё поговорим. Я дверь не закрою.

— Замуж не хочешь, а я-то тебе зачем? Мужиков в посёлке мало?

— Это не мужики. Их раз позовёшь, они полгода по пьянке треплются.

— А звала?

— А ты как думаешь?

Миша никак не ожидал такого поворота. Он почувствовал вдруг, как Вериными лаской и голоском, что, словно ручеёк, журчит-переливается и убаюкивает в жаркий лесной полдень, его обманывают все женщины мира; обманывают в чём-то самом важном, в чём обманываться мужику никак нельзя на этом свете.

— Мне, Вера, женщина нужна, — сам не зная почему, разозлился вдруг Миша. — Такая, чтоб только вместе, рядом. Вот так.

С тех пор в посёлке он не задерживался, магазина сторонился, в клуб не ходил, и всякий раз зло торопил брата к возвращению домой.

Лодку они приготовили со вчера. Мешки с крупой и сухарями, брезентовый куль, в который плотно завернуты несколько десятков капканов, жестяная печка для домика, пилы, топоры, охотничий припас на три месяца. Братья присели на борта лодки. Ровно и мощно река текла возле ног к далёкому морю. Но спокойной она была только здесь. В полукилометре отсюда начинался затяжной пережат, и слышно было, как ревет и беснуется вода в узких теснинах меж чёрных и скользких камней.

— Пойду в район, Митя. Помогу тебе участок подготовить, а сам промышлять не стану. Как заведёшься, так до весны проканителиться.

Далеко на севере уже закончилась осень и пришли первые морозы. Примерно через месяц они заметят это и здесь. Река выйдет из берегов, поднимется, затопит окрестные низины и кусты ивняка. Значит, внизу на перекатах лёд начал намер-

зять бурыми пластинами и запирать воду. А потом большие плёсы со спокойной водой покроются ледком, встанут, и только буруны возле камней на перекатах даже в самые сильные морозы станут глухо, утробно ворчать по ночам и густо парить.

— Не обижайся, брат. Болота встанут, и уйду.

Промысловый участок Матвея по площади равнялся трём районным центрам, включая окрестные деревни. И впервые в этом году они будут готовить его вдвоём. Через две недели Матвей должен вернуться, а Миша уйдёт в тайгу завершать.

— Знаешь, Миша, хочу тебе сказать, — неуверенно начал было Матвей. Голос его осёкся от волнения, и на секунду перехватило дыхание. — Подумай ещё раз, не спеш. И главное. — Он переборол волнение, собрался. — Ты брат мне, у нас одна кровь. Мы здесь втроём, а вообще мы как один, как одна семья. Ведь так?

Миша не понял, о чём речь, но кивнул головой.

— Давай вот так и дальше жить будем. Я уйду, тебя Лена позовёт, а ты не сомневайся, иди.

— Куда позовёт? — не понял Миша. — Зачем?

Но Матвей не ответил. Он поднялся и скорым шагом пошёл к заимке. Бурые листья из-под сапог всё так же неловко и невысоко подлетали стайками и сразу ложились по краям тропы, будто неровные угловатые кочки. Миша посидел, соображая, и когда вдруг понял, сердце бешено забилося, и кровь бросилась в лицо. «Что это он?! — думал он в смятении. — С ума сошел. Как это?!»

Лена сидела у окна, хмуро и зло смотрела на мужа, готовая заплакать. Он неохотно ковтырял в миске, а потом долго пил чай.

— Я так не смогу, Митя. Я же не тёлка какая-нибудь, чтоб меня к быку подводили, — говорила она тихо, дрожащим голосом. Потом не выдержала и заплакала.

— Ты же муж мне...

И уже не сдерживаясь, закричала:

— У меня муж есть! Муж, муж...

Он поднялся, обнял её, прижал к себе. И она, как и вчера, стала биться в его руках, вырываться и кричать. А потом затихла, успокоилась и свистящим шепотом сказала, глядя сквозь слёзы прямо ему в глаза:

— Меня Бог накажет! Ты этого хочешь, да? Накажет, ой как накажет... Ты Бога не боишься? Вижу, не боишься. А я боюсь...

И слёзы снова повисли на её подбородке блестящими мутноватыми капельками.

И у него душа рвалась и плакала. Всё протестовало в нём против того, что он говорил сейчас и что делал. Но он знал, что никак нельзя дать слабину. Иначе вся задумка рассыплется в прах, и не сохранит он крошечную свою семейку, не удержит, никак не удержит. И ответ будет ещё более страшен.

— Пусть наказывает меня. Одного. Я отвечаю. Я муж твой и я тебе говорю...

И тихо гладил её, перебирал густые пряди волос, вдыхая такой знакомый и родной запах, и шептал ей на ухо, как любит, как счастлив, что она у него есть, такая сильная и умная хозяйка. И она, как вчера ночью, устало затихала в его руках, успокаивалась.

— Он брат мой, мы с ним одна плоть, — говорил тихо, почти шептал. — А ты нам давно и мама-кормилица, и сестра, и...

Он не договорил, но она поняла, хотела было рвануться в его руках, что-то сказать резко. Он приложил палец к её губам и добавил на ушко, шепотом:

— Может, сыночка понесёшь...

И словно сразил её этими словами. Она снова заплакала, но уже тихо и беспомощно, горькими бессильными слезами.

Поначалу он почувствовал облегчение и даже радость. Лодка ходко шла по течению, чутко слушалась руля. И он уже представлял, как через несколько часов пристанет к берегу в укромном заливчике, затопит в избушке печурку, станет с наслаждением пить чай и планировать предстоящую работу на путике. А через два-три дня оставит на лабазе часть припаса и поплывёт в другую избушку, где будет всё то же: ремонт старых ловушек, строительство новых и много ещё чего, о чём долго рассказывать и что знают только охотники-промысловики.

Но что-то вдруг сломалось в настроении, и разом свет для него померк. Он стал думать о брате и жене, представил, как он войдёт к ней вечером, как они будут лежать, одни во всём доме, и что станет делать он, и как она застонет и забьётся под ним. Он ощутил её упругую грудь и восторг, когда ладонь опускается вниз, в эту ложбинку между животом и крутым её бедром, от которой всегда перехватывает дыхание...

И что же? Теперь её ласкает другой и другая ладонь спускается к её крутому бедру, в его сладкую ложбинку! Она же моя и только моя! Как же это?!

Матвей прежде никогда не ревновал жену к другим. Ещё в деревне, однажды, будто в шутку сказал, мол, вот дома нет

меня месяцами, а тут мужики. Мало ли, браги напьются, да и ссильничают ненароком. Она глянула коротким своим быстрым взглядом, будто уколола, и ответила: «А пусть попробуют...» Потом оглянулась, нет ли кого поблизости, и подняла выше колена подол юбки. На бедре он увидел маленький нож, который подарил ей давно, едва вернувшись с армии.

...Однажды их группа накрыла на перевале караван с оружием. Немногочисленное сопровождение положили тут же. Среди моджахедов оказался американец, парнишка-инструктор. Вот у него-то ребята и увидели необычный ножевой подвес на бедре. Некоторые ребята из разведвзвода сделали тогда похожие. Сшил и он, привёз домой, в шутку подарил жене после свадьбы и давно уже забыл о нём. Но она, оказывается, не забыла...

Кровь ударила ему в голову. Ему очень захотелось вернуться, сейчас же, сразу, немедленно! Чтобы остановить, не дать свершиться тому, что теперь казалось ему невозможным и даже ужасным. Он резко повернул к берегу. Лодка с разгону глубоко вошла носом в осоку. Он выпрыгнул, взял карабин и дослал в патронник патрон. Часы показывали полдень. «Часа за два берегом дойду до заимки, — думал он разгоряченно. — Если в постели застану — убью обоих».

Он достал из лодки рюкзак, стал лихорадочно рассовывать по карманам патроны, хлеб, спички. Он торопился: быстрее, быстрее, быстрее.... Успеть, помешать, не позволить! Она моя, только моя!

Но память, этот подлый змей, который вступает всегда не вовремя, всегда не с руки и подло, напомнила ему, что ведь он сам придумал, сам убедил, сам, сам, сам... И за что же теперь убивать? Он опустил карабин, упал лицом в пожухлую прибрежную траву и заплакал. Он плакал навзрыд, горько, и не по-мужски визгливо ругался; ругался сквозь слёзы и самыми чёрными словами, которые только слышал...

Сколько он пролежал, час или три, он не знал. Ровно текла река. Звенели речные струи, обвиваясь вокруг прибрежных камней и унося с собой к морю облетевшую листву. Монотонно кричала птица, извещая своих, что на берегу лежит человек и не движется, хотя, наверное, ещё живой... А когда за вечерело, разжег костёр, попил чаю и поплыл вниз по реке дальше, разбитый, ослабевший, больной...

Меж тем ничего из того, что представлял и чего так боялся Матвей, в заимке не происходило. Весь день Лена хлопотала по дому. Резала и солила в кадке капусту, перебирала перед

закладкой в подпол картошку, что-то варила, перекладывала в банки, мела и мыла. А Миша ждал. Он до конца не верил в то, что сказал ему Митя, но страстно ждал и почему-то страшился. Он потихоньку поглядывал за Леной, старался угадать её настроение и ждал, ждал, как на охоте, боясь спугнуть нечаянным взглядом.

То, что говорил Матвей о совместной жизни в урочище и её положении в семье, Лена чувствовала сама. Она, как могла, стерегла себя, но, бывало, ранним утром дома, на берегу после купания или забывшись в хозяйских хлопотах, ловила на себе испепеляющий Мишин взгляд. В такие минуты она сердилась, но не на Мишу, а на себя. Сердилась от того, что сердцу его внимание было приятно и нравилось, а она считала это чувство постыдным для себя. Она хорошо понимала Мишино состояние, как поняла бы любая зрелая женщина, и жалела, жалела его в душе...

Миновала неделя, а с ней подошла к концу вторая. Лена не звала. В субботу второй недели, после того, как по очереди сходили в баню и ужинали, она сказала то, чего так долго хотел он услышать: «Я приду к тебе сегодня».

Жар ударил ему в лицо, и, казалось, опалил всё внутри...

Как он надеялся, как торопил время, как хотел ощутить счастье обладания женщиной! И вот оно рядом, уже этой ночью... А когда дождался и распинал её горячее упругое тело, рыча и потев от страсти, она, напряжённая и безучастная, только судорожно комкала в кулачках свежую после бани ночнушку... И потом, спустя несколько дней, она уже не позвала, а только подошла и молча, легонько погладила его по голове. И он всё понял, и снова терзал её сильное тело, а она всё так же, как в первый раз, молчаливо терпела и не находила в себе сил ответить на его страсть...

Матвей не вернулся через две недели, как обещал. Миша уже собрался на подмену, снарядил лодку и по пять раз на день выходил на берег посмотреть, не видно ли на реке брата. Но Матвея не было. Последний лист опал с деревьев и уплыл по холодной и пустой реке. Умолкли птицы. И небо опустилось над урочищем, огрузло сизыми сплошными облаками, грозя то злым холодным дождём, то сразу снегом.

Уже третья неделя подошла к концу, и они не на шутку встревожились, когда Матвей вернулся. Исхудавший и будто бы постаревший за двадцать дней отлучки, он хмуρο по-

здоровался, умылся и сел на крыльце отдохнуть — весь напряжённый и непривычно отстранённый, будто чужой.

Матвей и вправду чувствовал себя чужим. Он не знал, как вести себя теперь, когда страшное уже произошло. Он вглядывался в родные лица и силился увидеть что-то такое, что выдавало бы перемену. «Они же спали в одной кровати, и это должно проявиться, просто не может не проявиться», — убеждал себя. Но ничего особенного не замечал. Только жена не весела и не радостна, как бывала прежде при его возвращениях из тайги, а хмурилась, и, похоже, продолжала злиться на него. А Миша, всё такой же лёгкий и весёлый, теперь казался через меру возбуждённым.

— Ну, как, брат? Что там, в хозяйстве? Много ли успел? Что мне оставил?

Миша сыпал вопросами, а сам непрерывно двигался, что-то делал по двору, нетерпеливо хлопотал. Он готов был сейчас же, немедленно, отправиться тайгу.

— Присядь-ко на минуточку, — попросил Матвей. — Что ты, как конь застоялый, копытом бьёшь?

Миша присел к брату на ступени крыльца и дурашливо потрепал его за шею.

— Вижу, вижу, изработался весь. Мне-то оставил чего?

— Избушка на Берестяном ручье и вторая на Большой Уде — это тебе готовить. Да по путикам там и там пробежать, поправить. Думаю, дней на пять-шесть работы, не больше.

— Всё сделаю к сроку, не беспокойся, — Миша вскочил, готовый бежать за рюкзаком и ружьём.

— Да сядь ты, сядь, — строго попросил Матвей. — Главного не сказал...

— Да что ты, — удивился Миша. — Маленький я, что ли? В тайге не бывал?

— Запоздали мы малехо. Река поднялась в берегах. Перекат не пройти ни левой шиверой, ни правой, где обычно ходим. Камни нынче под водой, и сразу не увидишь: опасно. Иди береговой протокой, в обход. Часа два потеряешь, зато риску никакого.

Береговая протока в обход переката была мелководна и летом пересыхала. Они поднимались по ней из низовьев, когда не было сил идти против течения.

— Пройду, Митя, не боись! — ответил Миша, поднимаясь с крыльца. — Третьем году, помнишь, также вода груба стала, а я ходил перекатом, вот как по двору. Пройду и теперь.

Лена вынесла куль с продуктами, завернутыми в старую холщёвую наволочку. На крыльце куль обернули в кусок целлофана и вложили в рюкзак.

— Ну, с Богом, Миша!

Матвей осенил брата крестным знаменем и проводил к лодке.

— Ждём тебя через неделю. Потом пару дней отдохнёшь, вместе на охоту, лады?

Нагруженная по самые борта, лодка тяжело отошла от берега. Течение подхватило её, повлекло и всё быстрее и быстрее понесло вниз, — туда, где бесновался речной пережат. Пережат набрал воду и теперь буйствовал, словно спешил накуражиться прежде, чем на полгода его накрепко закуёт мороз...

Матвей лёг поздно, но жена не поспешила к нему. Лена возилась и возилась на кухне, чем-то брякала, что-то переставляла. И когда начал задрёмывать, тихо скользнула на своё место, на самый краешек, свернулась комочком спиной к нему и затихла, как мышь. Он подождал немного, придвинулся и положил руку на её плечо.

— Не надо, Митенька, — по-детски беспомощно заплакала она тихим беззвучным плачем. А он лежал и не мог сообразить, что же ему делать теперь, и виноватил себя и ругал последними словами. И снова тянучей болью заняла душа и захотелось обхватить руками голову и, как там, на берегу, плакать и кричать дурным голосом...

— Грех, Митенька, — бормотала она в иступлении. — Накажет нас Господь, ох, как накажет...

«Так было нужно! Да, так было нужно!» — повторил он, как молитву, как повторял тысячу раз, оставшись один в тайге. Этому научил его в Афгане сержант снайпер, которого он сменил в разведгруппе. Рычал дизелем пыльный БТР, ребята уже обхлопали плечи уходящих на гражданку и те вольно курили на броне, ожидая отправки на аэродром. Сержант отвёл его за угол палатки и хмуро сказал:

— Слушай сюда, паря, и запоминай. Поразишь первую цель, будет хреново, так хреново, что не все остаются. Ни о чём не думай, не пили опилки и не ковыряй замазку, иначе пропал. Повторяй: так было нужно! Так было нужно... И всё. Ты понял?

— Так было нужно, нужно, нужно...

И ему стало легче. Он обнял жену, прижал её к себе, съжившуюся, жалкую, и стал гладить по разметавшимся по подушке волосам, по горячим плечам, и тихо, как ребёнку, шептать на ухо, как любит её, что так надо, а Господь милосерд, и что без неё он жить не сможет совсем...

А под утро он тревожно проснулся. Жена, как большая ночная птица, сидела на кровати и долгим взглядом смотрела в чёрное окно.

— Ты чего, Лена? Ложись, рано ещё.

— Я боюсь, Митя.

— Чего же ты боишься? Я же тут.

— Сама не знаю. Боюсь и всё. Будто беда рядом.

— Ладно тебе. Наплакалась вчера, вот и тревожишься. Спи.

И на следующую ночь, и потом она всё так же неожиданно просыпалась среди ночи, сидела, глядя в черноту леса за окном, и чутко вздрагивала, когда он звал...

К концу недели Миша не вернулся. Они подождали ещё день и решили вместе сплавиться до избышек. Подумали, вдруг какая-нибудь незадача с лодкой, и нужно помочь. Но за перекастом, где успокаивались, смирялись буруны, а мощные жгуты водяных струй растекались большим плёсом спокойной воды, она вдруг закричала, замахала ему на корму, указывая на берег.

На берегу, среди нагромождений прибрежного коряжника, он заметил обломки знакомого борта, несколько разбросанных тут и там серых, обшарпанных о камни досок. Лодка упёрлась в берег. Она выскочила первой и с диким криком бросилась прямо через коряжьё к Мише, уже спокойному, остывшему, неживому.

— Это я-а-а! Это я-а-а во всё виновата, — кричала она и билась головой о холодную Мишину грудь. — Прости меня, Мишенька! Прости ты меня! А-а-а...

Миша пошёл через перекаст самой плохой, самой страшной правой шиверой. Лодку в струе не удержал, её развернуло и с размаху раскололо бортом о камень. Он был почти без одежды и с разбитой о валуны головой. Как у него хватило сил выбраться на берег с такой чудовишной раной, понять было невозможно...

...Матвей вышел из тайги незадолго до Нового года. От заимки до ворот тропинка в глубоком снегу была расчищена, но силы у него кончились. Он сбросил тяжеленный рюкзак, снял лыжи и сел прямо на тропу, привалившись к рюкзаку и вытянув усталые ноги.

Кончался короткий декабрьский день. Пушистый снег лежал громадными шапками на сосновых лапах и на крыше, переливался и сверкал изумрудами. А сама заимка стояла среди леса, словно сказочный домик из папье-

маше и ваты, что в детстве каждый год вывешивала на новогоднюю ёлку мама.

«Да, не прибывает сил-то, не прибывает, — впервые с сожалением подумал он о своём возрасте. — Прежде прибежишь, да ещё баню стопишь, да напаришься. Теперь нет, завтра всё, завтра».

Жена вышла на крыльцо, выпустив за собой целый клуб морозного пара. Увидела его, бросилась по тропе и упала на грудь, обжигая лицо острыми колючками заиндеветшей бороды:

— Что ты, что ты, родной? Вставай, застудишься...

Подхватила лыжи, ружьё и повела-поволокла его в дом, большого и неуклюжего, в звенящей от ледяной корки одежде...

...Что-то неуловимо новое обнаружил он в жене после возвращения из тайги. Она всё время будто прислушивалась к чему-то, была сосредоточена и часто рассеянна. И ещё эти тряпочки... Она собирала по шкафам, стирала и гладила старые наволочки и простыни, разрезала их и складывала в стопочки. Стопочки лежали тут и там, и он никак не мог понять, для чего они ей. Ночью, когда они, задохнувшиеся и счастливые друг от друга, отдыхали и разговаривали в темноте лицом в лицо, он спросил про тряпочки. Она рассмеялась:

— А ты и не догадываешься, нет?

И обхватив его голову, прижала к животу.

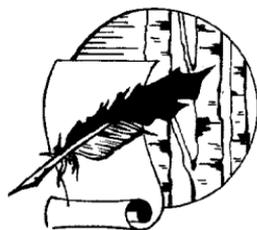
— Слышишь?

Он не услышал, а скорее почувствовал, как издалёка, из горячей глубины её тела кто-то тихонечко подаёт ему сигналы: тук-тук и потом через некоторое время снова: тук, тук-тук...

И она радостно зашептала прямо ему в ухо:

— Слышишь? Скоро они понадобятся, Митенька. Скоро...

И рассмеялась, и откинулась на подушку, весёлая и счастливая, словно девчонка.

Елена САПРЫКИНА

СИЯЕТ РУССКАЯ ЗИМА

* * *

Зима, как белый пароход,
По сонным улицам московским,
Преображённая, плывёт
И здесь, и там, над перекрёстком.

И здесь, и там, где Божий Храм
Весь мир объемлет куполами.
Где холодно материкам,
Свежо от русского цунами.

Ракетносцы — сны зимы —
Стальные искры высекают.
И европейские умы
Россию вновь не понимают.

Гирлянды белых фонарей
Вдоль улиц, празднично-воздушных...
Сияет порт пяти морей
Среди обидчиков тщедушных.

Сияет русская зима.
Она весь мир собой закрыла.
Легла игиловская тьма.
Но встала огненная сила.

* * *

Деревья — это молитвы,
Взмывающие в небеса.
Их ветви остры, как бритвы,
Пронзительны голоса.

Я слышу. Я вторю хору.
Деревья и я — одно.
Нам снежные шубы впору
И звёздное полотно.

Мы снова судьбой измяты.
Молитвы слетают с губ.
И старых небес заплаты
Надёжнее медных труб,

Надёжнее денег и славы
Дорожные бубенцы,
Небесные ледоставы
И облачные дворцы.

* * *

О, как не вглядываться вдаль,
Не удивляться Божьей воле!
Такая тонкая печаль
В том облаке и в этом поле.

Я не боялась слов твоих
И синих выюг в разгаре лета.
И нам хватало на двоих
Грозы и ветра, тьмы и света.

В том облаке плывут, плывут...
Уже готовы раствориться.
Кого они во мгле зовут —
Ещё живые, наши лица?

* * *

Кругом сирень — цветущий джаз.
Её глаза четырёхзначны,
Распахнуты, чуть-чуть прозрачны
И призрачны в рассветный час.

Слегка дотронуться рукой
До облачного лабиринта,
Где вспыхнет радостная квинта...
Войти, войти в её покой.

Найти единственный цветок,
Он — исключение из правил.

Пять белых нот цветов расправил,
Пять лепестков, как водосток.

Но где он? Где? Повсюду джаз,
Повсюду зонтики цветные,
И человечки заводные
Дрожат, как искорки из глаз.

И вот, под шапкой бытия,
В туманной белой колыбели
Я слышу — голос еле-еле
Доносится: «Бери меня».

И я тогда его найду,
И разгадаю в гуще джаза.
Рукой дрожащею три раза
Перекрещусь и отойду.

* * *

Звёзды — следы поцелуев,
Вспышки сверхновой любви.
Эру отсеяли злую —
Добрую эру зови.

Свет из космической зыбки
Пахнет грудным молоком.
Время играет на скрипке.
Время владеет смычком.

Дождь над Землёю случится
Или ночной звездопад...
Стонет ракета, как птица —
Ей не вернуться назад.

* * *

Ловлю я тень твоей звезды
И понимаю — не поймаю.
В ладонях капельки воды
Как две планеты, поднимаю.

И свет над кромкой облаков
Читаю, как дрожащий свиток.

И пятнышки материков
Плывут, как мраморные плиты.

Под панцирем течёт река...
А солнце — раскалённый шарик,
С душою чистого цветка
Земля — неоновый фонарик.

Так жадно смотрят на Восток
Все астронавты и поэты,
Но человек так одинок
Во чреве огненной ракеты.

* * *

Зовет родная Беларусь меня
Издалека.
Мой дом поблескивает брусьями,
Стоит века.

Здесь жили двести лет под вязами,
Там, где сады, —
Льняные люди долговязые —
Мои деды.

Они оставили, оставили
Земле дары.
Своей простой судьбой прославили
Ее бугры.

Стою смиренно у подножия
Холма времен.
Я знаю — есть в нём искра Божия
Родных имен.

* * *

Я разворачиваю свиток
За часом час, за днями дни.
Я жгу напрасные огни,
Живу душе своей в убыток.

А за окном опять весна,
Тонов пастельных фейерверки.

И, приближая время сверки,
Качается кораблик сна.

На нём незримая печать.
Он свеж, как лунная дорожка.
Прожить, пройти совсем немножко —
И можно заново начать.

* * *

Я ловко прячусь от дождя
Под крышей зонтика цветного.
А листья мокрые глядят —
Завидуют мне, до смешного...
Ах, что вы, листья! В тишине
Вы все забудете заботы...
А мне — топтаться в позднем сне
И ворошить свои пустоты.

* * *

Скачи, мой сон — пружинистый кузнечик,
Спеши туда, где сочная трава.
Там свеж, там изумруден летний вечер,
Но скоро вступит ночь в свои права.

Она взошла в сиреновом покое.
Щитом луны прикрыла наготу.
И облака, и лепестки левкоя,
Скользят и застывают на лету.

Холодный ум подсказывает сдаться.
Мой сон, лесной кузнечик, ускакал...
И мне в который раз не докричаться
До золотых, до лунных покрывал.

В ЮРЬЕВЦЕ

Цветы по полю разбежались —
Бери в ладонь.
Созвездья к берегу прижались —
А их — не тронь...
Тумана белые фигуры
В ремнях осок.

И сам обрыв янтарно-бурый,
Далёк, высок.
Восстали, как грибы под ливнем,
Особняки.
Заборы вереницей длинной
В черте реки.
Зрачков её затронут трепет
И влажность век,
Стихает ясноликий лепет
И юный бег.
Ах, скоро новые искусства
Увидим мы.
И новый день завяжет в узел
Тесьму сумы.

* * *

Идти — так в гору, а любить — так небо
В его живой янтарной глубине.
Из солнечной печи краюшка хлеба
Во все века останется в цене.

Вчера была девчонкою беспечной
С тугой косичкой, с бантиком смешным...
А завтра станешь странницею вечной
И в атмосферный превратишься дым.

Тогда найдёт, куда стопы направить
Из кокона земли твоя душа.
Живи пока, чтоб на земле оставить
Едва заметный след карандаша...

г. Москва

ЮРОДИВЫЕ СЕБЯ РАДИ

Год назад — летом 2015 г. — умерла Джуна Давиташвили, которую принято называть «целительницей». СМИ, сообщившие об утрате, так прямо и объявили: «умерла целительница Джуна». О том, кого она исцеляла, ходит множество красивых легенд. Среди ее пациентов называют Л.И. Брежнев, Марчелло Мастрояни, Джульетту Мазину, Андрея Тарковского, Федерико Феллини. Утверждалось, что о сеансах лечения Джуна не имела права рассказывать. Правда, ни один врач, лечивший, например, Л.И. Брежнев, не подтвердил встречу генсека с Джуной, а комендант брежневской дачи, куда якобы ночами возили Джуноу для сеансов бесконтактного массажа, заявил, что «никогда ее не было на даче. И близко ее не было. И в кабинете в Кремле, и на Старой площади в ЦК никогда ее не было».

Биография «целительницы» тоже овееяна многочисленными легендами и загадочна в том смысле, что представляет собой нагромождение какого-то наивного и безыскусного вранья. Настолько безыскусного, что остается загадкой, на кого это расчи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тано и с каким прицелом распространяется. Впрочем, интересна Джуна не в качестве объекта разоблачения. Точнее, интересна не столько Джуна, сколько восприятие Джуны, интересен феномен любви народа к личностям вроде известной «целительницы».

Есть такое явление на Руси — юродство Христа ради. Юродивые — это люди, отказывающиеся от мирских благ. Но, в отличие от обычных монахов, юродивые, ставя задачу побороть гордость, принимают вид безумных, дабы смиренно сносить насмешки. Юродство называют духовно-аскетическим подвигом, имея в виду, что это высшая форма аскезы. Именно по этой причине настоящим юродивым может быть только глубоко верующий, умный, психически здоровый и духовно развитый человек. Даже набор этих качеств говорит нам о том, что много юродивых не бывает. А учитывая, что далеко не каждый носитель означенных свойств готов отказаться от привычной жизни и притвориться безумным, следует заключить, что истинных юродивых можно перечесть по пальцам. Зато с юродством часто путают действительное безумие или лжеюродство, то есть когда человек чудит не с целью подавления гордыни, а ради привлечения к себе внимания. Что уж за этим стоит — тщеславие, корыстолюбие или что-то еще — это другой вопрос. Можно обозначить такое явление как юродство себя ради.

В народе юродивых очень любили и всячески привечали. Но этой любовью зачастую пользовались те, кто никакого отношения к святости и благочестию не имел. Юродивых считали особыми людьми, близкими к Богу, но порой достаточно было начать блажить или как угодно чудить, чтобы пригреться в каком-нибудь богатом купеческом доме или, как Иван Яковлевич Корейша, в каком-нибудь ином месте.

Иван Яковлевич, любимый всей Москвой прорицатель и целитель, проживал в сумасшедшем доме и принимал там толпы посетителей. По сей день многие уверены в его святости. А уж при жизни пророка о творимых им чудесах слагались легенды. Москвичи верили в пророческий дар Ивана Яковлевича и писали ему записки, на которые пророк отвечал так, например: «Вопрос: Женится ли Х.? Ответ: Без працы не бенды кололацы». Или так: «Вопрос: Не продадут ли деревню у А.? При ней ли останется? Ответ: Нет». И т.д. А.Н. Островский одной фразой характеризует отношение москвичей к пророку из желтого дома: «Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковлевичу, в сумасшедший дом, спрашиваться. А мы такое дело без всякого совета...»

Иван Яковлевич был известен и как целитель. Именно поэтому рубашку, в которой он умер, москвичи растащили на кусочки. Русский историк и публицист И.Г. Прыжов писал, что «еще при жизни Ивана Яковлевича, когда он лежал недвижим, а из-под него текло, служителям велено было насыпать пол песком. Этот-то песок, намоченный из-под Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и песочек от Ивана Яковлевича стал оказывать лечебную силу. Когда же умер он, то многие приходили издалека и покупали песочек у сторожей. Песочек стал истощаться, а цена ему возросла, и вот прозорливые сторожа носили песок со двора, мочили его уж из-под себя и продавали, но, несмотря на все это, сила в песочке оставалась та же самая».

В стихотворении «На похороны Ивана Яковлевича» Ф.Б. Миллер обратился к поклонникам усопшего: «...Но плачьте и о том, что просвещения свет / Еще не озарил понятий ваших диких!» Но вот наконец воссиял свет просвещения. И что же? В стране с обязательным средним образованием на исходе XX в. интеллигенция, озаренная этим самым светом с головы до пят, не хуже московских купчих помчалась за новыми лжеюродивыми.

Много уже писалось о том, что в кризисные времена происходит сдвиг в мировоззрении к суевериям. Атеистическое советское общество имело веру в свои высшие смыслы. Утрата этой веры вследствие разрушения идеологии и государства как таковых привела к тому, что вчерашние атеисты уверовали в астрологию, бесконтактный массаж и альтернативные науки. Но кроме того, в сравнении с концом 80-х — началом 90-х нынешние времена можно назвать кризисными лишь отчасти. Однако до сих пор у Джуны и ей подобных «целителей» находятся благоговейные поклонники. Отчего это по сей день народ как будто с новой силой упражняется в обрядоверии, влечется к богу Кузе, целителю Грабовому, объявившему себя «Иисусом Христом во Втором пришествии», пророчицам Дарьям, размещающим о себе объявления в газетах? Что это за диковинная страсть ко всякого рода выжигам?

Любовь к юродивым, а точнее, к лжеюродивым, описана в русской литературе. Юродивый представлен ярко и разнообразно: это и Фома Фомич Достоевского, и Феклуша Островского, и Аксиньюшка с Парамошей Салтыкова-Щедрина, и купринские ханжушки, и бунинская галерея юродивых, и многие, многие другие. Литература рисует образ этих людей и передает ожидания от них как исцеления телесного, так и вразумления духовного. «— Матушка, Аксинья Егоровна,

извольте меня разрешить», — просит градоначальник Грустилов у юродивой Аксиньюшки.

Но не так уж просто раз и навсегда объяснить эту любовь к плутам, эту потребность кланяться мошенникам. Потребность, о которой Бунин отзывался как о «бабской охоте ко пророкам лживым», свойственной русскому племени едва ли не искони. Сложно сказать определенно, что именно лежит в основании этой странной особенности. Ведь когда скучающая купчиха развлекает себя кудахтаньем лжеблаженной или слушает, затаив дыхание, рассказы о диковинных странах или предсказания грядущих бедствий, это можно понять и объяснить. Но когда за лжепророками устремляются носители просвещения, тут уже не обойдешься ссылкой на скуку и невежество.

И.Г. Прижов истолковывает эту склонность потребностью в благочестии «для спасения своего»: подаяние нищему — поступок богоугодный, поэтому ханжам было удобно иметь нищих рядом с собой. А юродивый — это и подавно пример духовного подвига: здесь и образчик смирения, здесь и обличительные поучения, и пророчества, и наставления. И все-таки в этой «охоте ко пророкам лживым» есть что-то неопределенное, какая-то гремучая смесь разных чувств и побуждений — жажда чуда, тоска по идеалу, потребность в благочестии, обычная скука, душевная лень, ханжество, любопытство, доверчивость — невозможно выделить что-то одно, объясняющее феномен в целом.

На сегодняшний день эта национальная черта сохранилась как в первоначальном, так и в искаженном виде. С одной стороны, действительно появились ревнители благочестия, для которых важны и нужны соответствующие примеры. С другой стороны, самые разные явления имеют свойство перерождаться, утрачивая первоначальный свой смысл и сохраняясь в качестве традиции. Как, например, рукопожатие, значившее когда-то демонстрацию миролюбия: вот рука, в которой нет оружия. Точно так же могла исчезнуть нужда в нищих, но остались при этом интерес и пристрастие ко всякого рода чудакам и выскочкам.

Домострой в XVI в. учил: «И нищих, и маломощных, и бедных, и скорбных, и странников приглашай в дом свой, и как можешь, накорми, напои, и согрей, и милостыню подай от праведных своих трудов...» При Петре I началась государственная борьба с нищенствующей и юродствующей братией. Но, видно, заветы Домостроя укоренились в народе так крепко, что нищих и юродивых любили и привечали по-прежнему.

Однако при чем же тут Джуна? Конечно, она не была ни маломошной, ни скорбной. Она относилась к разряду странных людей во всех смыслах этого слова: неизвестно откуда появившаяся, изъяснявшаяся загадками, исцелявшаяся наложением рук... Помимо нагромождения биографической лжи (например, о распределении в Грузию после окончания ростовского техникума или о народном мединституте, где она училась на вечернем отделении и где красный диплом получила за бесконтактную операцию на госэкзамене), о Джуне известно следующее: она царица ассирийского народа, профессор, президент Международной академии альтернативных наук, почетный академик ста двадцати девяти академий мира, Герой Социалистического Труда СССР, кавалер ордена Дружбы Народов, обладатель именной медали «За отвагу», член ряда творческих союзов, глава Регентского Совета Российского Дворянства, заместитель Верховного атамана Союза казачьих войск России и Зарубежья, член Политического консультативного совета при президенте РФ, кавалер ордена «Женщина мира и справедливости, соединяющая Дух человечества», кавалер ордена Международного Союза Орден, генерал-полковник медицинской службы и прочее, прочее, прочее. Словом, без малого «трижды герой мира». Казалось бы, только этого перечня должно было хватить, чтобы добродушно посмеяться и забыть. Но нет, куда там! Современные и довольно многочисленные поклонники Джуны не сомневаются, что Джуна лечила Брежнева и Марчелло Мастрояни, и уверены: «Джуна как Солнце — далекое, неизведанное, яркое, взрывное, бурлящее. Кого-то ласкает и согревает, кого-то испепеляет, а даруя свет, сама сгорает изнутри. Она спустилась к нам с небесных сфер или материализовалась из первозданной вселенской гармонии».

Сегодня издается немало православной литературы, в том числе интересные и нужные книги. Но попадают и довольно странные издания, прославляющие, например, лжеюрродство и агитирующие за Ивана Яковлевича. Только как авторы этих изданий собираются объяснить людям разницу между Иваном Яковлевичем, Семеном Митричем, Матюшей, Кирюшей и Джуной, которой, по ее собственным словам, папа римский подарил лучевую кость Иисуса Христа, — непонятно.

Джуна — это такая же лжеюрродивая, как Иван Яковлевич или Феклуша. Лжеюрродивая или юродивая себя ради, которой русский народ, в силу своих особенностей, поверил и которую полюбил. Ее появление пришлось на смутное время 80-х гг. XX в., время кризиса, переоценок, утраты высшего

смысла и веры в собственные ценности, метаний и деградации. Но неугасающая любовь к ней — того же свойства, что и любовь купчих, чающих благочестия, к Ивану Яковлевичу.

Повторимся: дело не в Джуне — лжепророков и лжеюродивых и без Джуны не счесть. На каждом шагу предлагаются чудесные исцеления, привороты и отвороты, новые культы и предсказания судьбы. Более того, лжепророки — это совершенно не обязательно лжецелители. Сколько вокруг людей, выдающих себя не за тех, кем являются на самом деле.

Предложения, как известно, не бывают без спроса. А значит, людям нужны Иваны Яковлевичи и Джуны. Люди хотят быть обманутыми, а потому снова и снова, с упорством, достойным лучшего применения, наступают на одни и те же грабли. Как только исчезли запреты и цензура, граждане, словно голодные, кинулись в мракобесие как в родную свою стихию, где чудо, тайна и авторитет затмевают глаза всем без исключения. И не нужно считать, что мракобесие — понятие околорелигиозное. Мракобес — это попросту дремучий или темный человек, буквально — помешанный на своей темноте, не желающий с ней расставаться. Это тот, кому удобнее быть обманутым, кому проще не рассуждать, кто не хочет замечать вопиющие противоречия и откровенную ложь. А потому Джуны никогда не переведутся, как не переведутся лжеоппозиционеры и лжепатриоты, лжеартисты и лжеписатели. Едва ли можно утверждать, что все это свойственно только нашему времени. Видоизменилась форма, но суть остается прежней. Когда Ф.Б. Миллер сокрушался о современных ему «понятиях диких», он, вероятно, никак не предполагал, что образованная публика XXI в. обнаружит те же «дикие понятия», что и соотечественники середины XIX в. Поистине: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем». Жаль только, что у людей память короткая.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

От автора

У Льва Толстого на старости лет было желание не выдумывать сюжеты, а писать о самом значительном в жизни, не заботясь о форме, о литературной стороне. Свои сюжеты я писал в разные годы и беспорядочно. В тетрадках были дневниковые записи, краткие заметки о командировках, штрихи к характерам, забавные истории, строки о поразивших меня поступках и т.д. Готовя материал к печати, я не думал о форме, о литературе. Подсознательно на первое место вышли нравственная сторона и максимальная краткость при полной ясности мысли. Это пришло с опытом, жизненным и литературным.

Форма не нова, но очень своеобразна у каждого автора. Чем оригинальнее человек, тем выразительнее и ярче форма. Я живу любопытно и подробно. Все написанное — о главном в моей жизни. Новые сюжеты приходят ко мне из запахов, звуков, ночного шепота и дыхания дня. «Приступаю ко дню», — говорили в старину, радуясь жизни. Нечто подобное говорю и я, встречая каждое утро.

ПРОЗА

Ближе к маю начинают петь соловьи.

Эта серая, величиной с палец птаха удивительно постоянна. Каждый год, как по расписанию, соловьи прилетают к человеческому жилью. Обживают в терновнике, в кустах черемухи, в тальнике у воды, в городских парках.

Среди зеленой свежести и терпких ароматов нежной клейкой листвы, в теплом парном воздухе, как только сядет солнце, чисто и высоко пробует голос соловей. «Пуль-пуль-пуль-пуль...» — серебряным колокольцем резко и сильно разносится окрест мягкий чарующий свист.

В детстве довелось увидеть соловушку на расстоянии вытянутой руки. На заре, на рассвете мы с отцом пробирались через заросли орешника к пруду на рыбалку. Кругом иступленно и самозабвенно неистовствовали соловьи. Вдруг отец остановился и подал знак молчать. Минуту-другую стояли, не шевелясь. Прямо пред нами, в полуметре, трепетала маленькая серая птаха. Она распахнула дрожащие крылья, нервно дергала головкой, пощелкивала клювом и сверлила тишину: фью-ить... фьюи... фью... Тии-вить... тии-вить... Тррррр...

Тургенев в очерке «О соловьях» говорит о десяти коленах, которые предварительно берет соловей. Но это редкие курские виртуозы, они не сбиваются ни в одной ноте. У наших, донских, я насчитывал пять-шесть колен. Они легко различаются, если внимательно слушать.

Пульканье — пуль, пуль, пуль; клыканье — клы, клы, клы, клы; дробь — звук, как дробь по земле просыпать; раскат — тррррр...; пленканье — плень, плень, плень; дудка — го-го-го... ту!

...В самозабвении соловушка не замечал, не слышал людей, он весь был во власти пения. Рука невольно потянулась к птахе, но отец остановил. Через минуту соловушка умолк, вспорхнул невесомо и исчез в кустах.

Больше никогда не доводилось видеть так близко поющего соловья. Это одно из самых сильных моих впечатлений.

В наши дни, слава Богу, соловьи еще доступны и селянину, и горожанину. Если вам грустно, если растревожена душа или гнетет усталость — встаньте пораньше, на заре. В городском парке, в зарослях тальника, у речки или в кустах сирени вы обязательно найдете своего соловья. Послушайте, подумайте, почувствуйте.

Многое напомнит вам поющая серая птаха. И детство, и родные звуки, и запахи, и первую любовь, и лучшие порывы души.

Вся жизнь далеким эхом откликнется в соловьиной песне.
Послушайте соловушку.

Ландыши

Утренние мокрые от росы кусты еще полны ночных звуков. В трех шагах от меня вдруг чистой и сильной трелью заставляет вздрогнуть от неожиданности соловей. Едва уловимые шорохи в траве, всплески играющей рыбы в лесном озерце, зуд комаров отвлекают от главного, зачем я пришел в такую рань с удочками. Сырой, отстоявшийся в низине за ночь дух мощной молодой зелени пропитал, кажется, все складки одежды.

Но вот ноздри улавливают едва слышный, но единственный в своем роде тончайший кисловатый запах. Оставляю удочки и иду наугад. Запах сильнее, резче, ближе... будто вьется из травы невидимая струйка. Вот он! Два широких с прожилками листа, как в ладонях, держат хрупкий тонкий стебелек с белыми горошинами. Свежий кисловатый аромат остается на руках...

Нюхаю, закрыв глаза, и немею от сладкой истомы, — нет на земле такого запаха и нет слов, чтобы объяснить его. И, околдованный, иду дальше. Про рыбалку забыл, забыл, что на пруду меня ждут.

Только через два часа, продираясь сквозь заросли ежевики, насилу вышел из лесу, мокрый от росы, искусанный комарами, с букетом ландышей.

Теперь уж не до рыбалки!

Ровесник

Весной, в день, когда я появился на свет, отец принес из лесу несколько саженцев. Среди нежных синеватых ясеней затерялся маленький слабый стебелек с тремя дубовыми листками. Ясени отец прикопал в холодке за сараем, а стебелек дуба решил посадить сразу. Выбрал место на меже возле колодца, бросил в лунку горсть перегноя, вылил кружку воды, расправил бледные листики...

С тех пор прошло много лет. Давно уже я не живу на родине. Лишь изредка вспоминаю тихое село с маленькой речкой Серебрянкой, ребятишек, которые разъехались теперь по всему свету, сельскую школу возле старой белой церквушки да своего ровесника на меже возле колодца.

Умер отец. Что-то изменилось во мне. Часами думал о родине, о детстве. Дуб, посаженный отцом, не давал мне

покая. Он что-то оставил, сохранил мне от отца. Я собрался в дорогу.

...В родном доме жили теперь новые хозяева, молодожены, из тех коренных, которые обживают усадьбу раз навсегда, до старости. Они пристроили вместо старенького крылечка длинную веранду, перекрыли шифером крышу. Вместо плетней белели теперь низкие дощатые заборчики. Остальное все по-прежнему: густые вишни, вербы вдоль межи до самого луга, колодец с покосившимся низким срубом. За колодцем широкими кронами шелестели на ветру несколько ясеней — те, наверно, что когда-то принес из лесу отец. Ясени уже вошли в пору зрелости. Ни одной сухой веточки не было на деревьях, а стволы — гладкие, толстые — крепко сидели в поросшем высоким пыреем черноземе.

Дубок на меже не бросался в глаза. Против ясеней он казался подростком. Но уже угадывалась скрытая сила в тугих и гибких ветвях, в темно-зеленой глянцево-листве, ровной и свежей, как огурец, коре. Невысокий, в два человеческих роста, молодой дубок прямо тянулся к солнцу и готовился под своей кроной укрыть и колодец, и близлежащие кусты вишняка, и два больших ясеня, подступивших к самой меже...

Я позавидовал упрямой жадности этого крепкого зеленого красавца, запустившего свои сильные корни в вековую толщу чернозема и медленно, но уверенно разраставшегося вширь и ввысь.

И уже не так одиноко мне показалось на родной усадьбе, и явственнее почувствовал я связь с человеком, чья рука дала жизнь этому дереву.

Пахнет дубом

В старом саду на черных корявых кустах терна закружились кипенно-белые лепестки. «Пора кукурузу сеять», — говорят в деревне.

Каждый старается сломать цветущую веточку, поглубже вдохнуть знакомый родной запах. Сладок он, долгожданный, первый...

Потом из почек ползут мягкие листики, и тогда запахнет, повеет отовсюду свежесть весны. Зацветет смородина, вишня, яблоня... Теперь не успеешь следить за всем, да и не нужно следить, дыши, знай, этим вольным, чистым воздухом.

Пройдет еще немного времени, и люди привыкнут к весне, к запахам.

Но вдруг в комнату вбежит раскрасневшийся сын:

— Папа, я в лесу был. Как пахнет дубом!

Подивившись чутью малыша, задумаешься на минуту. ...Стало быть, своя весна у каждого дерева... За первым цветом мы не замечаем второй и третий, в аромате букета не слышим дыхания отдельного лепестка.

Солнце играет

Часто ли мы встречаем солнце на рассвете?

Каждый из нас, особенно горожанин, признается со вздохом: нечасто.

Накануне Вербного воскресенья мне сказали: в этот день раз в году на рассвете солнце играет. Решил посмотреть и встал пораньше.

Только-только стало рассветать. На западе еще всюю светила ущербная луна, ветер был свеж и упруг, небо, как темная эмаль, — чисто и глубоко. Редкие окна зажглись в квартирах, город спал.

С холма, куда я забрался, было видно далёко — за деревья, многоэтажки, заводские трубы, до самого горизонта.

...Словно бледной розовой акварелью тронули край неба. И с этого мгновенья уже нельзя было оторвать глаз от горизонта. Он ширился, алел и точно шевелился. Легкая, едва заметная прозрачная пелена облаков слоилась, обозначая всё новые и новые краски. Розовая акварель вспыхнула огнисто и мягко оттенила чуть ли не полнеба. По нему пошли длинные золотистые полосы, рассасывая, смягчая почти багровую тяжесть.

От золотых хвостов, как от тлеющего на костре бревна, порхали зеленоватые, голубые, сиреневые, фиолетовые сполохи. Невидимое пока солнце подсвечивало снизу, играло, торжественно являло нам день Божий.

Чудо длилось несколько минут.

Показался медный краешек светила. Сполохи стушевались, краски выровнялись, длинные розовые тени легли на белые стены домов. Гулко и далеко отдавался дробный перестук электрички. Спohватившись, срывающимся фальцетом оранул одинокий городской петух. День начался...

Человек должен встречать солнце. Кажется, это так естественно. Но мы, зрячие, не видим чуда, не хотим. По солнцу человек затоскует только в больнице или в тюрьме.

На заре мы крепко спим или, если бодрствуем, недосут поднять голову, посмотреть, полюбоваться красками, задуматься хотя бы на минуту. Одна эта минута просветлит душу, украсит день.

Меньший брат

Я строил дачный домик на участке и неделю безвыездно работал и жил в палатке. Все время со мной был соседский рыжий красавец-кот, которого я приманил городской колбасой. Завтракали, обедали и ужинали вместе, остальное время занимались каждый своим.

Кончились колбаса, курица. Я перешел на сало и пакетные супы. Кот слегка принюхивался к новой еде и воротил морду. Потом и вовсе перестал приходить к обеду. Я видел, как он мышковал в старой траве.

Как-то, проснувшись, увидел возле подушки трех придушенных мышат. Кот сидел рядом и лениво умывался. Я точно подарок дорогой получил. Взял kota на руки, потрепал за холку. Меньший брат мой, у тебя есть чувство благодарности! Осознанное чувство, а не рефлексы.

Глаза собачьи

Недавно стал свидетелем такой сцены. Возле дома тракториста Ивана Григорьевича, прямо у калитки, облюбовала место чужая собака. Крупный породистый пес, смахивающий на немецкую овчарку: черная с глянцем шерсть, желтые подпалины на щеках и подбрюшье, большие острые уши и умные спокойные глаза.

Иван Григорьевич взял палку и хотел отогнать. Пес глухо рычал и клонил голову, как бы винясь, к земле. И не уходил.

Сосед выглянул через забор.

— Откуда он взялся, чертяка?

— А хрен его знает. Приблуда. Гоню — рычит. А ну как — бешеный?

— Не похоже. Интересно, какой породы? Овчарка вроде. Взял бы себе.

— Своего кормить нечем.

Иван Григорьевич опять замахнулся палкой, пес не шелохнулся, только шкура, как от холода, мелко дрожала.

— Да... — посочувствовал сосед. — Ему жратвы много надо. А ты его из ружья, шапка богатая будет.

К разговору соседей внимательно прислушивался шестилетний внук Ивана Григорьевича. Когда сказали про ружье, мальчик подбежал к собаке, обнял ее за шею и умоляюще обратился к деду:

— Дедушка, посмотри на глаза, она ведь плачет.

Действительно, из прикрытых глаз скатывались по щекам крупные слезинки. Пес благодарно уткнулся мальчику в колени. И не переставал дрожать.

Через день стало известно: за хутором разбились «Жигули», погиб водитель, хозяин собаки.

А пес так и прижился у Ивана Григорьевича. Внук назвал его Сирота.

Озарило

В конезавод приехала симпатичная москвичка из журнала «Коневодство». Девушка лет двадцати, знавшая о лошадях только по книжкам и кинофильмам.

Дело было в мае, цвела целинная степь, косяки лошадей мирно паслись под бдительным оком вожakov-жеребцов.

Девушке показали конюшни, манеж, познакомили с конюхами. Москвичка ходила с блокнотом за рыжим ветеринаром и стреляла, как ей казалось, крутыми вопросами.

— А почему репы в хвостах? Почему гривы не подстрижены?

Конюхи ржали. Ветврач терпеливо объяснял.

— А почему у вас шевелюра рыжая, а усы — черные? Молодой ветврач краснел и неловко отшучивался. А когда девушка спросила: «Скажите, в чем разница между меринком и жеребцом?» — рыжий крякнул, как селезень, и решительно сказал:

— Поедемте, посмотрим.

На дальней точке у конюшни сели на скамейку. К ветврачу подошли два конюха, что-то уточнили.

— Выводите.

Кобылу под уздцы вывела женщина. Через минуту двое конюхов на растяхках вывели жеребца. Высокая, с золотым отливом, с тонкими сухими ногами кобыла была спокойна. Огнистый красавец с перекатывающимися под кожей связками мышц долго танцевал и, как оперный певец, поставленным голосом ржал в поднебесье на самых высоких нотах. Лиловые глаза были полны страсти и нетерпения.

Жеребец изящно обнюхал кобылу, ласково погрыз ей шею, пошептал что-то на ухо. И внезапно вся громада его тела взвилась свечой, скульптурно зависла на секунду и покрыла кобылу.

Рыжий взглянул на журналистку. Лицо ее, белое, как мел, сникло, глаза закатились, голова безжизненно ткнулась в колени. Бегом принесли воды. Побрызгали в лицо, девушка открыла глаза.

Весь день она ни на шаг не отходила от ветврача. Они подружились. В конезаводе москвичка прожила недели две. А статью написала замечательную. Словно озарение нашло.

В каждом хуторе или станице на Дону есть свой дед Щукарь или своеобразный барон Мюнхгаузен местного значения.

Несколько лет назад в хуторе Рогожкине я познакомился с дедушкой Ко-ко-ко. Он не обижается на кличку, так и сам себя величает, хотя зовут его Иван Федорович.

Дед живет один в большом обветшалом доме. Огромный двор с разнокалиберными сараями, клетушками, навесами завален хламом: истлевшие лодки, колеса от бричек и мотоциклов, остовы моторов довоенных марок, рамы от велосипедов, сгнившие стиральные машины, корыта, ведра и т.д.

Ко-ко-ко — мастерской человек, в хуторе он заменяет дом быта: клепает, паяет, шьет, ремонтирует быттехнику, мотоциклы, мопеды, велосипеды, клеет, плотничает, лечит травами.

И еще дед — великолепный рассказчик. На каждый случай жизни у него три короба самых невероятных примеров и «хвактов». Конечно, далеко не всё правда, но дедушку Ко-ко-ко это не смущает, ему нравится сам процесс, он выдумывает истории, как блины печет, и его медом не корми, дай только благодарного слушателя. Тогда для него праздник. Как азартный игрок, как завязанный картежник, он завладевает жертвой и рассказывает до умопомрачения.

Однажды в роли слушателя оказался и я. Вечер был незабываемый. Приведу лишь одну историю.

«Слухай, сынок, я тебе про белугу расскажу... Наши хуторские браконьеры — хйба ж то рыбаки? Мелкота! Знают только сетки. Чебаков да сулы любой дурак наловит, когда рыба на нерест идет. По-крупному они слабаки.

У меня, у одного в хуторе, акваланг был. И баллончики с гелием. Так я в Дону все ямы знал не хуже, чем комнаты у своей хате. Опускаюсь на дно и гуляю себе, как по парку. Сазанов и сомов по имени-отчеству знал. Нужно, допустим, сома на центнер поймать, я к нему прямо на квартиру: звиняйте, кажу, дядько, ходимте до мэне у хату. Вот так, сынок, рыбачил.

А белугу... Увидел я, значит, как она стала в самой глубокой яме, под опечком. И захотелось, мочи нет, поймать гостью морскую. Дома составил стратегию, снаряжение, амуницию обдумал. Взял, значит, шнур капроновый метров на сто, камеру от мяча футбольного, сел на кайку и погреб до ямы. Надел акваланг — и на дно. Обгляделся, вода чистая, все видно. Стоит моя красавица, корова холмогорская, с полтонны весом, не меньше. Вроде как спит, только жабры, как

кузнечные мехи, работают. Погладил ее по бокам, почесал под пузом — нравится, глаза закрыла от удовольствия. А я ее ласкаю, как буренку, да приговариваю: «Маша, Маша, умица, стой еще минуточку, не брыкайся, милушка». Подобрался к жабрам поближе, снял с пояса шнур и жду момент. Только жабры открылись, я быстренько сунул шнур через жабры в пасть, подхватил конец и петлю морским узлом схватил. Посадил, голубушку, на кукан. Теперь, значит, надо быстро всплыть и вязать к кайке. Камеру от футбола я для чего брал? Э-э! Пустил гелий из баллончика, камеру в секунду надул, и я уже наверху. Прихватил шнур к кайке, запрѐг красавицу. Снял, значит, акваланг и сижу, жду. Слышу, забеспокоилась, зашевелилась, потом как рванет — и понесла, матушка, как на водных лыжах. Катаюсь таким манером по середине Дона, аж ветер в ушах свистит, а на берегу рыбаки пригляделись: что это он чудит, какой такой мотор к кайке приладил? А я ору изо всех сил: помогите ж человеку, лоботрясы чертовы, лентяюги проклятые!

Завели катер, взяли на буксир, потихоньку причалили. Весь хутор сбегался поглядеть на улов. Так-то, сынок... А белугу сдал в столовую, по два сорок за килограмм, теми еще, хрущевскими. А гелием тогда я легкие посадил, сейчас астмой мучаюсь».

Слушая деда, я невольно вспомнил слова Андрея Разметнова о Шукаре, сильно затосковавшем после смерти Давыдова и Нагульнова: «Видать, скоро подомрет старик. Ей-богу, наделает он нам горя! Привыкли к нему, старому чудаку, и без него вроде пустое место в хуторе останется».

Осиротеет и хутор Рогожкин без дедушки Ко-ко-ко.

Паша-Черчилль

Кличка прилипла к нему смолоду. Оратор, спорщик, разносчик слухов и новостей в хуторе Веселом, молодой пенсионер Паша-Черчилль. В глубоких резиновых калошах, армейские штаны заправлены в шерстяные носки и неизменно, зимой и летом, каракулевая фуражка-аэродром. В кармане газета. Важен и строг.

Каждый вечер он крутит ручку старого транзистора, жадно слушает Вашингтон, Лондон, Париж, Иерусалим. А утром в магазине объявляет торжественно бабкам:

— Папа римский на Кубу собрался!

Бабкам тоже охота поговорить.

— За что же его туда? Ай нагрешил?

— Дуры! С визитом, к Фиделю!

— Не сердчай, Паша, мы неграмотные. Хоть к Фиделю, хоть к Куделю...

— Н-ну, н-народ!

Паша сплевывает с ожесточением и лениво ковыляет домой с булкой хлеба под мышкой. Навстречу хуторские ребята из школы. Гомонят, хохочут, дерутся портфелями. Краснощекие, растрепанные и счастливые. Паша грозно прищурился, топнул калошей.

— Кто тут старший?

Ребята смолкли, недоуменно переглянулись.

— А вот! — со смехом вытолкнули вперед самого маленького, первоклашку.

Малец испуганно смотрел на Пашу.

— В каком году состоялась Великая Октябрьская социалистическая революция? — строго спросил Паша.

Мальш растерянно заморгал глазенками и, недолго думая, дернул наутек. Ребята заулюлюкали, засвистели.

— Вот так вас и учат в школе! — каменно заключил Паша.

Возле колхозного гаража кучкуются шофера. От нечего делать курят, травят анекдоты, ржут, как жеребцы. Завидев Пашу, подзывают поближе.

— Ты зарегистрировался у председателя? — тихо, почти шепотом спрашивает кудрявый крепыш, водитель шефа.

— А чево? — настораживается Паша, предчувствуя какую-то пакость.

— Указ Ельцина слышал? Утром передали.

— А мне что... Он каждый день их пишет.

— Это тебя касается. Пенсию теперь с семидесяти лет платить будут...

— Ловко! — взвился Паша. — Что ж мне еще десять лет вкалывать?

— Теперь можно и не работать...

— А жить на что?! Сам послухаю.

Паша рванул чуть не рысью. А вслед дружный хохот. Как кипятком ошпарило.

— Дармоеды! Колхоз растащили! Ну, погодите!

Паша долго не мог отдышаться. Зашел к соседу-дачнику, профессору из Ростова. Присел на скамейку, глядя, как профессор обрезает виноград.

— Дожились! Все с говном смешали!

Профессор положил секатор на стол, сел рядом.

— Что случилось, Паша?

— Сталина надо!

Сосед покашлял вежливо.

— Опять лагеря?

— А куда ж денешься? Порядка нету!
— Ну вот с тебя и начнут. Согласен?
— А меня за что?
— За анекдот по пятнадцать лет давали. Ты что, анекдотов не рассказываешь?
Подумал, побряхтел растерянно.
— Кгм... Оно, конечно... Тьфу!
Помолчав, Паша, как всегда неожиданно и ехидно, спросил:
— Что такое, допустим, тагун*?
Профессор виновато поправил очки, пожал плечами. Паша встал с достоинством и, шлепая калошами, прошествовал в свою калитку.
— Вот тебе и наука! Профессор кислых шей.
Паша обрел душевное равновесие.

В засидках

Петрович задумчиво сидел у окна и глядел, как падает снег — густой, теплый, мягкий. В душе рождалось предчувствие праздника. Снег пахнул грозой, озоном, щекотал нервы, волновал. Петрович даже заскулил слегка. Повинуясь инстинктам, он достал рюкзак, двустволку, собрал тормозок.

В коридоре затопала сапогами Настя, жена. По должности — завплемфермой, она была старшей в хуторе, атаманшей. Ее и прозвали так.

— На охоту, соколик? — ласково спросила жена, стряхивая с челки и ресниц мокрый снег.

— Ага, в засидки.

— Давненько зайчатинки не кушали... И я с тобой, ненаглядный мой.

Петрович тупо смотрел в пол, чувствуя, как тает, уходит по коленкам вниз ощущение праздника.

— Аль не рад? Вдвоем веселее.

— Отлепись, Настя, — вяло просил Петрович. — У тебя работа, ферма.

— А мне надоели бугаи.

— Пусти, Настя!

— Какие вы сердитые, Петрович. Не берете, значит, меня в засидки?

И пошло-поехало.

* Тагун — внутренняя вертикальная перегородка, ребро в деревянной лодке.

Этот разговор повторялся каждый раз, когда Петрович собирался на охоту. Что за страсть у бабы — испортить настроение, облить на пороге!

— Приковать бы тебя на цепь к бугаям, треклятого! — беззлобно сказала Настя, провожая Петровича на крыльце. — Чтоб утром как штык — вся работа стоит, а гостей назвали...

Петрович облюбовал место сразу за хутором в длинной свежей скирде. Теплая ячменная солома пахла августом, хлебными дрожжами. Где-то в глубине попискивали и шуршали мыши. Петрович разгреб ямку и угнездился поудобнее, выставил как на бруствер ружье.

Ближе к ночи снег перестал, взошла луна. Мороз заметно набирал силу. Но в скирде было тепло. В хуторе гоготали гуси, лаяли собаки, визжала застрявшая в сугробе машина.

Петрович развязал рюкзак, достал сало, яйца, лук, водку. Хорошо посидеть одному в теплой скирде! Мысли накатывают, былое вспоминается. Волна блаженства охватила Петровича. Он думал о Новом годе, о жене, о том, как хорошо жить на свете. Выпил еще и еще, мысленно провожая старый год. Заснул под утро, хмельной и счастливый.

Проснулся Петрович... Нет, он не поверил собственным глазам. Зажмурился, боясь пошевелиться, охнул от боли в затылке. Прямо перед ним шумно дышали, роняли слюну, гребли копытами бугаи. Петрович лежал на соломе в коровнике в агрессивном окружении толстолобых породистых производителей. Кованые цепи и медные кольца в ноздрях сдерживали могучих быков. Возбужденные налитые кровью глаза глядели на Петровича, как на козьяку.

Петрович хотел позвать на помощь и закашлялся. Пересохло во рту, в горле. Вокруг ни души. Только с хутора доносились ребячьи голоса. «Жена... — ужаснулся Петрович, — грозились к бугаям запереть».

Голова горела с похмелья, затекли ноги. Он перевернулся на другой бок, лег калачиком. Быки сторожили каждое движение, свирепо мотали головами, ревели.

Подкралась новогодняя ночь, муки Петровича продолжались. При тусклом свете маленькой лампочки он молил Бога, чтобы явился кто-нибудь.

Атаманша подняла на ноги хутор. Мужики обшарили лесополосы, скирды, овраги. И только к полуночи заглянули на ферму.

— Вот он где прячется!!!

Атаманша ревела белугой и норовила побольнее ухватить Петровича за нос, за ухо...

А случилось просто. Поутру опохмелившиеся скотники поехали на стогомёте за соломой. Подцепили верх скирды, на которой крепко спал Петрович. И свалили солому вместе с охотником в проходе коровника.

Пожелание Атаманши роковым образом сбылось.

Казак

Старый бухгалтер с Верхнего Дона Андрей Андреевич — рябой и немного хромает. На большом холёном лице хитрые разбойничьи глаза. Походка, как у кота: то валяжная, то воровская. Перед каждой новой молодой делает стойку: «Кто такая? Почему не знаю?» И смотрит завораживающим взглядом василиска. Не пропускает ни молодых, ни старых. В командировках в нужный момент удивительно легко подкрадывается к женскому полу. По дальним и ближним хуторам у него почти везде внебрачные дети — андреевская бухгалтерия.

Жена Марфа, согнутая застарелыми женскими болезнями, давно махнула рукой на «рябого черта». Собирая тормозок в командировку, обязательно кладет конфеты.

— Нахаленков-то (незаконнорожденных) своих проведай, угости.

— А как же, мать, — в тон ей поддакивает бухгалтер. — Дети есть дети...

— Кастрировать бы тебя, старого кобеля, — беззлобно говорит Марфа. — И как тебя бабы подпускают такого. Кирзовый сапог, а не морда. И небритый.

Бухгалтер тает от удовольствия, глазки масляно блестят, начинает, как кот, ходить взад-вперед, нарочно сильнее припадая на ногу и выгибая спину. И тут, дома, перед женой, работает проклятый кошачий инстинкт. Андрей Андреевич молодецки расправляет плечи, косит глазами и наивно вопрошает:

— Дык скажи мне, Марфушка, каким должен быть настоящий казак? — И внушительно отвечает, загибая короткие пальцы на рыжей руке: — Настоящий казак должен быть немножко рябой, немножко хромой, немножко небритый и немножко хмельной. Так? Так! Плесни на дорожку сто грамм.

И норовит ушипнуть жену за худой зад. Та заливается подевичьи и проворно идет за бутылкой. Любовь...

Закоренелый холостяк фермер Митрофан Кочетков регулярно появлялся у меня в Ростове на собственном КамАЗе аккурат перед Новым годом.

В шелковом костюме, в белой рубашке и при галстукке. Невысок ростом, неказист, а усы роскошные, каштановые, выющиеся на концах. Кочеток, одним словом.

Открывая передо мной дипломат с нераспечатанными пачками денег, Митрофан важничал:

— Едем в кабак!

Отказать нельзя, обидится смертельно. В ресторане, захмелев, Кочеток начинал куражиться.

— Красавица! — шелкал пальцами официантке. — Букет роз и ящик шампанского!

На стол летели пачки денег. Засохшие розы, торопливо собранные официанткой на столиках, Митрофан вручал той же официантке, а шампанское отсылал на соседние столики.

— Люблю шампаньске, — важно вздыхал он. — Оно мэни напоминае запах лугов, цветенье трав... и жужжанье бчел.

Остановить кураж было невозможно.

— Маэстро, музычку!

Слушая «Очи черные» или «Чубчик кучерявый», он плакал до самого закрытия ресторана.

Наутро Кочеток кряхтел, кашлял и молча исчезал опохмеляться в какую-нибудь забегаловку.

Домой «отдохнувший» Кочеток возвращался покаянный и молчаливый, с пустым дипломатом — в борозду на целый год.

Нынче на Новый год Кочетков не явился, как сгинул.

Случилась оказия, и я — в гостях у Митрофана.

Открыла дверь крупная большеглазая красавица с годовалым малышом на руках.

— Вам кого?

— Митрофана... я, наверное, ошибся?

Красавица крикнула через плечо:

— Кочеток!

Из-за ее спины высунулся смущенный Митрофан.

— Пропал казак...

— Казак! — засмеялась красавица. — Угощай гостя.

За столом жена рассказывала, а Митрофан молчал, глядя на нее тихими глазами.

— Чем взял Кочеток? Сама не пойму... Наглостью, наверное. Незнакомый парень топал за мной с трамвайной остановки до дома, как вор по базару. У подъезда брякнул: хочу

на тебе жениться. Иди, prospись, говорю. Утром выхожу на работу — он стоит, инеем взялся, от холода посинел весь. Еле выговаривает: «Выходи за меня». — «Может, ты из психушки сбежал?» — «Нет, я — хороший человек». — «Если хороший, должен понять: у меня жених, свадьба скоро». — «Нет, теперь я твой жених. Если не согласишься — замерзну под окнами. Записку напишу: погиб, потому что отказала. Хочешь, чтоб погиб хороший человек?» В общем, сказка про белого бычка. Подогнал КамАЗ под самые окна и живет в нем. День, другой, третий... Что с ним делать?

«За что же, — говорю, — ты полюбил меня?».

«У тебя глаза, как у коровы». «И сама я, наверное, тоже?» — «Нет, только глаза. Такие красивые бывают только у коровы». Познакомились, наконец. Пригляделась к нему поближе. И... что-то стронулось. Добрый, таких добрых еще не видела. «Ну, Митрофан, — говорю, — давай подождем год, может, передумаешь».

«Давай, только я в КамАЗе буду ждать».

И ждал бы, дурак! В общем, через неделю поехали к нему на хутор вместе...

Выпили за жену, за сына.

— Слушай, — сказал Митрофан, вздыхая, — я вот говорю, глаза, как у коровы, а она обижается...

— Напрасно. Еще в Библии сказано про волооких красавиц.

— Бывает, значит?

— Бывает!

Любка

Живет она в богатом казачьем хуторе на Дону.

Высокая, тонкая в талии, как кавказский кувшин, босая, с розовыми икрами и по-девичьи длинной, в завитушках косой, она по утрам копается возле дома в огороде. Лицо румяное, толстошее, в ямочках и свежее, словно налитое августовское яблоко. Ай да Любка!

Смеется, а в глазах прыгают золотые точки. Отставит тяпку, сорвет с грядки горсть клубники и мажет толстые щеки алой мякотью. Если не клубника, то всё, что попадает под руку, — смородина, огурец, вишня у нее на щеках.

Бабка-соседка идет мимо, остановится, всплеснет руками:

— Чи ты сдурела, Любка! Людей пугаешь.

Любка смеется, как ребенок, голос звонкий, воркующий.

— Что ж добру пропадать, баба Дуня! Это ж витамины, косметика под ногами.

Днем Любка сидит в магазине-вагончике, торгует «сникерсами», пепси-колой, водкой, сигаретами и еще Бог знает чем. Возле вагончика, как на глухарином току, всегдалюдно, токуют в основном казаки.

Бравый парень с рыжими усами, в лампасах, с золотыми погонами и португеей просит бутылку водки, поедает Любку глазами.

— Тьфу на тебя, Любка! — говорит он, молодецки и хитро шелкая пальцами. — Цветешь и пахнешь!

Любке за тридцать. Сохнут по ней, сватаются. Она смеется, отшучивается.

— Рано еще. Вон баба Дуня в семьдесят только замуж собралась. И я, как поумнею, так и найду какого-нибудь завалышенького...

— Не дури, Люба! Выходи за меня, — уговаривает чуть не каждый день двадцатилетний шофер местного коммерсанта. — На «мерседесе» возить буду.

— Еще чего! — кокетничает Любка. — У меня ноги, слава Богу, здоровые.

...Лет семь назад обожглась Любка, сходила замуж, за графа якобы. А муж объелся груш, после учебы в мединституте рванул домой, в Африку. Любка осталась, да не одна, По двору бегают со щенком на поводке толстенький ясноглазый африканёнок — Толик.

Днем смеется Любка, кокетничает с казаками. А по ночам нюхает курчавую головку Толика, которая пахнет тропиками, плачет беззвучно и думает о далекой Африке.

Невеста

Недавно проведал старого знакомого, Григория Ивановича, в хуторе под Азовом. Наверное, с год не виделись.

Григорий Иванович — пенсионер, лет десять уже вдовец, живет в старом казачьем курене, обветшалом и запущенном.

Некогда большое хозяйство (земли двадцать соток) постепенно пришло в упадок. Огород и двор по самые окна дома нахально заросли бурьяном и амброзией. Да и сам хозяин в последнее время как-то опустился, погрузнел, помрачнел.

— Что не бреешься? — спросит через забор сосед.

— Та! — кричит Григорий Иванович. — Больно бриться с похмелья.

А похмелье чуть не каждый день. Хуторские алкаши к нему как мухи на мед. Григорий Иванович добрый и безотказный. И сам наливает, и ему наливают. То, что заготовлено в погребе на зиму, съедают к Новому году. В общем-то человек не

бедный, Григорий Иванович иногда сидит без хлеба. Принесут бормотухи, выпьют, закусят таранкой — и ладно.

И говорили ему, и урезонивали, особенно бабки хуторские. Еще хуже. Григорий Иванович обижается, как ребенок, даже сердится, огрызается.

— На бытовые темы не желаю!

...И вот стоит передо мной Григорий Иванович, как ясно солнышко, в новой рубаше. Побрит, подстрижен. Щурится хитровато.

— Заходите, дядько! — приглашает во двор, под навес. Двор чистый, дорожки песком посыпаны, стол под навесом клеенкой накрыт.

Самовар стоит, чашки с блюдцами. Конфеты.

— Что случилось, Григорий Иванович?

— Та! — охотно засмутился он. — Случилось. Невесту через газету выписал. Вон, за кухней в грядках копается, будь она неладна.

— Что ж так?

Григорий Иванович прямо просил от моего удивления.

— Та что! Житья никакого. Там прокоси, то убери, вскопай, принеси-отнеси — никакой личной жизни.

А глазки тают от удовольствия.

— Та ты пей чай, конфеты бери. Спиртного, правда... Може, сбегаю?

— Не надо. Лучше расскажи.

— Та что... Прочитал в газете объявление. Ищу, мол, хорошего человека, тоскую — то да се. Возраст подходит. Дай, сдуру думаю, напишу. Ну и написал на свою голову. Ответила. Потом я написал — то да се. Фото — карточку потребовала и свою прислала. Деваться некуда — надо ехать. Упросил соседа на «Жигулях». Ну и привез ее вместе со швейной машинкой. Теперь вся жизнь наперекосяк. В доме живого места нет, все перевернула. И на огороде.

— Чем же ты недоволен?

— Та дуже за выпивку лае. Алкашам траур объявила.

— Славу Богу!

— Та нехорошо так! Трошки послаблять надо. Я, конечно, того... по-партизански, не запускаю это дело. Но дуже лае...

— Так отвези ее назад, пока не поздно.

Григорий Иванович посмотрел подозрительно, часто заморгал и даже заикаться стал.

— Шо вы к-кажете! Та ни за яки гроши. Ты там в газете спасибо перекажи, скоро на свадьбу пригласим. Пойдем знакомиться...

Целый день, в самое пекло, он на базарчике возле дороги. Рядом с хуторскими мужиками и бабами, приторговывающими со своих садов-огородов. У него свое место: аккуратно расстеленный мешок с кучками карасей и пластмассовое ведро с раками. Сидит на сложенных стопкой кирпичках. Худой и загорелый, как угорь, руки-ноги в застарелых цыпках. На нем только шорты в рыбьей чешуе. Выгоревшие нечесанные волосы торчат ковылем, глаза, как у чибиса, зорки и хитроваты.

Место бойкое, люди ждут автобусов, рядом автостоянка. Свой товар он продает быстро, считает выручку. День удачный. Но домой не спешит...

— Вовка, — зовут бабки, — сбегал бы за ситром.

Это дополнительный бизнес. Будка с напитками недалеко. Вовка прыгает на велосипед. Через десять минут он протягивает холодную пепси-колу и получает за услугу.

— Вовка, — кличут два мужика, продавшие мешок яблок, — сгоняй за винцом.

Его просят сумки поднести к автобусу, купить пирожков, отвезти кому-нибудь недопроданную картошку. Вовка крутится вьюном.

Домой является с гостинцами: булкой хлеба, палкой колбасы и двумя банками кока-колы. Мать обнимает его вечно пахнущую илом голову и всхлипывает тоненько:

— Кормилец... Что бы я без тебя делала!

Вовка без отца. Мать — доярка, с раздавленными ревматизмом руками. Колхоз уже полгода не выдает зарплату. Без Вовкиного бизнеса хоть ложись да помирай.

Каждую ночь Вовка видит хорошие сны. В этот раз — в вентерь попались два сазана. Вовка долго борется с ними. За сазанов дадут много. Он купит часы с музыкой, с будильником и не будет просыпать зори, когда ловится рыба.

А в жизни сазаны не ловились.

...Он ехал домой, когда двое стали на дороге.

— Погоди, старичок.

Одного он знал. Тольку-Химика, грузчика с хлебозавода. Другого первый раз увидел. Залетный, видно. Химик был алкашом, беззлобным, смирным. А залетный испугал вкрадчивым, ласковым голосом:

— Ты что ж, старичок, не уважаешь старших?

Вовка насупился и молчал.

— Нам с корешом выпить надо, — ворковал залетный, — а ты, бизнесмен, налоги не платишь... Стыдно, старичок.

Химик вздохнул, глядя в сторону, и как-то невпопад поддакнул:

— Ты это, Вовка, не того... Сам знаешь вот...

Вовка хотел было рвануть, но залетный ловко подставил ножку...

Этой ночью Вовке приснился хороший сон. В городе, в магазине «Охотник», он покупал ружье. Пятизарядное, автоматическое, как у соседа-егеря. Ехал домой счастливый, прижимая к груди ореховый приклад. Потом дождался тех двоих... Они вернули деньги и клялись, что уважают Вовку-бизнесмена...

Утром была удачная рыбалка, а вечером опять поджидали двое, и Вовка не стал убежать...

Теперь каждый раз он давал им на бутылку.

А в «Охотник» Вовка вскоре съездил. И увидел то, о чем мечтал. Ружье ему очень понравилось. Но стоило очень дорого.

Локомотив

В жару, на солнце, голубой мотороллер-красавец крепко пахнет свежей краской и горячей резиной.

Кумовья и компаньоны Гена и Шурик выгрузили с кузова машины долгожданную драгоценную покупку, умылись в бочке у колодца и присели покурить в холодке. Гена, хозяин мотороллера, под два метра ростом, с длинным лошадиным лицом, беспричинно улыбался, поглаживая небритый подбородок. Шурик, маленький, рыжий, цепкий, как репей, вожделенно глядел в сторону кухни. Жена Гены жарила на горнушке мясо и крошила салат.

— Интересно, сколько рыбы возьмем? — Шурик постучал носком ботинка по колесу. — Мешков десять?

— Не-е... — Гена засмеялся. — Триста килограммов по паспорту.

— Попрет и десять, куда он денется. За осень окупим. Возить, как говорится, не перевозить... Самая воровская снасть. Теперь вся рыба наша. Потом «жигуль» купим или «Волгу». А что? Так и богатеют.

— Что ж не богатеть. Ловись, рыбка, большая и маленькая...

Сели за стол под грушей.

— Ну, обмоем это дело.

— Кормилец наш! — Шурик крякнул и плеснул остатки из стакана на фару.

Водка была холодной, ледяной, крепости не чувствовалось. Когда опорожнили вторую бутылку, Гена, немножко заплетаясь, попросил:

— Кум, это... давай заведем, послушаем.

Командовал шофер первого класса Шурик. Залили масло, бензин. Подключили аккумулятор. Гена шумно глотал слюну, дергая небритым кадыком, как поршнем. Шурик повернул ключ, стартер взвизгнул, забулькала выхлопная труба, вытalkingивая белый парок. Мотор не заводился. Попробовал еще. Поршень глухо kloкотал внутри. Шурик проверил искру, карбюратор. Погонял стартером еще несколько раз.

— Бесполезно. — Шурик вытер рукавом пот. — Аккумулятор посадил. Толкнуть надо.

Выкатили за ворота, на асфальт. Уперлись, затопали, засопели. Проскочил выхлоп, запахло дымком. Кумовья налегли еще, катили с полкилометра. Через час сели в холодок отдышаться. Пот выедал глаза, щеки налились бурачным соком.

Из-за флигеля выглянул Генин бык Жора. Задрал голову, изрыгнув протяжный медно-трубный звук, тряхнул свисавшей ниже колен холкой и выразительно посмотрел на кумовьев.

— Во, красавец! — Шурик вскочил от неожиданной мысли. — Мы пупки рвем, а тут целый локомотив.

Гена принес вожжи. Смирный трехгодовалый бугай охотно дал себя запрячь. Тронул шагом. Шурик сбоку подбадривал его хворостиной. Гена держал руль, нетвердо ковыляя рядом. Жора пошел трусцой. Мотороллер наконец завелся, зататакал, из выхлопной трубы попер густой синий дым. Бык шарахнулся и, пригнув голову к земле, понес изо всех сил. Гена мячиком отлетел на обочину. Мотороллер, как игрушка, мотался из стороны в сторону, дымил, наезжая бугаю на ноги. Жора, словно убегая от невидимого, ненавистного тореадора, галопом летел в степь, к прудам, подняв густую завесу пыли. Подобно хвостатой комете, он выскочил на плотину рыбхозовского пруда и стремительно скрылся.

На завалинке неподалеку сидел древний дед. Он жадно наблюдал из-под дрожащей ладошки, чем кончится дело. Вскочил, радостно притопнул калошами.

— Ах, малохольные! Покатайтесь теперь на новой мотоцикле. Сталина на вас нету!

— Бугая жалко. — Гена размазывал слезы по грязным щекам. — Три года кормил... Мотороллер другой купим, а бугай...

Кумовья с горя выпили еще бутылку.

А бык явился на третьи сутки. Спокойно зашел на баз и улегся под навесом, лениво пережевывая. На обрывках спутавшихся в рогах вожжей болтался руль от мотороллера. А

разбитый «кормилец» лежал на дне глубокого пруда.

Через несколько дней кумовья завершали операцию.

Шурик с вожжами в руке нырял и долго пускал пузыри. Гена с быком терпеливо ждали под вербой на плотине. Шурик выныривал с красными круглыми от напряжения глазами, матерился и шумно дышал.

— Ты бы, тово... за раму... — деликатно подсказывал Гена.

— За фуяму!

Шурик бесполезно нырнул чуть ли не в двадцатый раз и, наглотавшись зеленой застоявшейся воды, зашелся в приступе кашля. Погреб к берегу и обессилено упал на траву.

— Водолаза бы... — вздыхал Гена.

— Дуролаза! — Шурик вскочил, сгреб в охапку штаны и рубаху. — Бизнесменам привет! Особенно бугаю. Богатейте без меня.

Шурик гордо и обиженно удалился. Мечты о богатстве растаяли как прошлогодний снег. Гена плюнул вслед куму и ласково потрепал быка за холку.

— Благодетель нашелся. Обойдемся, разбогатеем как-нибудь без тебя...

Сотовая связь

В заповедном месте, на зеленом берегу Дона резвятся столичные гости. Пахнет ухой, шашлыком и пивом. Двое местных парней-усачей в камуфляже, слегка разгоряченные, подкладывают дрова под большой котел-казан, с интересом наблюдают за рослыми, белотелыми начальниками.

Гостей человек двадцать. Самый главный — седой, маленький, в американской кепке и в темных очках — сидит в холodge под вербой, опустив ноги в кроссовках в прозрачную воду. Лениво обмахивается лопухом от комаров. Министр.

Рыбинспектора принесли удочки и червей. Гости разбрелись по ерикам.

— Виталий! — слышится через полчаса из-за кустов. — Я воблу поймал, гигантскую! У самого берега оторвалась, блин! Давай сюда, клюет, как в аквариуме!

Местные у костра засмеялись. Один из них лениво, вроде бы по нужде, пошел на голос. Через некоторое время вернулся.

— Ну, дают! Такого еще не видел.

— Вобла, говорит?

— Вобла! Стоят в кроссовках в иле по колени и в телефоны хвалятся, у кого как клюет. Один даже в Москву звонил, жене докладывал — бычка поймал.

— Деньги, говорят, чертенные по этим, сотовым-то...
— Гм! А нам зарплаты четвертый месяц нету.
— А ты подойди к министру.
— Умник! Чтоб с работы турнули?
Уха готова, рыбинспектор пошел докладывать.
Хорошо летом на Дону.

Розовый мрамор

На выезде из Ростова в сторону Азова у дороги выросли два замка-дворца. Из тех, что строят сейчас «новые русские». С высокими узкими окнами-бойницами, стрельчатыми башнями с куполами-луковками, с глубоким подземельем и открытым бассейном на лужайке.

Два дома-близнеца, две судьбы, кажется, соединились здесь. На сотни лет утвердилась в камне воплощенная семейная мечта. Внукам, правнукам и прапра... хватит.

И прохождение, и приезжие невольно останавливаются. Обыватель глазаст и дотошен. Станным кажется ему это человеческое жилище. Что-то недоброе, темное видится за литым чугунным забором. Во дворцах безлюдно и пусто, большой общий двор с бассейном густо зарос лебедой и амброзией. Если кто полюбопытствует у деда, пасущего коз у дороги, тот охотно и немногословно подтвердит:

— Нехорошее место. Смертоубийство недавно произошло.

...Построили дома братья-близнецы из приезжих, беженцы с Кавказа. Эдик и Алик.

Рыжие кудрявые крепыши. Походка вразвалку, с ленцой, с приземистой звериной уверенностью. Неразговорчивые, неулыбчивые, но хваткие и деловитые. За короткое время открыли автозаправку, два магазина, склады.

Человек двадцать из местных работали у них и хвалили:

— Крутые ребята и нежадные.

На новеньких «мерседесах» братья колесили по всей стране, и отовсюду к ним шли фуры с нужным товаром. Дома построили и отделали сказочно быстро, за год, сами особенно не вникая и не интересуясь стройкой. Две бригады умельцев работали днем и ночью.

Однажды к Алику зашел Эдик. Молча посмотрел на камин и вышел. Вечером как бы невзначай спросил брата:

— Почему у тебя на камине розовый мрамор, а у меня белый?

— Так получилось...

Алик опустил глаза под тяжелым взглядом брата.

Неделю братья не виделись, Алик уехал на Кавказ, Эдик всю неделю просидел дома. Думал. Вспоминал. В детстве Алик украл у него перочинный ножик. Однажды подрались, Алик оказался сильнее. У Алика всегда было больше друзей. И жену он выбрал красивее и моложе. Недавно прокутил с друзьями много денег и долго скрывал от брата. И с мрамором неспроста. Много вспомнил, тяжелея сердцем.

...Эдик пил всю ночь, закрывшись в комнате. Утром долго наблюдал из окна. Запыленный «мерседес» брата вызывал у него какую-то нервную тошноту, ненависть. Алик впервые не зашел к брату после долгой отлучки.

Он переоделся, прыгнул в бассейн и с наслаждением нырял, пуская пузыри. Даже не спросил, дома ли брат. Покачиваясь, почти не соображая, Эдик приоткрыл фрамугу с толстым тонированным стеклом и, когда Алик повернулся спиной, медленно прицелился из охотничьего карабина, нервно нажал спуск.

— А-а-а!!!

Торжествующий крик был дик и безумен.

На могиле Алика соорудили памятник из розового мрамора, оставшегося от камина. Он уже успел зарости бурьяном. На могильной плите не видно цветов, никто не ходит.

Эдику дали пятнадцать лет...

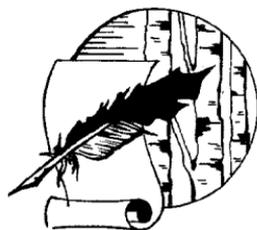
Жены продают дома, покупателей пока нет. Подростки Владик и Стасик, двоюродные братья, как и отцы, — рыжие, кудрявые, толстые. Иногда издалека встречаются взглядами. Смотрят, как волчата. Неужели им тоже придется мстить?

Белый мрамор.

Розовый мрамор...

ст. Старочеркасская Ростовской обл.

Продолжение следует

Олег ИГНАТЬЕВ

ЗАКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

* * *

А мы не ждали, чтоб любовь созрела.
Зачем? Созрели жёлуди! Гляди,
Из-под листвы морёной, задубелой
Насыпалось их сколько! Пруд пруди.

Наверно, мы стареем не взрослея,
И, мудрости житейской избежав,
Едим, как в детстве, яблоко с ножа,
Хоть яблоки с ножа всегда кислее.

Блестит лоза, убор калины красен,
И что нам тёрна цепкие кусты,
Когда неотведённый взгляд опасен
Средневековой властью красоты?

Чьё сердце своевольем не томилось
Меж близкими и дальними людьми?
Всем верится в дарованную милость
Нечаянной и радостной любви.

Кто не пытался на исходе лета
Припомнить жизнь не по календарю?
А то, что я люблю тебя... так это
Уже не говорю. Боготворю.

* * *

Ты придешь, я тебе расскажу,
Как летала душа за тобой,
И лепился, как свет к витражу,
К палисаднику цвет голубой.

Это легкое платье твоё,
Зацелованное сквозняком,
Это зыбкой воды забытьё
Между ближним и дальним буйком.

Это близости нежная нить
И привычка твоя на века
По-девчоночьи взгляд отводить,
И прикусывать губы слегка.

* * *

Глупо, неожиданно, всерьёз!
Как мы безрассудно все похожи!
Я коснулся крашенных волос,
Высказал немало слов расхожих.

Пусть мои слова — всегда пустяк,
Пусть твои ответы — только малость,
Нам теперь осталось жить не так,
Как до этой встречи оставалось.

Ты стоишь, браслетик теребя,
В облаке светящегося платья,
Женщина, открывшая объятия,
Так и не открывшая себя.

* * *

О чём печаль? Расстались и расстались!
И где теперь цветочный целлофан,
Оборванный тобою на вокзале,
Пока мы слов последних не сказали,
Пока тебя я не поцеловал?

Где это всё? Погода ветровая
К чужой беде прохладна, как всегда,
И, листья из подлеска выдувая,
Печалит дни земные без труда.

Безумная, вспоённая тоской,
Она дорогу ищет, как слепая,
Не видя глаз твоих перед собой
И глаз моих в толпе не замечая.

И как понять, не в этой ли тоске
Убийственной и малопостижимой
Всё то, что городил я на песке,
Ломается без всякого нажима?

И как избыть заклятие любви?
Не станешь ведь, обычай помня хлётский,
С отчаянной решимостью в крови
Ходить и бить горшки на перекрёстке.

* * *

Это надо постараться
Долю выбрать казаку,
Чтоб она смотрелась, братцы,
Словно шашка на боку,
Родовой, святой порукой,
Неизменной, боевой,
Что в степной станичный угол
Возвернётся он живой
Из любой смертельной схватки,
Одолев чужую рать,
Ради той, чьи губы сладки,
Если жарко целовать.
Чтоб вослед венчальной песне
Взвился свадебный куплет,
Под каблук швырнув невесте
Жменю звонкую монет

Золотой, хвалёной пробы,
Чтоб достаток был в дому,
Да жена была до гроба
Верной мужу своему.

* * *

Плывёт жара, и солнце на уклоне,
В улитках перетапливая слизь,
Следит, чтобы ракиты, словно кони,
Речной водой в лугах не опились.

И так по старой памяти кипреем
И донником пропах закатный час,
Что, кажется, совсем не мы стареем,
А время, убывающее в нас.

Оно уходит в цыпках и веснушках,
Когда тебе ещё и невдогад,
Что ты богат ольховою опушкой
И бабочкой непойманной богат.

Ещё хула на ворота не виснет
И жизнь ещё, пожалуй, и не жизнь,
А так — напоминание о жизни,
Отмашка чья-то — на и отвяжись!

И я всё тот же! Новых нет привычек.
Люблю, затеплив долгую свечу,
Под шум дождя читать о Беатриче...
А спросится, воздастся ли? Молчу.

Не стоит слов. Тем более, что лето
В дыму заката пышет, словно печь,
И пахнет сеном у воды прогретой,
Где я тайком касался милых плеч.

* * *

Листва захлопает в ладоши,
Как только ветер налетит,
И дождь напористый, хороший,
Пустой цыбаркой загремит,

Водой окатит сараюшки,
Загонит кур на сеновал,
И гром ударит, как из пушки,
Мол, не пропал ещё запал.

По шиферу, по черепице,
Да по всему, что в очерёд
В хозяйстве может пригодиться,
Горохом ливень сыпанёт,

Калиткой хлопнет, пробегая,
Заглянет в окна, в палисад,
— Хозявы! — крикнет, точно зная,
Что оклик этот невпопад,

И вдруг умолкнет под черешней,
Где мы шептались по ночам,
Причастный радости нездешней
И сокровенно близкой нам.

* * *

Пацанва играет в «жмурки»,
В лужах светится вода.
Вновь со мною в переулке
Повстречалась лебеда.

Вновь подсолнух в огороде
Шумно лущат воробьи.
Это память колобродит,
Выкликает дни мои.

Пряслит жито у амбара,
Сено тащит на поветь.
И об этом петел старый
Порывается запеть.

Август виснет на ограде
И подмигивает мне.
У того, кто свадьбы ладит,
От невест отбоя нет.

Я и сам луне с досадой
Кулаком грозил не раз,
Чтоб с любимой без догляда
Целоваться в поздний час.

Яблок запах, запах сладкий
До утра вдыхать в саду.
...Ребяшня играет в прятки,
Топчет нашу лебеду.

* * *

Я век хотел бы жить с тобой
И не делить печаль с луною,
Когда одышливый прибой
Смиренной тешится волною.

Но что желание моё?
На счастье битая посуда.
Ведь ты свое житьё-бытьё
Менять не думаешь покуда.

Осилить ангела судьбы,
Намять бока ему при схватке,

Я не сумел — увы, увы!
Сам заработал по сопатке.

Смешно об этом говорить,
Грешно скрывать, коль дело было.
Смогла бы ты со мною жить?
Вполне! Когда бы полюбила.

Тогда бы лики наших дней
Цвели хмельной улыбкой лета,
А мы отрадою своей
Отдавали их за это.

А так... шумит, не спит прибой,
На берег катится волною,
И кажется, что в час ночной
Луна печалится со мною.

г. Москва

ПОСЛЕДНЕЕ ОПРАВДАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Разные мнения

Когда-то довелось мне прочитать ответ архимандрита (ныне епископа) Тихона (Шевкунова) на вопрос, касающийся личности Григория Распутина: *«Когда я был послушником в Псково-Печерском монастыре, мне было дано послушание разбирать старинную библиотеку, присланную в обитель. Среди прочих книг мне попала брошюра, написанная Григорием Распутиным, о его паломничестве в Святую Землю. Эта книга поразила меня. Передо мной предстал глубоко верующий, искренний и чистый человек, способный воспринимать святыню и с благоговением передавать свои впечатления о ней. Потом, общаясь с последними представителями первой волны русской эмиграции, я слышал много ужасных рассказов о Григории Распутине. В истории человечества есть загадочные личности, о которых мы окончательно ничего не узнаем до Страшного суда Божия. Иной раз необходимо отказаться от исследования этих личностей — эти исследования заранее обречены на бесконечные и бесплодные словопрения. Но тем более должны отказаться от того, чтобы восхитить себе суд Божий о человеке».*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ну а если бы «ужасные рассказы» касались родных или близких нам людей? Нашего отца или матери, брата или сестры? Мы тоже отказались бы от «исследования» вопроса? Даже несмотря на кажущуюся нам «бесплодность»?

Представим себе, что когда-то много лет назад у нас был брат, которого жестоко убили. Потом, когда мы уже родились, с детства все окружающие люди говорили, что вот был у вас брат, но был он пьяницей, развратником и вором. И мы многие годы жили с некоторым чувством вины, за те грехи и пороки, которые приписывали нашему брату. Прошли годы, и уже в зрелом возрасте нам повстречался человек, который сказал: «Ваш брат не был ни пьяницей, ни блудником, ни вором, а был молитвенником и чистой души человеком. Его оклеветали и убили по зависти и корысти».

Как бы должны были повести себя православные христиане, получившие хоть малейшую надежду на то, что брат, которого они многие годы считали пропавшим для Царствия Божия, вдруг, может случиться, окажется невинным в тех преступлениях, какие ему приписывали? В первую очередь, наверное, вдохновиться надеждой и постараться отыскать истину. А так ли мы поступаем?

В предисловии к книге Олега Платонова «Жизнь за царя» известный, ныне уже покойный, московский батюшка, о. Дмитрий Дудко пишет: «В действительности Григорий Ефимович Распутин-Новый был необыкновенный человек, народный праведник... Распутин стоял за Православие, был сам глубоко православным и к этому призывал всех... В лице Распутина я вижу весь русский народ — поверженный и расстрелянный, но сохранивший свою веру, даже погибая. И сим он побеждает! Второе, что меня поразило в Распутине, — это его религиозные записки. Так может писать только опытный в духовной жизни человек».

Итак, появился маленький «огонек надежды» на то, что наш брат был не таков, как нам с детства «вбивали» в голову. И кто-то из нас вдохновился и пытается детально исследовать историю его жизни. А кто-то пытается залить этот «огонек» усвоенной ранее «водой» клеветы.

Такой взгляд, например, высказывает в своих книгах писательница Л.П. Миллер: «Лично я думаю, что Господь попустил родиться Распутину, как Он попустил родиться Иуде, предавшему Иисуса Христа. Подобно Иуде, Распутин сыграл злую роль в судьбе Помазанника Божия и Его Семьи, а с Ними и всей России... Я считаю (и так оно и есть), что Распутин был воплощением самого сатаны».

В 2011 году в свет вышли примерно одинаковые по объему книги Эдварда Радзинского «Распутин» и Александра Боханова «Правда о Григории Распутине», написанные почти по одним и тем же историческим источникам. Эти книги являются продолжением многолетней разработки авторских взглядов на указанную тему и представляют собой совершенно противоположные точки зрения на исследуемый вопрос: кто же был Григорий Распутин?

Мнение о Г.Е. Распутине, которое выражает в книге Э.Радзинский, — общепринятое на сегодня большинством общества: «Христос давно покинул его, а он всё молился, не понимая, что давно служит антихристу».

А.Н. Боханов, касательно подобного рода мнений, замечает, что: «...сочинителям скабрёзных пассажей, их менторам и спонсорам подлинный Григорий Распутин не нужен и не интересен. Главная мишень — совершенно другая, несравненно выше и значимее — Православная Россия».

Кроме книги А.Н. Боханова в последние десятилетия вышло еще несколько трудов, в которых аргументированно доказывается, что Григорий Распутин стал жертвой всеобъемлющей клеветы. Это книги «Жизнь за царя» О.А. Платонова, «Мечь врага рода человеческого» и «Хроника великой дружбы» Юрия Рассулина, «Григорий Распутин. Прозрения, чудеса, пророчества» Игоря Евсина, несколько томов исследований православного историка Сергея Фомина. Режиссером Виктором Рыжко был снят десятисерийный фильм «Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый».

Почему же всё-таки большее доверие как в светском обществе, так и в церковной среде вызывает мнение, выражаемое Э.Радзинским?

В течение последних ста лет нам пытались убедительно объяснить, что и сам Григорий Ефимович, и все те люди, которые его почитали и верили ему, находились в духовном помрачении, а все его обвинители и убийцы выступали спасителями России. И эти объяснения многих устраивали и продолжают устраивать. Но уже не всех. Отсюда и возникает желание разобраться и понять, как возник этот «миф»?

Кто оставил нам сведения — «первоисточники» о Григории Распутине? Кому из тех людей можно верить и насколько? Кто является ключевыми фигурами в данном деле? Что ими двигало или кто ими двигал? Имели ли они страх Божий и сокрушенное сердце? Какова была мера нравственной чистоты тех людей, которые выдвигали самые отвратительные обвинения в адрес Г.Е. Распутина?

Логика здесь проста. Нравственное состояние тех, кто формировал обличительные «первоисточники», должно быть значительно выше нравственного состояния того, кого они обвиняют. Только тогда их обвинения имеют вес, силу и вызывают доверие. Потому что, если мы в полной мере доверяем людям заблуждающимся, людям с поврежденной совестью или находящимся под воздействием пороков и страстей, то впору задуматься по поводу собственной нравственной чистоты и меры разумения.

В начале статьи приводились слова еп. Тихона (Шевкунова) о том, что, общаясь с последними представителями первой волны русской эмиграции, он слышал «много ужасных рассказов о Григории Распутине». Но что представляла собой русская эмиграция «первой волны»?

В начале 30-х годов XX века священник Александр Ельчанинов, характеризуя в своих «Записях» духовное состояние русской эмиграции, писал: «Почти поголовное равнодушие на исповеди, особенно у мужчин. Благодарю Бога, что он почти всегда дает мне пережить исповедь как катастрофу. Общее обыкновение — не говорить о грехах против 7-й заповеди, как будто это не относится к исповеди — это, де, моя частная жизнь; многие, живущие в незаконных связях, и не упоминают о них, пока не спросишь, считая это дело вполне естественным».

И тогда возникает вопрос — можно ли доверять «ужасным рассказам» людей, которые обличают своего брата в том грехе, в котором сами повинны?

Методологическая ошибка большинства исследователей, отрицательно характеризующих личность Г.Е. Распутина, состоит в том, что они принимают сами свидетельства, не озадачиваясь вопросом — от кого эти свидетельства исходили и какова духовно-нравственная сущность самих свидетелей или мемуаристов? Насколько они честны и компетентны? Александр Боханов предлагает посмотреть на тех людей, которые оставили свои свидетельства против Г.Е. Распутина, с нравственной точки зрения. Кто были эти люди? Что составляло основу их нравственного состояния — вера, кротость и смирение или лукавые и корыстные интересы? Все ли они достойны доверия?

Книга Александра Боханова отличается тем, что ее написал профессиональный историк — доктор исторических наук. Автор приводит совершенно убедительные доказательства о том, что Григорий Распутин не был ни конокрадом, ни «хлыстом», ни развратником, ни горьким пьяницей, ни чересчур влиятельным на государственные дела человеком. Все эти

лживые «ярлыки» были выдуманы заинтересованными людьми. Эта ложь распространялась в средствах массовой информации и через великосветские салоны для совершенно определенных целей — дискредитации царской семьи и разрушения православного государства. И всё это делалось людьми, которые в нравственном смысле находились гораздо дальше от Бога и от жизни по заповедям Божиим, нежели Государь, Государыня, их дети и сам Григорий Распутин.

Александр Боханов показывает, что в формировании «мифа о Распутине» участвовали все высшие слои общества: Великие князья и их семьи, великосветская аристократия, государственные чиновники, руководители и служащие специальных служб и МВД, творческая интеллигенция и газетчики. Это касается не только тех, кто вырабатывал определенный «информационный продукт», но и тех, кто обеспечивал им прикрытие, кто способствовал распространению и потреблению этого «продукта» в виде неоспоримой истины.

«Светлые» личности

Великий князь Николай Николаевич в 1905 году вступил в связь с замужней женщиной Анастасией Николаевной (Станой), одной из сестер-черногорок, которые были оккультистками. Это нарушение седьмой Божией заповеди почему-то не вызвало тогда и до сих пор не вызывает возмущения у «ревнителей» благочестия. В армии Николай Николаевич «получил прозвище Лукавый за чрезмерное честолюбие, жажду власти, ограниченность духовных качеств, злой и высокомерный характер», за то, что «предпочитал работу за кулисами и становился, таким образом, безответственным перед общественным мнением».

Своим «авторитетом» он способствовал распространению ложных слухов о Г.Е. Распутине, использовал данную ему власть и деятельность специальных служб, в т.ч. разведки и контрразведки, особенно во время исполнения обязанностей главнокомандующего во время военных действий, в личных корыстных целях (например, дело полковника Мясоедова). Знал о заговоре против Государя и, по сути, предал его, совершив Иудин грех.

Нарушением седьмой заповеди отметились и другие члены императорской фамилии. Брат Царя, великий князь Михаил Александрович сначала сожительствовал, а потом и женился на дважды разведенной женщине, обманув при этом Государя, которому клятвенно обещал «никогда не жениться на ней». Дядя Царя, великий князь Павел Александрович

также сначала имел несколько лет связь с замужней женщиной и только потом вступил с ней в брак. Двоюродный брат Царя, великий князь Кирилл женился на своей двоюродной сестре, с которой также имел связь до брака.

Великий князь Александр Михайлович жил в атмосфере постоянных измен своей супруге. В своих воспоминаниях оставил красочные описания своих амурных походов. Его супруга — сестра Государя великая княгиня Ксения Александровна имела любовника. Она также «с каким-то патологическим упоением собирала сплетни и слухи о Царице. Не только собирала, но и распространяла. И главное, она постоянно доносила их до ушей матери — императрицы Марии Федоровны».

Особо следует сказать об отношении Марии Федоровны к Государыне. Теплыми и материнскими эти отношения назвать никак нельзя. Такой вывод можно сделать по прочтении дневника Марии Федоровны, которая пишет о своей невестке: «Она, видно, совсем свихнулась от бешенства и жажды мести...»; «видит всё очень превратно и своим всегдашним упрямством и своеволием только увлекает всех нас в пучину несчастий...»; «...всех ненавидит и мечтает о мести...»

Но ведь это совершенно искаженное мнение, из которого можно сделать вывод о весьма неприглядном духовном состоянии автора этих строк.

Св. Государыня Александра Федоровна была и остается одной из самых нравственных натур своего времени. Ее дневники и письма явно свидетельствуют и о внутренней чистоте, и о духовной трезвости, и о смиренной мудрости. Ошибки в ее суждениях были. Но кто не ошибался?

Близким и доверенным лицом, а по данным некоторых историков, и морганатическим супругом Марии Федоровны был обер-гофмейстер ее двора Г.Д. Шервашидзе, которого Государыня в одном из писем назвала «другом» министра внутренних дел В.Ф. Джунковского. Так что информация о Распутине приходила к Марии Федоровне не только от дочери, но и от «первоисточников» по линии Джунковский—Шервашидзе. Ибо именно Джунковский являлся одним из главных авторов мифа о Г.Е. Распутине.

Э.Радзинский называет В.Ф. Джунковского человеком, «близким к Элле и к великому князю Николаю Николаевичу».

Александр Боханов пишет о Джунковском: «Можно с уверенностью говорить о том, что этот генерал Царской свиты состоял в одной из масонских лож» и был «одним из наиболее видных деятелей русских «вольных каменщиков».

В своей книге историк подробно описывает, как В.Ф. Джунковский, которого Государыня называла «врагом» и «нечестным человеком», руководил изготовлением фальшивых компрометирующих материалов в виде т.н. «полицейских донесений о жизнедеятельности Распутина», тиражированием вымышленных историй о его «разгуле» в московском ресторане «Яр», «пьяном дебоше на пароходе» и прочих фальсификациях. И эти «свои «конфиденциальные сведения» шеф корпуса жандармов регулярно поставлял ко двору великого князя Николая Николаевича, который прилюдно заявлял, что испытывает к Джунковскому «давнюю, искреннюю симпатию».

К слову, еще одна «свидетельница» по делу Г.Е. Распутина — София Тютчева была «задушевной подругой» В.Д. Джунковского и протезе великой княгини Елизаветы Федоровны.

Когда злодеяния Джунковского вскрылись и его сняли с должности, личный враг царской четы А.И. Гучков прислал письмо, в котором, выражая ему свою поддержку, писал: «Дорогой Владимир Федорович, всей душой с Вами...», а Государя с семьей и близкими людьми называл «обречёнными».

Особого внимания заслуживает связь Джунковского с иеромонахом-расстригой Илиодором (Труфановым). Газета «Копейка» от 16 августа 1911 года сообщала: «Вчера иеромонах Илиодор был у губернатора В.Ф. Джунковского и имел с ним продолжительную беседу, о содержании и результатах которой пока никому ничего не известно». Да, о результатах этой встречи можно судить лишь по произошедшим в последующие месяцы и годы событиям. Ведь именно с января 1912 года началась в московских газетах очередная кампания против Г.Е. Распутина. И именно эти два лица приняли самое активное участие в создании «мифа о Г.Е. Распутине». Известно, что Илиодор, который являлся чуть ли не главным свидетелем в «деле Распутина», публично отрёкся от православной веры.

Епископ Феофан (Быстров) одним из первых попался в сети лжи мифотворцев-революционеров. Вследствие духовной неопытности он поверил анонимной «исповеди» одной женщины сомнительного поведения о якобы непристойном поведении Г.Е. Распутина и раскрыл тайну исповеди Государыне. Потом выяснилось, что женщина всё придумала. А что если эту женщину специально подготовили и подослали к владыке Феофану? Скорее всего так оно и было, ибо шум был, а фактов не было. А весь этот шум явился поводом для бесчестных газетных публикаций и салонных сплетен, а также частью борьбы «прогрессивных сил» против Государя и государственного строя.

Митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях указывает, что у него на руках были документы, обличающие Григория Распутина. Но наивный священнослужитель, считавший еще одного врага Государыни, обер-прокурора А.Д. Самарина, «очень чистым человеком», не счел нужным подумать, что эти документы могли быть искусно изготовленной «липой» и что революционеры могли его использовать как «слепое оружие» для борьбы с «темными силами».

Отметим, что в своих воспоминаниях Джунковский называл Самарина «светлой личностью». Такая характеристика из масонских уст о многом говорит. Государыня считала Самарина лицемером и ставила его в один ряд с Гучковым и Родзянко. И именно она была права в оценке этой личности, а вовсе не Джунковский или митрополит Вениамин.

Будущий мученик Михаил Новосёлов был одним из первых, кто озаботился темой дискредитации Г.Е. Распутина. Его статью «Духовный гастролер — Григорий Распутин» опубликовала газета «Московские ведомости» в номере от 2 марта 1910 года. Вся статья была построена частью на совершенно бездоказательных, а частью анонимных материалах.

Журналист-историк Игорь Евсин сообщает: «Исследователи биографии Новосёлова приходят к выводу, что «своими выступлениями в печати, продиктованными тревогой за дела церкви, новосёловский кружок играл на руку врагам Церкви, Царя и Отечества, действовал на потеху желтой прессы». Василий Розанов прямо говорил, что «Новосёлов есть один из инициаторов революции»... По замечанию Н.А. Бердяева, Новосёлов «епископов в грош не ставил и рассматривал как чиновников».

Согласно исследованиям историка С. Фомина, в 1920-х годах Новосёлов был одним из создателей раскольнической «Истинно-Православной Церкви». «Многие его идеи нашли отражение в документах так называемого «Кочующего Собора», а его определение, где «сергианские таинства» таинствами не признавались, именуясь еретическими действиями, и где сергиане анафематствовались, разрабатывалось под его непосредственным руководством». Так что нравственный облик самого Новосёлова был в то время весьма далек от православного идеала. В некоторых кругах его до сих пор называют «непоколебимым ревнителем Православия», но с этим мнением невозможно согласиться. Православный и духовно чуткий христианин, а тем более ревнитель, никогда бы не опустился до смакования вымышленных анонимных порнографических подробностей, которые в изобилии присут-

ствуют в его статьях о Григории Распутине. Так что в случае с Новосёловым если ревность и присутствовала, то была точно не по разуму.

Еще одним человеком, который участвовал в создании «мифа о Распутине», был «сектовед» А.С. Пругавин.

Э.Радзинский пишет: «5 августа 1917 года в Чрезвычайной комиссии допросили знаменитого исследователя сект Александра Степановича Пругавина. 66-летний ученый показал: «Всю жизнь изучая религиозные, в особенности мистические движения в русском народе, я, естественно... интересовался и личностью Распутина». А.С. Пругавин и сам отметился на литературном поприще пасквилем под названием «Старец Григорий Распутин и его поклонницы». Именно Пругавин был одним из тех, кто принимал активное участие в судьбе и побеге за границу расстриги Илиодора. Об этом сам Илиодор писал 16 марта 1915 г. известному, прославившемуся своими скандально-критическими публикациями журналисту-масону Александру Амфитеатрову: «Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А.С. Пругавиным и А.М. Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие...» М.Горький также писал по этому поводу А.Амфитеатрову: «Думаю, что в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами».

5 сентября 1914 г. в экстренном прибавлении к № 240 газ. «День» сообщалось, что Илиодор прислал письмо родителям с подробностями своего побега из России и упомянул, что границу Финляндии ему помогли пересечь «друзья-писатели». «Тогда же Илиодор писал революционеру-эмигранту А.Л. Теплому: «Получивши обвинительный акт по 73, 74, 103 и 102 ст., я 2 июля убежал из России через Финляндию. Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне как можно скорее писать книгу о Распутине и царице (...) Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется «Святой черт».

Кто же такой А.С. Пругавин? В.Д. Бонч-Бруевич в своем очерке «Деятели революционного движения в России» писал, что Пругавин «в 1869 г. был в сношениях с участниками нечаевской «Народной Расправы» и «привлекался к дознанию по нечаевскому делу по подозрению в знании о тайном сообществе», но за недостатком улик остался только свиде-

телем по процессу нечаевцев, т.е. Пругавин был одним из тех, кого Ф.М. Достоевский изобразил в своем романе под метким названием «Бесы».

В Приложении №5 к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, озаглавленном «Царская семья и Г.Е. Распутин», сообщается, что «...в опубликованных недавно воспоминаниях о Распутине В.А. Жуковской вновь ставится вопрос о принадлежности Распутина к крайней форме хлыстовства. В этих воспоминаниях приводятся свидетельства о принадлежности «старца Григория» к хлыстовской секте».

Но кто такая Вера Жуковская? Сама Жуковская писала, что «посещала тайные собрания хлыстов», участвовала в радениях, а попросту в свальном грехе. От себя она не скрывала собственных интересов и методов: «Я придерживаюсь... особых воззрений. Я думаю, что добродетельная жизнь скорее может убить дух, чем порочная».

Э.Радзинский, ссылаясь на показания Пругавина, пишет: «...Жуковская — дитя времени «накануне Апокалипсиса», как и князь Юсупов, как и многие тогдашние молодые люди. В Париже в своих исканиях религиозных откровений она доходила до сатанизма и участия в черных мессах... Мужик волновал ее. Жутковатая слава Распутина давно не давала ей покоя...»

Современный исследователь сектантства А.Эткинд пишет, что «в одних случаях Жуковская выступала как агент своего родственника, сектоведа А. Пругавина, а в других действовала по собственной инициативе, движимая женским писательским любопытством. На собрании сектантов, которое устроил Пругавин, Жуковская познакомилась с Петром Обуховым, кормчим петербургского корабля «Старого Израиля»; его община находилась на краю Новой деревни... Жуковская спросила его о свальном грехе, который, как она знала и писала, иногда сопутствовал хлыстовским радениям. Обухов подтверждал опасность, но учил не бояться: «Грех ищет только того, кто помнит его и боится его (...) Если ты идешь (...) и страшишься греха, он идет следом за тобой...»

Э.Радзинский приводит слова, которые Жуковская в своих воспоминаниях вкладывает в уста Г.Е. Распутина: «Грех на то и дан, чтоб раскаяться... Грех понимать надо... А без греха жизни нет, потому покаяния нет...» Кому же и в каком порядке принадлежат эти интонационно похожие фразы — Распутину, или Обухову, или другим сектантам, с которыми имела многократное близкое общение Жуковская? И не перепутались ли слова и фразы настоящих сектантов в разру-

шенной «черными мессами» психике этой женщины? А может, она их «перепутала» с умыслом?

Таким образом «писательница» Вера Жуковская, участвовавшая в «черных мессах», в хлыстовских радениях и в «свальном грехе», действительно выступала в «деле Распутина» как «агент» Пругавина и тех, кто стоял за ним. По сути, эта женщина, находившаяся в плену порока и греха, «свидетельствует» против Г.Е. Распутина в том, в чем сама повинна «с головы до ног». Но почему Синодальная комиссия по канонизации доверяет этой «писательнице» и видит в ней свидетельницу по делу Г.Е. Распутина? И раз уж зашел разговор об «агентах», то следует заметить, что все эти фигурирующие в мемуарах «агенты», которых авторы записали в «друзья», «секретари» и «помощники» Г.Е. Распутина, сильно напоминают «скользких» и нечистоплотных людей, специально подосланных к нему определенными лицами или организациями с тем, чтобы окружить его плотным кольцом своего нечестия. Один И.Ф. Манасевич-Мануйлов стоит. Тот же А.В. Амфитеатров еще в 1910 году писал о Манасевиче, как о «полном банкроте» и о том, что «полиция выжала этот лимон в свою пользу досуха и больше в нем не нуждалась». Но для дискредитации Григория Распутина и Царской семьи этот человек был вновь востребован, и он вполне справился с поставленной ему задачей. Протоколы его допросов ЧСК в полной мере свидетельствуют об этом.

А Арон Симанович? А князь Андронников и другие? К таким же агентам можно отнести и некоторых т.н. «поклонниц» Распутина, которым, видимо, также ставились определенные задачи. И на примерах Жуковской или еще одной подобной «свидетельницы» Е.Джанумовой это очень наглядно видно. Современные исследователи пишут, что откровенность Джанумовой особого доверия не внушает, а ее: ««Дневник» имеет резко выраженные черты сочиненности и литературности... Пошлость — главный герой «Дневника» Джанумовой».

Еще один мифотворец «дела Г.Е. Распутина» А.И. Гучков всю свою жизнь очень щепетильно относился к вопросам чести и совести, хотя именно его можно смело назвать человеком без совести и без чести. Александр Боханов указывает, что «именно Гучкова считали человеком, который тиражировал апокрифические письма Царицы Распутину, письма, которые смертельно оскорбляли уже не только Царицу, но и ее женскую честь».

Отметим, что в приведённом выше интервью «Петербургской газете» в феврале 1912 года Г.Е. Распутин говорил о своей неграмотности, о том, что он «азбуки еще не осилил». И

никто из «прогрессивного общества» не задался вопросом: Могла ли Государыня писать очень личное письмо неграмотному человеку? А если могла, то зачем, если она твердо знала, что этот человек не сможет его прочитать? И вообще были ли эти письма? А если и были, то от кого и к кому адресованы? И не подложные ли они? Но А.И. Гучкова такие вопросы не интересовали. Им двигала одержимость и ненависть к царской семье, а проще говоря, им двигали силы демонические, как и всеми другими участниками этого дела.

«Петербургская газета» от 8 февраля 1912 года опубликовала статью под названием «Запрос о похождениях хлыста Гр. Распутина»: «Никогда еще третья Государственная Дума не представляла правительству такого сенсационного запроса, какой предъявлен был вчера вечером по инициативе благонамереннейших из благонамеренных октябристов, с А.И. Гучковым во главе. Запрос предъявлен: «О похождениях хлыста-развратителя Григория Распутина, позорнейшие преступления которого в Петербурге и в провинции возмущают всех честных граждан...»

Александр Боханов пишет: «25 января 1912 года за его (Гучкова) подписью от имени октябристской фракции был сделан запрос правительству о Распутине. Поводом к нему послужило вышедшее накануне распоряжение московских властей о приостановке на семь дней издания газеты «Голос Москвы» за публикацию резкой статьи, где Распутин был назван «растлителем», «обманщиком», «хлыстом», «эротоманом» и «шарлатаном». Газета «Голос Москвы» издавалась братьями Гучковыми, так что вся эта акция была хорошо продумана». В своей думской речи Гучков патетически заявлял: «Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собой и смену направлений, и смену лиц, падений одних, возвышение других?.. Но Григорий Распутин не одинок: разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары?». 29 февраля 2012 года газета «Голос Москвы» сообщала: «Вчерашний номер «Голоса Москвы» конфискован за статью «Исповедь одной жертвы Распутина». Автором статей о Распутине в гучковской газете был уже известный нам М.В. Новосёлов.

Итак, Распутина представляли развратником. Но братья Гучковы сами были лжецами и развратниками. История с письмами Государыни — явная ложь. А насчет разврата — известно, что Гучков женился «только в 33 года, успев в среде московских бонвиванов занять репутацию «похитителя сердец». Его брат Федор, отличавшийся крутым нравом и раз-

гульным образом жизни, писал ему в августе 1903 г.: «Мы, кажется, дружочек, отгуляли свой век. Что ж, срок был не короткий и погуляли вволю». Про свой разврат Гучков почему-то запрос не сделал...

Еще один борец с «темными силами», П.Н. Милюков, был атеистом, искренне удивлявшимся, что можно быть верующим. Для него вся религия сводилась к суеверию. Обладая умом сугубо позитивистским, он придавал большое значение фактам как в истории, так и в политике. В своих речах он обращался к разуму. Факты были для него доводами, которые он приводил с такой же точностью, как если бы он доказывал теорему. Философ И.А. Ильин писал в октябре 1923 года в «Записке о политическом положении» следующее: «Милюков не герой, а человек толпы. Его воля — упрямство, его ум — хитрящая середина, его идея — расчет, его принцип — компромисс. Он глубоко безрелигиозен и безыдеен; идею он всегда презирал. Его политика всегда состояла в том, чтобы сложить параллелограмм сил в направлении к своей личной власти и оказаться во главе равнодействующей этого «блока». Он не ненавидит Россию, но за ним стоит более умный и ненавидящий Россию крепко — М.А. Винавер».

В 1917 году И.А. Ильин во время беседы с П.Б. Струве спросил его: «Скажите, Петр Бернгардович, а что, следственная комиссия под председательством Н.К. Муравьева нашла в делах царской семьи что-нибудь подозрительное или обличительное в смысле государственной измены?» Задавая этот вопрос, он уже знал, что следствие опровергло все клеветы и слухи, распускавшиеся в этом направлении. Петр Бернгардович ответил: «Нет, ничего, решительно ничего; полная реабилитация!» «На каком же основании, — спросил Ильин, — Милюков произносил свою пресловутую речь в Думе 1 ноября 1916 года: «Глупость или измена»? Ведь этой речи многие поверили и подозрение в измене пало на царскую семью?»

Петр Бернгардович несколько замялся: «Видите ли... У него тоже не было никаких оснований...» — «Но в таком случае его речь была прямым призывом к измене Государю и Династии!..» — «Видите ли, — объяснил мне П.Б., который в 1917 г. давно уже вышел из конституционно-демократической партии, — центральный комитет партии считал тогда, что в борьбе с Троном показуется (т.е. является целесообразной) прямая политическая инсинуация». Мы знаем, что послереволюционная Следственная Комиссия была вынуждена совершенно «реабилитировать» царскую семью от всех этих клевет и подозрений.

В своем интервью «Российской газете» в 2010 году Эдвард Радзинский называет Милюкова и «всю элиту — светлыми, благороднейшими людьми». А вот Г.Е. Распутин дает им более точные характеристики: «Не проглянуло нигде милости Божией, ни в одной черте письма, а одно зло — как брат Милюков, как все братья зла...», «Человек он ничтожный... милости Божией и на делах нет...»

Еще один «борец за правду» — председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, позаимствовав только для собственного изучения под свое честное слово материалы «дела Распутина» у товарища по Пажескому корпусу — дворцового коменданта Дедулина, стал показывать эти материалы другим лицам. Причем, показывал не сами материалы расследования, а те фальшивые обвинения, которые были опровергнуты следствием. И лгал без стеснения, не испытывая, никаких угрызений совести. Когда весть о таком беспардонном подлоге дошла до царской четы, то Родзянко потерял в глазах Николая II и Александры Федоровны всякое уважение. Однако это нимало не смутило председателя Госдумы. Он продолжал свою борьбу. И в этом ему активно помогала его жена А.Н. Родзянко.

«Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается всё больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем, он как русский царь еще более преступен». Это выдержка из письма Анны Николаевны, супруги председателя Государственной Думы, написанного незадолго до крушения монархии. Взгляды самого Родзянко никогда и ничем не отличались от воззрений жены. Супружеская пара была едина во мнении — «царь преступен».

В письме к княгине З.Н. Юсуповой (матери Феликса Юсупова) от 1 декабря 1916 г. Анна Николаевна называла Государыню — «сумасшедшей немкой», а в письме от 24 декабря 1916 г. писала: «Несмотря на весь окружающий нас мрак, я твердо верю, что мы выйдем победителями как в борьбе с внешним врагом, так и с внутренним. Не может Святая Русь погибнуть от шайки сумасшедших и низких людей; слишком много пролито благородной крови за славу и честь России, чтобы дьявольская сила взяла верх».

А.Н. Боханов характеризует мемуары М.В. Родзянко «Крушение империи», как «книгу тенденциозных политических анекдотов и инсинуаций, которая больше говорит об экзальтированном состоянии автора, чем о последнем времени монархической России. По степени лживости опус Родзянко смело можно поставить в один ряд с такими «шедеврами распутиниады», как «Дневник Вырубовой» или «Святой черт» Илиодора».

Участник убийства Г.Е. Распутина Феликс Юсупов с юности был мужеложником и, по словам А.Боханова, в образе «очаровательной мадемуазели» его видели многие рестораны и кафе-штанганы в России и в Европе. У князя-транссвестита слушались и свои «великие виктории». Кроме того, Феликс активно занимался оккультизмом, о чем он сам писал в своих воспоминаниях, уверяя: «Я занимаюсь оккультизмом давно...»

Такая вот связка людей образовалась: «лукавый» Великий князь Николай Николаевич, масон Джунковский, расстрига Илиодор, бессовестный Гучков, атеист Милюков, «лжец» Родзянко, «ревнитель» Новосёлов, «нечаевец» Пругавин, «буревестник революции» Горький и «золотое масонское перо» Амфитеатров. Эта «связка» обеспечивала и всеобъемлющее формирование мифа о Распутине и доставку информации практически во все слои общества. А замыкающим в качестве палача выступил извращенец и оккультист князь Феликс Юсупов. Вот такими, исключая священнослужителей, ибо их только использовали в своих комбинациях, предстают перед нами главные противники Государя, выдвигавшие обвинения в адрес царской семьи и Г.Е. Распутина. Насколько же велико было духовное помрачение российской «элиты», когда сами, пребывая в состоянии дьявольской одержимости, они полагали, что служат идеалам Святой Руси!

Можно ли в полной мере доверять свидетельствам этих людей? Ведь они обвиняли Г.Е. Распутина в том, в чем сами в первую очередь были повинны. Они обвиняют его во лжи, в разврате, во влиянии на государственные дела. Но многие из них сами были и лжецами, и развратниками. И сами так повлияли на государственные дела, что и государства-то не осталось.

Следует вспомнить еще об одной фальсификации, которую устроил участник будущего убийства Г.Е. Распутина В.М. Пуришкевич. Он взял обычную фотографию дружеского чаепития Г.Е. Распутина с духовно близкими ему людьми, отпечатал ее в количестве девяти тысяч экземпляров и с надписью «Григорий Распутин и его поклонницы» разослал в действующую армию. Так строилась и продолжает строиться вся мифология вокруг личности Г.Е. Распутина.

Неразрешенные вопросы

По мнению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, «в серьезном анализе нуждаются и суждения о Г. Распутине его современников. Особое значение в данном

случае, конечно, имеют дневники императора Николая II и его переписка с императрицей Александрой Федоровной». С этим предложением нельзя не согласиться. Переписка царственной четы шла на английском языке. Кроме того, в распоряжении большевиков, к которым эта переписка попала, были и научные кадры и технические средства, позволяющие фальсифицировать эти письма. Часть переписки оказалась за рубежом. Есть предположения, что большевики специально организовали эту «утечку информации».

Эти письма были изданы в переводе еще одного февральского революционера В.Д. Набокова, который после свержения Государя занимал пост Управляющего делами Временного правительства. Можно ли в полной мере доверять такому переводчику, а тем более документам, которые побывали в руках чекистов-большевиков? Поэтому, когда мы в письмах Государыни читаем фразу «наш Друг приказал» и вообще все акценты в этой переписке, связанные с Г.Е. Распутиным, учитывая, что английский язык очень скуп, а русский, наоборот, очень богат, надо постараться увидеть в этих строках не только руку Государыни, но и «руку» большевистской ЧК и перо масона-переводчика.

Общеизвестно, что епископы Варнава и Исидор были близкими друзьями Г.Е. Распутина до самой его смерти. Епископ Варнава в одном из писем к Государю прямо называл Григория Ефимовича Другом. А епископ Исидор его отпевал. Причем епископ Исидор также подвергся лживым наветам. В Исторической энциклопедии Института русской цивилизации сообщается, что «клеветнические обвинения до сих пор тяготеют над его именем, они помешали и решению о его церковном прославлении».

Профессиональных людей в России хватало, а искренне верующих в Бога, верных присяге и Государю в то время оказалось крайне мало. Так, начальник «охранки» генерал А.В. Герасимов в своих воспоминаниях пишет: «Как известно, Государь Николай II отличался сильной склонностью к мистицизму. В начале его царствования многие питали надежды на то, что под влиянием своей жены, образованной женщины, одно время даже, кажется, слушавшей лекции в Оксфорде, царь излечится от излишнего мистицизма. Жизнь не оправдала этих надежд. Не царь под влиянием недавней оксфордской студентки повернул от мистицизма к трезвому реализму, а, наоборот, царица под его влиянием вдарилась в такой мистицизм, равному которому мы не найдем в биографиях членов нашего царственного дома». Эти строки «с головой» выдают всю духовную, а вернее бездуховную состав-

ляющую внутреннего состояния «высокопрофессионального» генерала.

С другой стороны, зам. министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов генерал Курлов пишет в мемуарах, что его «...поразило глубокое знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами», и характеризует его как доброго человека, который «неоднократно высказывал чувство христианского прощения своим врагам».

Директор Департамента полиции А.Т. Васильев в своих воспоминаниях говорит о том, что результаты расследования подтвердили его первоначальное предположение, что никакой компрометирующей Распутина корреспонденции, никаких писем к нему от Царицы нет. Он пишет: «Я также провел расследование, чтобы узнать, хранил ли Распутин документы, деньги или драгоценности в одном из банков. Это расследование также не дало результатов — еще одно доказательство правоты моего убеждения в нелепости скандальных слухов по поводу Распутина».

По поводу мнения «авторитетных священнослужителей» и «выдающихся государственных деятелей» можно только сказать, что это спорный вопрос. Выдающимся государственным деятелем того времени можно назвать с некоторой натяжкой убиенного премьер-министра П.А. Столыпина и, бесспорно, нашего св. страстотерпца Царя Николая, который многие годы — не благодаря, а вопреки своему окружению и обстоятельствам удерживал страну на краю революционной пропасти и вовсе не по своей вине не смог ее удержать. Других «выдающихся» государственных деятелей на политическом горизонте Российской империи начала XX века не наблюдается — их просто не было.

Что касается авторитетных священнослужителей, то, проявляя всякое уважение к высоким санам, а также к предыдущим и будущим их заслугам перед Матерью-Церковью и даже посланное некоторым от Господа мученичество, следует отметить, что большинство из них в конкретный исторический момент предали Государя, поддержали его свержение и даже преподали благословение «благочестивому Временному Правительству», состоящему из убийц, клятвопреступников, политических мошенников и предателей России. Можно ли считать таких священнослужителей авторитетными и доверять их мнению в полной мере? Это уже вопрос даже не профессиональной компетенции, а вести каждого отдельного человека.

Достаточно точное свидетельство о том, чем были озабочены в то время церковные иерархи, можно услышать из уст са-

мого Григория Распутина: «В монашестве же нет спокойствия, а есть борьба: то с собственным телом, то с мирским духом. Разве это праведники, что в клубуках состязаются из-за Патриаршего Престола?.. Антоний Волынский, Сергей Финляндский!.. Разве этого нужно им искать и указывать?..»

К слову сказать, в большинстве опубликованных в последние годы историком Сергеем Фоминым или на сайте «starosti.ru» немногочисленных газетных интервью перед нами предстает как раз подлинный Григорий Распутин. Точно такой, как и в книгах с его изречениями или записями, которые еще тридцать лет назад «поразили» будущего владыку Тихона (Шевкунова). Его речь проста и рассудительна, полна веры и житейской мудрости. А его интонации и обращение к корреспонденту «мил человек» — вызывает в памяти аналогию с незабвенным образом Горкина из шмелевского «Лета Господня».

Прочтем отрывки из широко известных воспоминаний Феликса Юсупова: «...злоба и ярость душили меня. Какое-то необъяснимое состояние владело мною. Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало. Все божеские и человеческие законы в эту минуту были попорчены...» В.М. Пуришкевич, также пишет о том, что Феликс «...подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении». И недаром Государь назвал их в своем дневнике «извергами». Более точную характеристику для этих людей вряд ли сыщешь.

Следует добавить, что Феликс Юсупов был «достойным» сыном своей матери, которая считала благочестивую Императрицу Александру Феодоровну своим заклятым врагом. З.Н. Юсупова, согласно записи в дневнике великого князя Николая Михайловича, была в «диком восторге, что Феликс — убийца Гришки». А.Н. Боханов указывает, что «матушка Феликса княгиня Зинаида Николаевна, так и не сумевшая достойно воспитать сына, считала возможным морализировать по всякому случаю, публично бросать обвинения в «неприличном» поведении многим. В последние годы существования монархии она сделалась резким критиком Царя и Царицы, которые по ее разумению вели себя «неподобающим образом»: принимали у себя «не тех», разговаривали «не так» и т.д.». Именно она своими поношениями и призывами «подталкивала сына на преступление, которое тот и совершил».

Известно негативное мнение о Г.Е. Распутине великой княгини Елизаветы Федоровны. Но ее взгляды и не могли

быть иными, ибо, по словам Ф.Юсупова, она «была тесно связана» с его матерью «многолетней дружбой» и «вполне разделяла все ее опасения». В этом смысле великая княгиня имела мнение, основанное только на той информации, которую поставляла ей примерявшая на себя роль «спасительницы отечества» близкая подруга или еще одно доверенное лицо — Джунковский. Получается, что свое мнение она, не будучи лично знакома с Г.Е. Распутиным, строила только на основании информации доверенных лиц. А доверенные лица оказались либо проходимцами, либо преступниками, либо недалекими, страдающими самомнением людьми. Этих людей Государыня весьма точно назвала «московской ханжеской кликой Эллы».

Итак, практически все общество оправдало убийц Г.Е. Распутина. Этот оправдательный для «извергов», а также сочувствующих им лиц посыл можно прочесть почти во всех оставленных ими мемуарах. Где же логика? Если все эти люди считали возможным такое убийство, то в чем тогда обвинять большевиков, которые таким же образом без разбора, без суда и следствия убивали сотни тысяч верующих и неверующих людей, среди которых, несомненно, было и множество тех, кто радовался этому убийству. Но если такое убийство допустимо для одного человека, то почему последующие убийства такого же характера становятся недопустимыми для других? Можно конечно найти оправдание для убийц — мол, Распутин был в чем-то виновен. Но даже виновность человека не подразумевает такого вопиющего беспредела и насилия.

А что если все-таки Распутин был ни в чём не виновен? А что если он вовсе не был тем человеком, которым его в ходе хорошо спланированной клеветы представляли средства массовой информации и салонные сплетники? И если это так, то тогда в российской истории всё встает на свои места. Тогда мы «по грехам нашим — достойное приемлем». Потому что это убийство есть одно из главных революционных событий. А далее Господь попустил и свержение Государя, и приход к власти большевиков именно для того, чтобы все, кто считали себя последовательно «невиновными», побывали на месте ранее «виновного» в их глазах...

Духовный смысл этого неожиданного для всего общества прихода к власти большевиков для «исцеления» отпадающего от Бога русского общества пророчески точно выразил в одной из своих послереволюционных проповедей друг Григория Распутина — епископ Варнава (Накропин): «Что вы вините большевиков, что испортили ваших детей. Сами виноваты. Сами вы пьете и детей приучаете... Пили шампанс-

кое, платили десятки и сотни рублей, а ведь не догадались пожертвовать в пользу церкви хоть пустые бутылки... Что посеешь, то и пожнешь. Вместо свеклы малина не вырастет... Нет, что ни говорите, а надо молить большевиков, чтобы они еще годочков на пять остались, чтобы хорошенько вышколить нас». Эти слова вполне могут быть адресованы и к нашему современному обществу. Потому что и сегодня наследники «императорской фамилии», а также гучковых, милликовых, джунковских, юсуповых, голицыных, новосёловых и прочей «московской клики» — «зубами держатся» и будут держаться за версию о виновности Г.Е. Распутина. В этом их оправдание, за которое они будут «стоять насмерть».

Хорошо известно, что и среди духовенства, и среди преподавателей духовных школ сегодня находятся наследники «почетного профессора» — мученика Михаила Новосёлова, которые хоть и приняли канонизацию царской семьи, но мнения своего о ней не изменили и как мантры повторяют измышления и ложь о «безвольном царе», «истеричной императрице» и «развратнике Гришке». Ибо это есть последнее оправдание их самих и, главное, их предшественников — последнее оправдание устроенной этими людьми революции в России. Это не большевики, а именно они явились революционными первопроходцами, которые потом «слились» и все последовавшие со страной и с ее народом беды свалили на Распутина, на царскую семью и на большевиков.

А если Распутин был невиновным, то тогда виновными и в клевете, и в смерти его, и в гибели царской семьи были и остаются многие члены «императорской фамилии», большинство членов Государственного Совета и Государственной Думы, Церковное священноначалие, высшие офицеры армии и флота, газетные пасквильянты и множество-множество народа, поверившего в навязанную ложь и воспринявшего ее без рассуждения, как правду. Виновны и все те, кто поверил и продолжает этому мифу верить.

Почему же мы, прощая всем и всё, не можем простить меньшего зла тому даже выдуманному Распутину? А потому что был, как сейчас выявляется, настоящий, невыдуманный Григорий Распутин, который не имел ничего общего с созданным клеветниками образом. Ведь только подумать — для того, чтобы опорочить этого человека, была создана целая индустрия: написаны сотни томов книг, регулярно продолжают сниматься лживые фильмы и публицистические передачи, поставлен балет и прочитаны сотни лекций. А еще: название водки и ресторанов, и даже непристойный музейный экспонат в последние годы откуда-то вытащили... Или «правда»

никогда в этом деле не имела значения? И не была ни тогда, ни сейчас не нужна тем, кто в этом заинтересован? И мы, поборники чести, православные христиане, молча на всё это взираем. А Господь с печалью взирает на нас...

Ведь достаточно было поверить царской семье, их детям, будущей монахини Марии — Анне Вырубовой, князю Н.Д. Жевахову, Юлии Ден, генералу Курлову, Марии Головиной, епископам — друзьям Григория Ефимовича, духовнику царской семьи — протоиерею Александру Васильеву, старцу Макарию Алтайскому и другим честным и чистым людям — и миф о Распутине уже тогда бы перестал существовать. Но поверили другим — нахрапистым лжецам: сначала тем, кто владел средствами массовой информации, потом тем, кто выжил в революционной катастрофе и был востребован, чтобы этот миф продолжал существовать и разрастаться.

Князь Н.Д. Жевахов писал: «Не был Распутин в моих глазах «святым»... Не был он и тем преступником, каким сделала его народная молва... И всякий честно мыслящий человек скажет о Распутине то же, что говорю я на страницах моих воспоминаний и что до меня сказали А.Ф. Романов и В.М. Руднев, А.А. Вырубова, А.А. Мордвинов и многие другие чистые люди, думавшие так, как Бог велит, а не так, как приказывают думать жида».

Совершилось жестокое, садистское убийство. А русское общество приветствовало это убийство и радовалось ему. Телеграммы с поздравлениями шли пачками. А царская семья плакала и скорбела. С кем же мы? Со скорбящей царской семьей или с теми, кто радовался этому убийству?

Анна Вырубова пишет в воспоминаниях: «Не было конца письмам и телеграммам, задержанным полицией и приносившимся во дворец. Многие были написаны родственниками и близкими друзьями, людьми высокого ранга, и все они обнаруживали глубину бездушия и предательства, каких раньше и не могли вообразить несчастные монархи. Когда императрица прочла эти послания и поняла, что в рядах ее врагов оказались ее ближайшие и самые дорогие друзья, голова ее упала на грудь, глаза потемнели от горя и все лицо, казалось, высохло и постарело».

Убиенного Г.Е. Распутина отпели по православному чину и с благочестием похоронили, положив гроб с его телом в основание строящегося храма прп. Серафима Саровского в Царском Селе. Прошло около трех месяцев, и через несколько дней после свержения Государя одним из первых революционных деяний в начале марта 1917 года было кощунственное извлечение из могилы тела Григория Ефимовича и его

сожжение ночью 11 марта около большой дороги из Лесного в деревню Пискаревку. Это что — тоже «патриотический поступок»? Это православные христиане так поступили? И ведь никто из «императорской фамилии» или из священноначалия ни тогда и ни сейчас ни слова не сказал о том, что такие действия характеризуют людей, организовавших это и участвовавших в этом кощунстве, как самых отвязанных безбожников и сатанистов.

Есть еще один аспект этого надругательства. В своем романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский устами старца Зосимы говорит о том, что «... любит человек падение праведного и позор его». И когда старец умер, его тело подверглось поношению из-за улавливаемого любопытствующими «тлетворного духа». Но ведь по-христиански они должны были просто поскорбеть и помолиться о душе усопшего. А они вместо этого пришли понюхать, как «провонял» старец. Таким образом великий писатель показал, что как при жизни, так и после нее старец Зосима явился неким индикатором, характеризующим нравственное состояние общества, шаткость его веры и его духовное смердение. И если провести аналогию, то похоже, что Григорий Распутин явился в начале XX века таким же «индикатором», который в полной мере высветил «духовное смердение» русского общества, поверившего клевете и на него, и на царскую семью. Общества, которое не воспротивилось его убийству и не обличило кощунственное надругательство над его телом.

Григорий Распутини и теперь является «индикатором», который показывает нашу духовную слепоту. Потому что собранные исследователями за последние тридцать лет материалы вопиют о том, что он не был тем человеком, каким его в начале XX века представляли «желтая» пресса и салонные сплетники, а сегодня продолжают представлять их наследники. Но эти показания почему-то до сих пор не востребованы и не принимаются к глубокому рассмотрению и изучению ни Синодальной комиссией, ни исторической наукой, ни обществом.

В книге А.Н. Боханова, пожалуй, можно не согласиться только с тем, что он отрицает в этом убийстве т.н. английский след. Однако современный английский историк Эндрю Кук на основании недавно открытых засекреченных документов называет сотрудников британских спецслужб непосредственными организаторами и исполнителями убийства Г.Е. Распутина. В своей книге «Убить Распутина» он достаточно убедительно доказывает, что это убийство было подготовлено и осуществлено английской военной разведкой МИ-6, а конт-

рольный выстрел в голову Григория Ефимовича с очень близкого расстояния сделал офицер английской секретной службы Освальд Райнер. (Англия всячески стремилась втянуть Россию в войну, а Григорий Распутин пытался удержать Николая от этого шага.) На «английский след» еще по совершенно свежим воспоминаниям указывал в своих мемуарах бывший до переворота Товарищем Обер-прокурора Св. Синода князь Н.Д. Жевахов, который писал, что Распутин «был предательски убит английскими агентами интернационала». А английскому послу Дж. Бьюкенену даже лично пришлось ехать к Государю и объясняться по поводу участия офицера британской миссии в этом убийстве. Собственно, и свержение Государя с Престола осуществлялось в тесном контакте с представителями иностранных государств и практически под их руководством. Какой уж тут «патриотизм» и «преданность царю»? Сплошное предательство... И вспоминаются слова Государя: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Известно, что Григорий Распутин имел дар молитвы и исцелял ею столь дорогого сердцам царской семьи и части русского народа Наследника, который готовился и мог стать самым великим, самым милосердным и мудрым Государем Российской империи. Ибо на собственном примере знал цену нравственного страдания и физической боли. Но не сложилось — не заслужили русские люди этого счастья.

Враги Государя и государства при помощи и под руководством явных и секретных иностранных агентов оклеветали, подвергли истязаниям, садистски убили, надругались над телом и сожгли человека, который всего лишь призывал, как и Христос, любить друг друга и по мере своих человеческих сил пытался проповедовать слово Божие. Эти же люди были участниками заговора против Государя с целью его свержения, а, следовательно, несут непосредственную ответственность за мученическую гибель царской семьи, которая так же, как и убиенный ими Г.Е. Распутин, подверглась посмертному поношению и сожжению.

Но и сегодня российское общество продолжает жить ложью, посеянной этими людьми.

Русская народная линия

ВРЕМЯ ПОВОРОТА СОЛНЫШКА НА ЛЕТО

РАССКАЗ

Под старый Новый год Пётр Мокеевич Нелюбин открыл вдруг для себя, что световой день прибыл. Если ещё месяц назад к четырём смеркалось, то сегодня, за час до закрытия булочной, куда он собрался за батоном, было светло.

Такое малозначительное, но приятное открытие подвигло его на кое-какие уточнения. Он присел к столу, снял со стены календарь и с интересом стал изучать долготу дня, время восхода и захода солнца, обозначенные на отрывных листах. День, убедился Пётр Мокеевич, действительно прибыл — и прибывал уже не на воробьиный скок, а, как говаривала некогда покойная матушка, на куриный шажок.

— Вот так вот, Женя, — с чувством сбывшегося ожидания произнёс Пётр Мокеевич, обращаясь к жене, сидевшей напротив и перебиравшей гречку к ужину. — Денёк-то прибыл крадучись... Покатила зима с горки.

— Покатилась-раскатилась, — в тон ответила Евгения Степановна и, показав глазами на обледенелое с улицы окно, добавила с усмешкой. — Тот весна, гляжу, вдгонку разбежалась, запыхалась прямо...

ПРОЗА

— Прямо или криво, а придёт по расписанию, никуда не денется. Солнышко на лето — календарный факт. Неопровержимый.

Давно Пётр Мокеевич не заглядывал в календари, не под считывал денёчки до желанного события — такого в его жизни и не предвиделось: что должно было свершиться, то свершилось. Сам три года как пенсионер, жена — год без малого, детьми, а, следовательно, внуками Господь не одарил, как ни вымаливали в молодости, так что подсчитывать денёчки приходилось разве что до третьего числа — до пенсии. Он и весну-то из времён года особенно не выделял. Весна, конечно, не зима с её морозами-метелями, но и приятного немного: то снег с дождём, то дождь со снегом... Сырость, слякоть на дворе. Он не весну любил, а время поворота солнышка на лето, когда мысли о тепле и свете согревали душу...

Ещё какое-то время помусолив листки календаря, Пётр Мокеевич отправился в булочную. И ходил-то с полчаса, не больши. Взял батон да завернул в молочный за кефиром, а по пути купил в киоске «Советскую Россию» — любимую «совраску», которая ещё стояла за таких, как он, — выжатых и брошенных на произвол судьбы. Когда он вернулся, жена обронила:

— Кто-то только что звонил.

— Кому? — не понял Пётр Мокеевич.

— Тебе, кому!

Он скинул обувь у порога.

— И кто же мне звонил?

— А не назвалса даже.

— Кто бы это мог? — Пётр Мокеевич разделся и прошёл с покупками на кухню. За ним — Евгения Степановна с перебранной крупой на доннышке кастрюльки.

— А чего звонил-то, Женя?

— Тоже не сказал. Спросил: дома, нет? Ответила, что в булочную вышел.

— И перезвонить не обещал?

— Не пообещал. Сразу бросил трубку.

— Тоже мне, ответчица! Можно было и спросить, кто, по какому поводу... А вдруг не перезвонит?

— А не перезвонит, значит, так и нужен! — отрезала жена. — Чего засуетился, будто ждал звонка откуда-то?

— Не ждал, а просто любопытно, кому понадобится мог...

После чая он взял свежую газету и прилёг на тахту. Возле телефона. Так, на всякий случай.

Сто лет ему никто не звонил. Жене с бывшей работы позванивали часто верные подруги, а ему — сто лет. Как умер. Ну, сто не сто, а года два, однако, точно...

А впрочем, нет — звонили в декабре с телефонной станции. Девичьим строгим голоском было строго спросено: «Абонент Нелюбин? Номер «три сорок четыре два нуля»?»

Он поперхнулся от внезапной сухости во рту и подтвердил скороговоркой: «Да, да, да... Три сорок четыре...»

«Если вы, Пэ Эм Нелюбин, не внесёте плату за квартал до первого числа, — перебила юная особа, — телефон отключим. Без предупреждения. Вы поняли меня?»

«Всё понял!» — Он, как ни странно, не расстроился, не записовал, а до того обрадовался неожиданному звонку и неприветливому, но всё ж таки живому человеческому голосу, обращённому к нему пусть и не по имени-отчеству, как принято у добрых-то людей, а по инициалам, что некстати, чуть ли не за месяц поздравил позвонившую с Рождеством и Новогодьем (в таком именно порядке и почему-то с Новогодьем, а не с Новым, как обычно, годом — опять же, видно, от волнения). На что девицей с телефонной станции была допущена слабинка в голосе и было смятенно молвлено: «Спасибо вам, но плату всё-таки внесите — сами понимаете, что себе дороже... К тому же акция у нас: в Новый год — без долгов...»

Как было не внести? Сходил и внёс.

Содержание прочитанной статьи не воспринималось. Пётр Мокеевич вздохнул, сложил газету вчетверо.

— Женя, слышишь? Голос — старый, молодой?

— Какой ещё там голос? — откликнулась из кухни Евгения Степановна.

— Да по телефону-то!

— Вот дался ему голос! — Евгения Степановна с наброшенным на руку полотенцем неслышно вошла в комнату, уставилась на мужа взором психодиагноста. — Я думала, ты спишь с газетой на носу.

— Уснёшь, пожалуй, как же... Голос, спрашиваю, старый или молодой?

— Не сказать, что молодой, но вроде и не старый... Не поняла я толком.

— Не Гусев с третьего подъезда? За шахматами, может, не с кем посидеть?

— Что ж я, Гусева басочка не признала б? Сроду он нам не звонил.

— Да и телефона у Гусева-то нет, — вспомнил Пётр Мокеевич. Он бросил сложенную вчетверо газету на тахту, встал и подошёл к окну. — Кто бы это мог?

— Выбрось ты из головы!

— Выбрось вот попробуй! А не из пенсионного случайно? Не насчёт ли регистрации какой-нибудь опять? Хотя... отту-

да тебе звонят. — Прошёлся от окна до телефона и резко обернулся. — А как он обратился-то?

— Господи! — взмолилась Евгения Степановна. — Ты доконал меня сегодня. Что же я, за ним записывала, что ли? Так и обратился: здравствуйте, мол, нельзя ли передать трубочку Мокеичу..

— Моке-еичу? — подался вдруг вперёд Нелюбин. — Ты не ошиблась, Женя? Так и сказал — Мокеичу?

— Да ну тебя, на самом деле! Прямо как на допросе! — Евгения Степановна вернулась на кухню.

Мокеичем Нелюбина называл на службе, в управлении, лишь Костя Григораш.

В первый год после того, как Петра Мокеевича тихой сапой выдавили в отпуск, а из отпуска — на пенсию, позванивал преемничек Костя Григораш. Позванивал, понятно, не по доброте душевной — душевности у нынешних явно не в избытке. Выдавить-то выдавили с должности начальника отдела, а с чего начать работу, как задействовать давнишние отлаженные связи, на то опыту, смекалки не хватало. Вот и растерялся Костя поначалу. Звонил, водил вокруг да около, интересовался настроением, здоровьем, планами на лето, даже предлагал, хитрец, путёвку (на какие шиши ехать после обгайдаривания?), а между тем намёками и недоговорками вытягивал советы да подсказки...

Был повод для обиды! Не согласись он, Григораш-то, на предложенную должность, всё могло бы для Нелюбина остаться так, как было. Так и подмывало проявить характер! Но не проявил, не опустился, слава Богу, до отместки. Вздыхал да поучал. Наставлял. Подсказывал. Душа болела за работу — нынешним опять же не понять. Но Григораш обтёрся, освоился на должности да и забыл наставника. А там и Пётр Мокеевич свыкся с положением.

«Неужели он, голубчик? Вспомнил? Устыдился? Решил поздравить с Рождеством? Поздно спохватился. Со старым Новым годом? Премного благодарен! Я, Костя, не спесив... И сам могу поздравить. Вот возьму да звякну. На опережение».

Но тут же вклинились сомнения: «А вдруг звонил не он? Мало ль, кто когда-то называл Мокеичем? Тот же Гусев с третьего подъезда. Всех и не упомнишь. Не-ет, скажет Григораш, не звонил сегодня, не было нужды! И что тогда — умыться?»

И всё же позвонил. Через две недели, устав от ожидания повторного звонка. С утра Евгения Степановна, наказав купить кефиру и батон, отправилась к подруге. Оставшись в одиночестве, набрал номер телефона своего преемника с на-

мерением бросить трубку сразу же, как только Костя отзовется. Удостовериться, что дома...

Абонент незамедлительно ответил утробным женским голосом:

— Слушаю... Алё?

И Пётр Мокеевич дал маху.

— Простите, — просипел он. — Я, кажется, ошибся...

Он посидел у телефона на тахте с отрешённым взглядом, оделся и пошёл. Но не за батоном и кефиром. Слепо, безотчётно вышел на центральную оживлённую улицу и через полчаса упёрся в ограждение родного управления...

То, что он увидел, потрясло. Некогда обшарпанное, сырое и мрачное здание управления выглядело лёгким трёхэтажным теремком под блистающим на солнце кровельным железом. Он неуверенно толкнул входную дверь, зашёл внутрь и замер...

«Матушка родимая!»

На какое-то мгновение ослеп от бьющей в глаза роскоши внутренней отделки. Куда девался тот привычный коридор, грязный и прокуренный, холодный и заплёванный слоняющимся людом — рабочим и служилым? Во всю солидную длину залитого светом коридора стены были облицованы какой-то белой, тёплой на взгляд крошкой, схожей с пузырьками пенопласта, но с розовыми тонкими прожилками, а ослепительно сияющий — зеркальный? — потолок отражал зелёную ковровую дорожку..

По ступенькам крутой парадной лестницы он медленно поднялся на пролёт и глянул вниз — туда, где раньше коротали рукодельем смену бабушки-вахтёрши. На месте бабкиных тумбочек стояло некое подобие кабинки с врезанным окном и телефонным аппаратом на подставке. Из кабинки неожиданно выскочил белокурый молодой омоновец с упитанным лицом, дожёвывающий что-то на ходу. Увидев постороннего, встал и поморгал оцепенело, затем вдруг густо покраснел и ринулся наверх.

— Вы как сюда попали? Кто вас пропустил? Пропуск предъявите!

Теперь оцепенел и Пётр Мокеевич.

— Какой ещё вам пропуск?

— Так вы без про-опуска?! Немедленно назад!

— Я на пять минут. На третий, в отдел сбыта.

— Немедленно назад! И без пререканий. Что у вас в пакете?

— Ничего.

— Короче, быстро вниз, не понуждайте к силе! — И подтолкнул Нелюбина плечом.

— Ты кого толкаешь? — как порох вспыхнул Пётр Мокеевич. — Ты... ты щит возьми с дубинкой, прежде чем толкнуть... И каску нахлобучь на пустую голову! А то я так толкну, что как звать забудешь!..

На шум откуда ни возьмись предстал второй омоновец. С выправкой атлета, с зачёсанными на косой пробор чёрными выющимися волосами.

— Какие проблемы?

— Да вот, — кивнул с потухшим видом белокурый. — Отвлёкся на секунду, а этот тут как тут... Пулей проскочил! Да ещё без пропуска. Обыскать?

— Не надо. — Осмотрев Нелюбина с ног до головы, черно-волосый приказал: — Выпишите пропуск. В бюро вход со двора. Паспорт при себе?

— Да вот не при себе! — развёл руками Пётр Мокеевич.

— Что же вы без документов?

— Я всё объясню... Я — Пётр Мокеевич... Нелюбин. Работал в этом управлении... Ветеран труда. В кои веки вздумал попроведать, а тут такая катавасия! И этот... боевик розовощёкий, — просверлил глазами белокурого, — обыскивать собрался!

— Успокойтесь, Пётр Мокеевич. Кого хотели видеть? — перебил черноволосый.

— Григораша... Константина.

— Хорошо, звоните. Аппарат внизу. Знаете пароль?

— Какой ещё пароль?

— Номер по внутренней связи.

— Что ж вы издеваетесь, молодые люди! — взмолился Пётр Мокеевич. — Паролей напридумывали тут, как в бункере у этого!.. Не знаю никаких паролей!

— Да что мы тут толкуем с ним!?! Вышвырнуть, и все дела, раз по добру не понимает! — встрепенулся белокурый.

Напарник осадил:

— Ладно, помолчи. И вы не горячитесь, как вас?.. Пётр Мокеевич? Григораш — фамилия вашего знакомого?

— Костя Григораш, — подтвердил Нелюбин, чувствуя, как сдавливают сердце. — Ладно, я пошёл. Ничего не надо.

— Вы присядьте на минутку там, внизу. Я сейчас всё выясню.

Нелюбин медленно спустился по ступенькам.

— Ничего не надо!

Он вышел из здания и присел на заснеженную скамью у края расчищенной дорожки.

Черноволосый не заставил себя долго ждать.

— Что, отец, остыл немного? — Он дружелюбно улыбнулся и подсел к Нелюбину. — Вы не обижайтесь. Порядок тут

такой... Служба! А ситуация такая: уволен ваш знакомый. Месяц как уволен по истечении контракта. Где искать, не знаю. И ещё... я вижу, вы не в курсе. Управления, в котором вы работали, больше не существует. Жаль, конечно. Я сам в нём начинал... Водителем. Теперь тут — частная компания, новые хозяева. О-очень серьёзные люди! Вот так. Такая ситуация.

Нелюбин промолчал, лишь сильнее съёжился...

Из распахнутой настежь двери средней школы по противоположной стороне улицы на двор высыпала стайка детворы и пошла стенка на стенку в рассыпающиеся пухом на лету снежки.

«Тоже ведь весну почуяли!» — улыбнулся Пётр Мокеевич.

Светлая печаль растеклась по сердцу. И даже от сознания того, что внешний его мир отныне замкнут в суженном пространстве от дома до киоска «Роспечать», не улетучилась улыбка...

Солнышко на лето! А со временем зачатия весны в вечно живой природе так много было связано в жизни: от беспричинного восторга, жертвенной любви, ощущения полёта и прилива сил до безмятежного сознания неотвратимости ухода... Чего ещё желать?

Костя Григораш пришёл домой к обеду.

— Чем порадуешь сегодня? — встретила жена холодным взглядом.

— Ничем. Пока ничем. Всё — пустые хлопоты. Найти работу нынче — не пустяк.

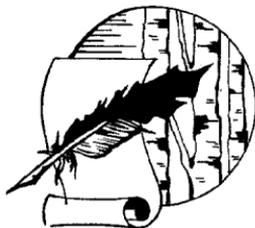
— Что-то затянулись твои хлопоты. — Жена поджала губы и выдержала паузу. — Кто-то только что звонил...

— Кому? — застыл на месте Григораш.

— Не знаю, кто, кому... Позвонил да извинился, сказал, ошибся номером... Но голос показался знакомым.

Григораш разделся и умылся, причесался перед зеркалом и прошёл на кухню. Уставив глаза в стол, раздумчиво спросил:

— А голос... старый? Молодой?

Анатолий НЕСТЕРОВ

ЭХО ЮНОСТИ БЫЛОЙ

* * *

Всё повторяется в природе:
и этот дождь, и этот гром,
и эти птицы в небосводе,
которых меньше с каждым днём,
и грусть осенняя мелодий,
и первый поцелуй зимы.
Всё повторяется в природе,
не повторяемся лишь мы.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Уже утраты и потери
ко мне приходят по ночам.
Ещё скрипят с надеждой двери:
открыть, шагнуть, бежать, начать...

Уже за прожитые годы
сомненья по ночам берут.
Ещё предчувствие свободы
и счастья будит поутру.

И длится ночь зимой, и длится...
Старая, юный снег кружит.
И кажется, когда не спится,
что эта ночь длинней, чем жизнь.

* * *

Года, минутами шурша,
блуждают где-то в мирозданье,

где бродят первые свиданья
и в сны приходят не спеша.

И в этой лунной тишине
звезда щеки моей касалась.
А мне, наивному, казалось:
ты возвращаешься ко мне.

* * *

Сегодня небо голубое,
как двести лет тому назад...
Оно такое же, такое,
и золотится вновь закат.

И кажется в лесу порою,
что время замедляет бег.
Всё тоже небо голубое,
всё тот же дождь, и тот же снег.

И сосен сонные макушки
мне шлют привет из прошлых лет.
Гусары пьют, гуляет Пушкин...
Дантес готовит пистолет...

* * *

Я чувствую всегда вину,
когда друзья уходят раньше...
Как будто предал их в плену,
как будто обманул на марше.

На марше жизни все равны,
бессильны мы перед судьбою.
...И в этом нет моей вины,
но сердце... сердцу нет покою.

* * *

Огни новогодние тают,
и ёлки о лесе грустят.
А наши вчерашние тайны
прощаться никак не хотят.

Мечты, словно вольные птицы,
уносятся в звёздную высь.
И пусть никогда им не сбыться,
я рад, что они родились.

И в ночь поздравлений отрадно
коснуться пленительных плеч.
Мне нового счастья не надо,
мне прежнее нужно сберечь.

* * *

Вдали от шума и от прений,
от суеты, фальшивых премий
писал стихи, встречал рассвет,
не думая о славе, Фет.
Он осознал давно, что слава —
пустая детская забава.
Важнее — плещется река
и серебрится в ней строка.
А если что-то в жизни вечно —
так этот синий майский вечер.

* * *

Дом из брёвен нежилой.
Окна наглухо забиты.
Те, кто жил здесь, позабыты.
Так забудут нас с тобой.

Дом угрюмый, нежилой
и никто сюда не въехал.
Крикнул я — и только эхо
чьей-то юности былой.

Всё проходит чередой...
Но всегда, как в наказанье,
за удачи мстят страданья,
что отпущены судьбой.

* * *

Предел возможностей, желаний...
Судьбы подвох или пробел?
Я в юности забыто-ранней
пределам верить не хотел.

Я думал кстати и некстати,
что вечен мир.
Он — без конца!
...За всё, за всё мы в жизни платим.
...А годы капают с лица.

* * *

В эту зиму очень много,
много снега намело.
С небом сходится дорога,
всё бело, белым-бело.

Запорошены деревья,
снег и снег со всех сторон.
Я сейчас живу в деревне,
словно вижу белый сон.

Вдруг безмолвье нарушает:
«Н-но!!! Живей бери разгон!»
Сани... Лошадь... Долетает
снег из пушкинских времён.

* * *

Сколько недопетых в жизни песен,
дней сгоревших, улетевших вдаль...
Как пиджак, который стал мне тесен,
я отбросил мнимую печаль.

Хватит мне печали настоящей,
хватит дней осенних, чтоб понять:
всё равно бессмертны птицы в чашах,
жизнь прекрасна — даже без меня!

И когда грохочут летом грозы,
я беды от них совсем не жду.
Знаю я, что счастливы берёзы,
устремляясь листьями к дождю.

Знаю я: в нелёгком мире этом
счастье чередуется с бедой.
Жизнь, как бег во время эстафеты,
и у каждого отрезок свой.

г. Воронеж

ЧАСТИ РУССКОГО МИРА

Русский мир возрождается! Возрождается, несмотря на различные трудности и противодействие наших «заклятых друзей». И сегодня это уже очевидно всему миру.

На Родину уже вернулись Крым, Абхазия и Южная Осетия. Пока — только эти маленькие осколки разрушенной великой империи.

Но если мы будем добросовестно и много работать, если сохраним традиционные нравственные и духовные ценности, если будем едины в своих целях и мнениях, то уже совсем скоро и остальные части Русского мира вновь соберутся в единую многонациональную империю, в которой все народы будут по-братски равны и построят своё общее Великое Отечество.

А пока к этому будущему необходимо готовиться. Нужно постигать русскую культуру, учить русский язык и историю нашей Родины, хранить, приумножать и распространять эти знания, чтобы никто не мог ввести в заблуждение и сбить с правильного пути ни нас с вами, ни наших потомков.

РУССКИЙ МИР

А теперь расскажу о тех местах, которые были окроплены кровью русского солдата и жители которых присягали на верность русскому царю, о тех государствах и землях, что когда-либо входили в состав России, об осколках Русского мира.

Белоруссия

Как известно, Белоруссия стала самостоятельным государством лишь в 1991 году. До предательства Горбачёва её жители вполне неплохо жили в составе СССР в качестве союзной республики, а до возникновения СССР — в составе Российской империи.

В империю Белоруссия была включена путём постепенного присоединения земель, ранее находившихся в составе Речи Посполитой, а если заглянуть ещё глубже в прошлое — Великого княжества Литовского и Древней Руси.

Белоруссия всегда несколько отличалась от Великой Руси особенностями языка, народных традиций и национальных костюмов. Её города имели более широкое самоуправление, подобное Магдебургскому праву, но жители этой земли по крови были славянами, по вере — православными и всегда ощущали себя частью России.

Украина

Украина также впервые возникла как самостоятельное государство по итогам революции в Российской империи в 1918 году и после года независимости вновь вошла в состав теперь уже СССР в качестве одной из республик.

При этом в своём современном виде страна существует только благодаря усилиям всех народов Российской империи. Не будь этих усилий, юго-восточная половина нынешней Украины была бы превращена в дикую пустыню.

Вплоть до XVIII века территория современных Одесской, Николаевской, Херсонской, Днепропетровской, Запорожской, Харьковской, Донецкой и Луганской областей была практически необитаема вследствие набегов татарских орд из Крыма. Здесь находилось Дикое поле.

Лишь во времена Екатерины Великой набеги татар полностью прекратились, Крым стал русским, а вышеназванные земли были заселены светлейшим князем Потёмкиным малороссами и великороссами из центральных губерний. Так появилась Новороссия, позже административно включённая в состав Украины.

Западная Украина и венгерское Закарпатье, населённое русинами, стали украинскими благодаря заботе Иосифа Виссарионовича Сталина, вновь вернувшего эти земли в состав СССР.

Украина, а вернее Малороссия, до XX века никогда не была самостоятельным государством. После дробления Древней Руси её земли постоянно переходили из рук в руки. В разное время разные части Малороссии и Западной Украины (в прошлом Галицко-Волынское княжество Древней Руси) контролировали поляки, турки с татарами, австрийцы, венгры, пока наконец эти земли не собрались в составе России.

Украина также всегда имела собственный оттенок русской культуры, обычаев и языка, но общую с Россией веру и стремление к единству.

Прибалтийские республики

В древности славяне расселялись далеко в Европу. Западные границы их земель находились на Эльбе (Лаббе). Отсюда наша схожесть с немцами, поляками и прибалтами, в жилах которых течёт немало русской крови.

В Средние века славянские племена лютичей, бодричей и пруссов, жившие на территории современной Германии, были романизированы, обращены в католичество и почти утратили славянскую идентичность и язык. Хотя кое-что осталось, например название Лейпцига соответствует русскому Липецку — оба «города лип».

Прибалтийские славянские племена — эсты, ливы и латгалы были онемечены намного позднее, во времена святого князя Александра Невского Тевтонским орденом, хотя не так качественно, как немцы, а литовцы и ятвяги попали вначале в зону русского влияния.

Позже на землях Литвы возникло Великое княжество Литовское, которое из-за феодальной раздробленности Руси вобрало в себя Белоруссию и в унии с Польшей стало могучей Речью Посполитой. Позже это государство было разрушено. Главным образом не внешними врагами, а внутренними интригами магнатов и гонористой шляхты.

При этом земли Литвы стали русскими наряду с землями Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Латгалии, частью отторгнутыми у шведов, частью купленными у них же, а частью присоединившимися добровольно.

Здесь до 1991 года также не было своей государственности (1918 год, когда на краткий срок самозванным «правитель-

ством» была незаконно провозглашена независимость от Российской империи, не в счёт). Соответственно, не могло быть и «оккупации» земель, которые уже более 200 лет как были российскими.

Многие местные дворяне (бароны Остен-Сакены например) были верными слугами общего нашего Отечества, а местные купцы сделали состояние именно на российской балтийской торговле.

Грузия, Армения, Азербайджан

А вот у Грузии своё независимое государство было. Во времена великой царицы Тамары Грузия вообще включала в себя чуть ли не весь Кавказ. В этой стране живет целый ряд народностей, разговаривающих на нескольких языках, но в единое целое их объединяет общая культура и православие.

Как и вышеописанные страны, Грузия постоянно служила яблоком раздора. Вначале между Византией и Персидской империей, потом между Персией и Османской империей. В итоге Грузия была поставлена на грань уничтожения. И в 1783 году царь Ираклий подписал Георгиевский трактат и отдал страну под покровительство России.

С этого момента фактически, а с 1801 года юридически Грузия находилась в составе России. С 1917 года она стала одной из республик СССР и вновь отделилась лишь в результате вредоносной деятельности Горбачёва.

Армения (а если быть точным, Восточная Армения) также была присоединена к России в начале XIX века — в царствование Николая I по итогам русско-персидских войн. И состояла её частью до того же самого года, что и Грузия.

У Армении непростая судьба. В прошлом это также было крупное независимое государство с самобытной культурой, в одну из эпох объединявшее весь Кавказ. Армения — страна дохалкидонского православия с собственным алфавитом, неоднократно подвергавшаяся геноциду со стороны турок и персов.

В итоге всех национальных катаклизмов солидная часть армян живет во Франции и Испании, часть — в Восточной Армении, часть — в Западной Армении, входящей ныне в состав Турции. При этом Западная Армения, не являющаяся самостоятельным государством, почти втрое больше Армении Восточной.

Азербайджан имел свою государственность в Античности и периодически — в Средние века. Периодически потому, что

эти земли постоянно завоёвывались другими странами: Монгольской империей, Персидской империей, Арменией, Грузией.

Наконец, в начале XIX века эта территория вошла в состав Российской империи, где и пребывала до 1991 года.

Казахстан

Казахи были тюркским кочевым народом, проживавшим на территории Центрально-Азиатской степи. Они входили в состав Монгольской империи Чингисхана, а с XVI по XIX век имели собственное ханство, состоящее из 3 жузов (уделов): Старшего, Среднего и Младшего.

Постепенно, начиная с первой трети XVIII века, земли Казахстана стали входить в состав России путём экономической и культурной экспансии, основания в степи русских городов и встраивания казахов в число русской иррегулярной армии. К середине XIX века все земли современного Казахстана стали частью Российской империи.

Казахи сохранили собственный язык и самобытную культуру, которые, однако, во многом заимствовали из культуры России. Письменность и образование пришли в страну вместе с русским населением.

Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан

Кокандское и Хивинское ханство, Бухарский эмират, области кочевых туркмен и Памир были покорены российскими войсками вследствие восточных походов в XIX веке.

Правда, в отличие от карательных экспедиций западных держав, уничтожавших массы туземного населения, русские войска стремились принудить власти и население этих государств к миру и освободить русских и казахских невольников, ведь отряды вышеперечисленных среднеазиатских государств регулярно разоряли набегами земли казахов и горстки русских поселенцев.

В итоге пришлось ввести в эти земли русские военные контингенты и начать втягивать их в орбиту Русского мира. Заслуга в индустриализации, просвещении и подъёме культурного уровня Средней Азии принадлежит в основном советской власти, хотя начался этот процесс ещё в Российской империи. При этом древняя культура Средней Азии несколько не подавлялась. Наоборот, она обогатила собой русскую культуру.

Молдавия

До XIV века территория современной Молдавии была частью владений различных племенных союзов и государственных образований, в том числе и Древней Руси.

С XIV по XVI век Молдавское княжество было самостоятельным, пока его не покорила Османская империя. Страна исповедовала православие и была довольно богатой как культурно, так и экономически в силу своего удачного географического положения: возле Чёрного моря и реки Дунай — крупной европейской водной артерии на стыке русской, турецкой и европейской цивилизаций.

В 1711 году молдавский господарь Дмитрий Кантемир в Яссах присягнул на верность России, однако вследствие неудачного Прутского похода Петра Великого княжество пришлось вновь вернуть османам.

Борьба за него растянулась на два с половиной века. Молдавия по частям (Бессарабия, Буковина, Западная Молдавия) вновь отвоёвывалась Россией, входила в состав Румынии, пока наконец окончательно не стала частью СССР по окончании Второй мировой войны. Независимость страна, постоянно тяготеющая к России, получила в 1991 году.

Польша

Государственность и величие Польши не подлежат сомнению. В определённый момент истории эта держава была столь могучей, что именно на её базе могло произойти объединение славянского мира. Тогда в её составе были многие германские территории, Литва, Беларусь, Малороссия, Западная Украина и даже некоторые великорусские территории.

Но т.н. «западные ценности» — демократия и магнатская вольница в итоге подорвали возможности Польши настолько, что она перестала существовать. Сыграло свою роль и противостояние с другими крупными державами — Австрийской империей, Пруссией, Швецией, Россией и Турцией.

Польша перестала существовать как самостоятельное государство в 1795 году по итогам третьего раздела между Россией, Австрией и Пруссией. При этом к России отошли Малороссия, Белоруссия и Литва, а коренные польские земли и Западную Украину поделили Пруссия и Австрия.

В результате наполеоновских войн карта Европы была несколько раз перекроена, и созданное им из бывших австрийских и прусских провинций Польши Герцогство Варшавское почти полностью вошло в состав Российской империи под названием Царства Польского в 1815 году.

Целый век поляки были в составе России, пока Первая мировая и революции 1917 года вновь не привели её к самостоятельности.

Финляндия

Великое княжество Финляндское находилось в составе Российской империи с 1809 по 1917 год. Попало оно туда, будучи отторгнутым от Швеции по итогам Русско-шведской войны 1808—1809 годов.

Территория пользовалась столь широкой автономией, что финны могли даже не служить в русской армии, а указы императора должны были проходить утверждение сеймом Финляндии. Именно в период русского владычества Финляндия испытала подъём национальной культуры и экономики.

Если же погрузиться глубоко в историю, то в Древней Руси финны, как и корелы, лапландцы и прочие северные народы, находились в орбите русского влияния и торговали с новгородскими купцами.

Ляодунский полуостров

Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний были переданы России Китаем в аренду на 99 лет с правом её продления или покупки этих земель.

Порта-Артур был незамерзающей военной, а Дальний — гражданской гаванью на Тихом океане, что было очень важно для освоения этих земель Россией. По итогам позорного Портсмутского мира «полусахалинский» граф Витте сдал эту и ряд других русских территорий японцам.

Аляска

Аляска была открыта экспедицией казака Семена Дежнёва в 1648 году, а позже заселена русскими охотниками (вместе с Алеутскими островами), ради промысла меха морского бобра (именно такой «бобровый воротник» имел в виду Пушкин в «Онегине»).

Русская Америка граничила на юге с калифорнийскими владениями испанцев не доходя 80 км до Сан-Франциско, где русские и испанцы плодотворно дружили.

В самой южной точке наших владений там был основан форт Росс и поселились крестьяне, чтобы снабжать Аляску местной пшеницей. На Аляске велась активная православная миссия, а дети индейцев учились в школах наравне с русскими поселенцами.

Аляска была продана США в 1867 году во время угрожавшей России войны с Великобританией, так как тогда эти

территории было сложно оборонять (Транссибирской магистрали и ледоколов ещё не было).

Гавайи

Были в составе России всего 1 год. Но были. Вождь Кау-муалии присягнул на верность русскому императору в 1816 году. На Гавайях было даже заложено 3 русских крепости и 1 торговая фактория.

Но центральные власти не поддержали усилия Русско-американской компании по освоению островов и к концу 1817 года контроль над ними перехватили американцы.

Архипелаг Шпицберген и остров Медвежий

Острова были присвоены Норвегией вследствие революции 1917 года. До этого большинство государств признавало за этой спорной территорией российскую принадлежность.

По-русски Шпицберген называется Грумант. Архипелаг был разведан викингами и русскими поморами одновременно — ещё около X века.

Острова были богаты птицей и морскими животными, но никому особенно не были нужны — проще было ловить вокруг них рыбу и бить китов, чем и занимались русские и европейские рыбаки до начала XX века.

Правда, русские рыбаки часто зимовали на островах, а в некоторые исторические периоды имели здесь небольшие постоянные поселения. Поэтому острова следует считать русскими, особенно в свете нижеследующих сведений.

Восточная Норвегия

Как и Финляндия, в X веке Восточная Норвегия входила в орбиту влияния Древнерусского государства. Русскими считались земли Норвегии на восток от фьорда Тромсё.

В начале XI века князь Ярослав Мудрый подарил часть земель к востоку от Тромсё будущему норвежскому королю Харальду III в качестве приданого за дочерью.

Остальные русские земли в Восточной Норвегии были аннексированы Швецией в период феодальной раздробленности Древнерусского государства.

Архипелагское великое княжество

Архипелагское великое княжество возникло на территории Османской империи во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Когда русский флот сжёг все турецкие корабли в Чесменской бухте, 27 греческих островов Эгейского моря присягнули на верность императрице Екатерине II и стали активно помогать русской эскадре в борьбе с турками. Столицей новой российской губернии стал город Ауза на острове Парос. Русские моряки и сухопутные войска начали обосновываться здесь всерьёз и надолго.

Но по итогам Кучук-Кайнарджийского мирного договора это завоевание России было сдано туркам нашими дипломатами.

Западная Армения

Борьба России за объединение Армении велась веками. В ходе Русско-турецких войн Западная Армения по частям присоединялась к России, чтобы потом вновь вернуться к Турции и снова быть отвоёванной.

Максимум наших владения здесь достигли к 1916 году в результате наступления, которое было вызвано геноцидом армян турецкой армией.

В состав России тогда вошли Трапезунд и Карс, Эрзерум, Эрзинджан, Баязет и Ван. Однако армянам не суждено было воссоединиться полностью. Революция ввергла Российскую империю в хаос, а Западная Армения вновь досталась Турции.

Южное побережье Каспия

Не все знают, что Россия когда-то владела и им. Мы получили Решт, Астрабад и всё южное и западное побережье Каспия по итогам персидского похода императора Петра Великого.

Позже императрица Анна Иоанновна вернула южное побережье Каспия Персии в обмен на помощь в войне с турками. Но помощи этой так и не получила.

Хоккайдо

Последняя из земель, когда-то бывших в составе России. Хоккайдо в древности назывался Эдзо и наряду с Сахалином был населён айнами.

В отличие от японцев айны относятся не к монголоидам, а к европеоидам. Люди этой народности носили густые бороды и усы, имели крупное телосложение и по большей части промышляли охотой на пушного зверя и рыболовством.

Ещё в XVII веке российские землепроходцы, добравшиеся до Дальнего Востока и Аляски, открыли Курильские острова, которых насчитывали 22. Причём 22-м островом считался именно Эдзо.

Русские землепроходческие и торговые миссии неоднократно посещали Хоккайдо. При этом сама Япония считала остров иностранной территорией. Об этом в официальной переписке ещё в 1792 году говорил глава центрального правительства Японии Мацудайра Саданобу.

А первый ясак (налог пушниной) Российской империей был получен с айнов Эдзо ещё в 1779 году, когда они и были приняты в русское подданство.

Эдзо был захвачен и вошел в состав Японии только в 1869 году как заморская территория. При этом остров был переименован в Хоккайдо.

Некоторые из вышеперечисленных земель теперь не имеют с Россией устойчивых культурных связей. Но за каждую из них было заплачено русским потом, русской кровью, русскими деньгами (как за Эстонию), а значит, когда-нибудь они по справедливости могут вновь оказаться в составе России.

Павел ДМИТРИЕВ

УЖЕ АДЫГИ ЭТО ПОНИМАЮТ

Тихо и незаметно для широкой публики, как это обычно и бывает, произошло событие, поверить в которое ещё несколько лет назад было совершенно невозможно. В Майкопе — столице республики Адыгея — на совместном заседании общественной организации «Старейшины адыги» и местного отделения Изборского клуба, с участием гостей из Кабардино-Балкарии и Москвы, была выдвинута фундаментальная для дальнейшего развития нашей страны общественная инициатива: вернуть русскому народу и законодательно закрепить его статус «государствообразующего народа России».

Казалось бы, здорово. Однако невыполнимо. И вот почему. Множество русских имеют мнение о том, что они братья с украинским и белорусским народами. При этом вопрос о госу-

дарствообразующем статусе русских автоматически упирается в вопрос о статусе их братьев — украинцев и белорусов.

А дальше — больше. У других народов также возникают вопросы, чем они хуже украинцев, если вместе с русскими воевали, вместе строили, делали историю страны и, кстати, не выходили из ее состава, как это сделали братья.

Вообще-то российская империя прекрасно жила без лозунга о братстве русских с украинцами и белорусами. Ни о каком таком братстве вообще понятия не было. Русские были великороссами, и все понимали, что это значило.

Тема братства возникла из большевистской политики, так как решительная смена верховной власти и элит предполагала новые формы существования наций. Нации, примыкавшие к русским, остались под их патронажем и защитой, как было и в российской империи. Но при этом русский народ стал еще и донором множества наций, а в связи со сменой элит места русских в них заняли представители малых народов, получивших карт-бланш в связи с утратой великороссами статуса государствообразующей нации, что, кстати, автоматически вытекало из свержения самодержавия русского царя.

Если схематично изложить эту концепцию, то она выглядит примерно так. Каждый осетин, калмык, башкир, тувинец, украинец или латыш (и ранее равный русскому) приобрел право получать от русского содержание, вложение в развитие своей экономики, инфраструктуры, образования, культуры, т.е. право требовать не как равный от равного, а как младший брат от старшего, более развитого и сильного...

То есть концепция пролетарского братства сводилась, в частности, к тому, что интернациональной обязанностью русских как старших братьев стала необходимость расселяться на территориях народов и строить там города, заводы, университеты, прокладывать дороги, решать вопросы развития культуры младших братьев. Скольким из них дали письменность и создали национальные университеты! Но что это дало 20 миллионам русских, оставшихся за пределами РФ?

При этом уровень жизни младших братьев традиционно должен был быть выше уровня жизни русских. Это тоже необходимый элемент большевистской концепции дружбы народов СССР, что неудивительно, так как вся национальная политика СССР создавалась представителями малых народов: евреями, украинцами, грузинами, латышами — кем угодно, только не русскими. Чтобы у малых народов не было повода чувствовать себя ущемленными, им, в частности, давали дотации на строительство жилья, в то время как русским таких дотаций не давали. И всё это осталось в памяти. В памяти осталось, как украинские, прибалтийские города и

деревни имели уровень жизни, на порядок превышающий уровень жизни российской глубинки, в то время как вклад русских в ВВП СССР был основным: русские дотировали экономику национальных окраин. Соответственно росла рождаемость окраин, а рождаемость русских падала.

Если бы СССР сохранился в том же виде, что имел на момент своего крушения, то сегодня бы сто миллионов русских содержали бы двести миллионов национальных процветающих окраин. Тех окраин, что не без оснований, а по факту реального превосходства в уровне жизни постепенно меняли уважение к русским на презрение и ненависть.

Это из той поры происходит настойчивая требовательность украинских и белорусских братьев по снижению цен на энергоносители. Два десятилетия мы стеснялись предложить Украине мировые цены на газ и нефть, потому как привыкли считать их братьями, а они возмущались всякой нашей попыткой их повышения, оскорбляясь, как близкие родственники, что одновременно не мешало тем же украинцам в школах и СМИ открыто формировать мировоззрение ненависти к русским.

Поэтому, когда русские говорят о славянском братстве, мне кажется, это ошибка. Эта точка зрения, как представляется, не имеет реального национального содержания, а является таким чисто славянским следствием пролетарского интернационализма.

Думается, что все идеи славянского братства, так или иначе реализованные в политике России, были исторически безрезультатны. Начиная от присоединения Украины, затем Польши, борьбы за славян Болгарии или вступление в Первую мировую из-за Сербии.

Да, в войнах белорусы и украинцы в большинстве своем были с нами. Но реальные отношения наций начинаются тогда, когда люди из окопов расходятся по своим национальным квартирам. И как только уходят из жизни поколения войны, уходят носители окопного братства, у наций остаются лишь реальные интересы, люди руководствуются уже не столько прошлым, сколько настоящим и будущим.

Без признания русских государствообразующей нацией Россию вперед не двинуть. Это поняли адыги, но еще никак не могут понять русские. Им всё кажется, что братство с украинцами и белорусами важнее статуса великороссов.

Но это пока. Пока ребром не встанет вопрос о выживании...

При этом мнение старейшин Адыгеи о государствообразующем статусе русских, как мне думается, предполагает их лояльность и к идее верховенства русской нации...

ПЕРВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

Либералы против памятника Грозному Царю

Сегодня уровень противостояния между Россией и нашими т.н. «западными партнерами», по мнению многих экспертов, напоминает времена самого ожесточенного противоборства между СССР и Западом в годы холодной войны. На Западе вновь формируется образ огромной агрессивной России, которая нависает над маленькими и беззащитными европейскими странами, намереваясь вторжениями русских танковых армاد растоптать очаги цивилизации и демократии на Европейском континенте. А во главе этой мрачной и тоталитарной страны стоит Путин — безжалостный и жестокий диктатор. Выходец из зловещего КГБ, Путин в своем средневековом Кремле вынашивает планы восстановления то ли СССР, то ли Российской империи, т.е. страшной «тюрьмы народов», в которой страдали под гнетом «русских варваров» свободолюбивые латыши и грузины, украинцы и жители неких «Идель-Урала» и «Казаккии». Информационная война является важнейшей частью т.н. «гибридной войны», которую ведут против России наши «заклятые друзья». И одним из важнейших участков информационного противоборства является битва за историю. Хо-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

рошо известно, что тот, кто преподает историю молодому поколению, формирует будущее страны. Всего за 23 года на Украине с помощью учебников «благотворителя и мецената» Сороса искусственно создали поколение людей, твердо уверенных в том, что некая «Московия», населенная смесью финно-угров и монголов, веками угнетала несчастную Украину-Русь, насильно отторгнув «древний украинский народ» от братской семьи «цивилизованных европейских народов». К сожалению, работа над искажением Русской истории началась не с учебников Сороса. Карамзин в IX томе своей «Истории» тоже опирался на свидетельства «генерала Власова XVI века» изменника Курбского, на свидетельства посланника римского папы иезуита Антонио Поссевино, на свидетельства немецкого авантюриста Генриха Штадена и пр. «друзей» России. В российском обществе либеральные историки старательно пытались закрепить образ Царя Иоанна Васильевича Грозного как «кровавого тирана» и «чудовища на троне». В наши дни над тем, чтобы закрепить ложь и клевету иноземцев о первом Русском Царе неустанно трудятся Радзинский, Лунгин и пр. «медиаперсоны» из либерального лагеря.

27 августа в Орле открылся памятник Царю Иоанну Васильевичу Грозному. 450 лет назад Грозный Царь основал славный город Орел. Всего в царствование Государя Иоанна Васильевича было построено 155 городов, основано 60 монастырей, были сокрушены Казанское и Астраханское ханства, присоединена Сибирь, территория Русского государства увеличилась в два раза, были проведены военная и судебная реформы, создана первая регулярная армия, учреждены и проводились Земские соборы. Но несмотря на это, решение жителей Орла поставить памятник Государю Иоанну Грозному вызвало истерическую реакцию либеральной общественности по всей стране.

Казалось бы, на фоне мощнейших антирусских информационных кампаний, развернутых в подконтрольных «мировому интернационалу ростовщиков» СМИ, на протесты российских либералов против памятника Царю Иоанну Васильевичу Грозному можно не обращать внимание. Но любопытно, что именно в царствование Грозного Царя на Западе была развернута первая информационная война против России. И затем во всех информационных кампаниях против Российской Империи и Советского Союза на протяжении веков методично повторялись русофобские мифы, придуманные во время этой первой информационной войны XVI столетия.

В годы Ливонской войны европейцев впервые стали запугивать нашествием диких орд «русских варваров», были вве-

дены, говоря современным языком, экономические санкции против Московской Руси, объявлено «эмбарго на доступ к высокому технологиям». Времена меняются, вместо печатного станка Гутенберга используются цифровые технологии и «всемирная паутина», а мифы и легенды об «ордах русских варваров», угрожающих мирной Европе, о мрачной «империи зла» во главе с «жестоким тираном» остаются прежними.

Цинизм западных политиков и бойцов «информационного фронта» не знает предела. Майдан в Киеве, где бойцов «Беркута» сжигали «коктейлями Молотова» и расстреливали снайперы, нашими «западными партнерами» объявлен «мирным демократическим волеизъявлением народа». Извергов, которые отрезают головы детям и женщинам, в США называют «демократической сирийской оппозицией». Мы видим, как наши «западные партнеры» упорно не замечают сожженные люди в Одессе, наблюдатели ОБСЕ упорно «не видят», как два с лишним года каратели киевской хунты методично громят из тяжелых орудий кварталы городов на Донбассе, убивая сотни мирных жителей — женщин, детей, стариков. Говорить о «двойных стандартах» уже неприлично — это все равно, что упрекать доктора Гебеля за то, что он в своих выступлениях по берлинскому радио обманывал население третьего рейха. Это настоящая война, которую ведут с нашей страной. И исторический опыт убеждает, что особенно яростно вопли о «русской агрессии» раздаются в то время, когда «цивилизованная Европа» готовит очередное нашествие на «варварскую Россию».

«Русские варвары» и мирная «Джорджия»

Впервые многие наши соотечественники столкнулись с тем, что можно откровенно и бессовестно лгать, называя черное белым, в 2008 году. После войны 08.08.08 последние иллюзии о том, что на Западе существуют свободные и независимые СМИ, рассеялись как дым. В августе 2008 года мы все могли убедиться в том, какими методами ведется информационная война с Россией.

В ночь на 8 августа Грузия вероломно напала на Южную Осетию. По приказу президента Грузии Саакашвили грузинская армия залпами тяжелой артиллерии и реактивных систем залпового огня «Град» сносила с лица земли спящий Цхинвал, грузинские солдаты вместе с иностранными наемниками безжалостно и методично убивали мирных жителей, стариков, женщин и детей. Шквальный огонь грузинская армия обрушила и на российских миротворцев, которые выполняли свою

миссию в Южной Осетии по мандату ООН. Погибали сотни мирных жителей, выполняя свой долг, погибли русские солдаты-миротворцы. В эти дни все европейские телекомпании непрерывно демонстрировали кадры горящего Цхинвала. Но зрителям сообщали, что на экране не погибающая столица Южной Осетии, а грузинский город Гори, который варварски разрушают русские войска. Неделями во всех западных СМИ с негодованием рассказывали о том, как русские агрессоры 8 августа коварно напали на мирную Грузию.

Прошло совсем немного времени, и в Голливуде на скорую руку состряпали художественный фильм о том, как армады русских танков и полчища русских солдат в августе 2008 года вторглись на грузинскую землю. На экране кровожадные русские безжалостно истребляют мирных поселян, расстреливают счастливых молодоженов и гостей на веселых грузинских свадьбах. Храбрые американские журналисты, естественно, рискуя жизнью, снимают зверства русских. За репортерами охотятся страшные головорезы из русской зондеркоманды во главе со свирепым наемником-«казаком», желая уничтожить свидетелей преступлений. Но отважные американские репортеры спасают пленку, запечатлевшую русские зверства, чтобы рассказать всему миру правду о русской агрессии. В последнюю минуту от страшного «казака» американцев спасают героические грузинские спецназовцы, с которыми они когда-то вместе защищали демократию в Ираке. Фильм снимал автор знаменитых боевиков «Крепкий орешек-2» и «Скалолаз», а благородного президента Грузии Михаила Саакашвили изображал звезда Голливуда Энди Гарсия.

Русская армия в 2008 году за пять дней полностью разгромила и разогнала банды одетых в натовский камуфляж грузин и иностранных наемников. Русский солдат спас народ Южной Осетии от истребления. Напомним, что операция грузинской армии по «зачистке» Южной Осетии от населения называлась «Чистое поле». Разогнав по домам остатки 30-тысячной грузинской армии, которую пять лет старательно обучали и вооружали США и страны НАТО, боевые подразделения российских солдат покинули территорию Грузии, на которую вступили, преследуя разбитого агрессора. Российская армия по мандату ООН выполняла миротворческую миссию в Южной Осетии. Взятые на себя перед международным сообществом обязательства Россия выполнила, принудив агрессора к миру. Россией были предоставлены неопровержимые доказательства вероломного нападения Грузии на Южную Осетию, множество документальных свидетельств о том, как грузинская армия хладнокровно и мето-

лично убивала российских миротворцев и мирных жителей. Международное сообщество было вынуждено официально признать агрессором развязавшую войну Грузию. Сегодня этот факт никто не пытается оспаривать.

Но большинство обывателей в США и Европе и до сих пор уверены, что не грузины напали на Южную Осетию, а русские в августе 2008 года вероломно напали на маленькую мирную «Джорджию», чтобы захватить и оккупировать свободное и демократическое кавказское государство. В Голливуде, вероятно, снимут еще на эту тему несколько боевиков, напишут приключенческие романы о том, как храбрые грузины с помощью случайно оказавшихся на Кавказе журналистов из США успешно отразили нашествие с Севера несметных полчищ русских варваров. И через некоторое время этот художественный вымысел «бойцов информационной войны» будут использовать как доказательство извечной агрессии России против своих соседей. На Западе давно убедили обывателя, что огромная Российская империя, а затем СССР веками угрожали мирным европейским странам. Сначала завоевать Европу пытались «азиатские тираны» — русские цари с несметными ордами диких казаков. Затем генсеки пытались всех загнать в социалистический лагерь, угрожая ядерным оружием. А теперь зловещий Путин с помощью бывших агентов КГБ, «русской мафии» и газовой трубы угрожает европейской демократии. А потому необходимо Россию окружить базами НАТО и разместить систему ПРО у русских границ. Чтобы уберечь «цивилизованные страны» от извечной русской агрессии.

Вспомним историю. Чтобы спасти Европу от «русских агрессоров», в 1709 году выступил в поход на Москву Карл XII. Шведский король провозглашал в своих воззваниях, что идет освободить русских от «несносной тирании царя Петра». Избавить Россию от «тирании» Карл XII собирался, разделив русские земли на несколько маленьких государств с «демократическим» боярским правлением. В 1812 году Наполеон во главе армии, собранной со всей Европы, также шел на Москву, чтобы уберечь европейскую цивилизацию от «русской угрозы». И заодно освободить русских крестьян от крепостного права. В 1854 году, чтобы бороться с «русской угрозой», англо-французские войска вместе с турками высадились в Крыму и осадили Севастополь. Для того чтобы Россия не угрожала «европейской цивилизации», они намеревались отделить от Российской империи Украину, Прибалтику, Кавказ, Камчатку и часть Сибири, отрезать русских от Балтики и Черного моря. В 1941 году Гитлер также шел на Москву, чтобы «спасти европейскую цивилизацию от диких большевистских орд».

Напомним, что шведскую армию Карла XII разгромили не на Скандинавском полуострове, но под Полтавой. Полчища «двунадесят языков», собранных Наполеоном со всей Европы, сожгли и разграбили Москву. И лишь после этого, разгромив и изгнав врага с Русской земли, русская гвардия прошла победным маршем по Парижу. Германские войска стояли под Москвой и на Волге, опустошив и залил кровью нашу землю, и лишь после этого русский солдат, сломив врага, дошел до Берлина и водрузил знамя Победы над рейхстагом. Каждое столетие Россия подвергается опустошительным нашествиям с Запада. Но, несмотря на это, европейского обывателя продолжают запугивать и страшить «русской угрозой». Образцом антирусской лжи и клеветы стала деятельность министерства пропаганды третьего рейха, которое возглавлял доктор Йозеф Геббельс. Казалось, превзойти Геббельса в цинизме и бессовестной лжи трудно. Однако мы видим, что в XXI веке информационная война против России ведется не менее нагло и бессовестно, чем во время Великой Отечественной войны.

Но мало кто знает, что у Геббельса, оказывается, были очень умелые предшественники, и первая информационная кампания против России была развернута в далеком XVI веке в царствование государя Иоанна Васильевича Грозного.

Государь Иоанн Васильевич Грозный и «тиран» Иоанн Ужасный

Интересно, что в России первого Русского Царя Иоанна IV Васильевича называют Грозным. А на Западе — Иоанном Ужасным. Грозный и Ужасный... Кажется, должно быть понятно, что эти слова несут разный смысл. В Русской истории известен князь Дмитрий Грозные Очи. Иоанном Грозным называли и Великого князя Иоанна III Васильевича, окончательно свергнувшего иго Золотой Орды. В Православной Церкви Грозным называют Архангела Михаила. Всегда слово «Грозный» в древнерусских песнях и былинах означает не ужасный, но страшный для врагов отечества и врагов Божиих. Но, к сожалению, в последнее время и в России Царя Иоанна IV упорно стараются представить не Грозным государем, но кровожадным тираном Иоанном Ужасным. И начало такому отношению к первому Русскому Царю было положено в XIX веке в среде либеральной интеллигенции.

Среди русской либеральной интеллигенции было модно увлекаться западным образом жизни, стремиться к демократии и «прогрессу» и презирать «отсталую Россию» и «мрачное са-

модержавие». Царь Иоанн Грозный и был для них воплощением «азиатской деспотии» и «царских оков». Эта точка зрения на царствование государя Иоанна IV стараниями либералов стала господствующей в российском обществе. А на Западе легенда о кровожадном тиране Иоанне Ужасном стала основанием для мифа об извечной «русской угрозе», нависающей над мирной Европой. И страшные сказки о несметных полчищах «русских варваров», готовых вторгнуться в земли европейских народов, разрушая цветущие города и истребляя мирное население, распространяют в Европе с XVI века, с того времени, когда в Прибалтике разгорелась Ливонская война.

Рыцари Храма Соломона на берегах Балтики

Чтобы понимать причины Ливонской войны, надо обратиться к началу XIII века, когда на землях Прибалтики появились рыцари Тевтонского ордена и ордена Меченосцев. К этому времени под ударами германцев пали последние города прибалтийских славян. Земли на южном берегу Балтийского моря от Эльбы до Одера занимали племена ободритов, лютичей, поморян, вагров. Разрозненные племена славян-язычников не выдержали методичного натиска Германской империи. На помощь тевтонам стекались отряды рыцарей со всей Европы. Вслед за католическими монахами-миссионерами и рыцарями на славянские земли двигались купцы и немецкие колонисты. Вскоре остатки поморских славян были полностью онемечены. Завоевав славянское Поморье, германские рыцари огнем и мечом двинулись покорять лежащие к востоку земли пруссов. В это же время, высадившись и закрепившись на восточном берегу Балтийского моря, германцы стали насильно крестить предков эстонцев и латышей. При этом знать всех покоренных племен истреблялась, остальных обращали в рабов. Русские с прибалтийскими племенами издавна торговали и жили довольно мирно. И насильно никого не крестили. В Эстонии был основан князем Ярославом Мудрым русский город Юрьев. Скорее всего отношения с прибалтийскими племенами складывались бы так же спокойно, как и с теми финскими и балтийскими племенами, что постепенно вошли в состав Руси — корелой и белоозерской чудью, голядью и мещерой. Но всё изменилось с появлением в Прибалтике германских рыцарей. В это же время Русская земля подверглась страшному монголо-татарскому нашествию. Воспользовавшись слабостью разоренных, разгромленных и опустошенных монголо-татарскими полчищами русских княжеств, западные соседи — Польша,

Литва, Венгрия захватили часть русских земель. По благословению римского папы германские рыцари, закрепившись за это время в Прибалтике и покорив племена эстов, ливов и латышей, продолжили свой знаменитый «Дранг нах Остен» — натиск на Восток. По благословению римского папы тевтоны и меченосцы объединились в Ливонский орден. Рим объявил крестовый поход против «русских еретиков», поднимая на войну с Русью шведов, датчан, германцев. Однако святой благоверный князь Александр Невский разгромил шведов на Неве, а германских рыцарей — на Чудском озере и надолго остановил германский «натиск на Восток». Но Ливонский орден, прочно закрепившись в Прибалтике, с тех пор оставался заклятым врагом Руси.

Московские государи, собирая русские земли в единое государство, приглашали на службу европейских ученых и мастеров; Россия за два столетия ордынского ига в некоторых областях знаний серьезно отстала от Западной Европы. Но не всем нравилось укрепление Московского государства. Ливонский орден в это время активно участвовал в том, что сегодня назвали бы «экономической блокадой» и «эмбарго на поставку высоких технологий» в Россию. Европейских ученых и мастеров, которых приглашали на службу в Москву, ливонцы задерживали и сажали в тюрьмы, не пропускали на Русь и важное сырье и товары. К тому же в землях ордена жестоко преследовали православных. В 1472 году 6 января, когда православные празднуют Богоявление Господне, в городе Юрьеве, превращенном в немецкий Дерпт, во время праздничного Крестного хода городские власти схватили и заточили в темницу священника Исидора и всех прихожан его храма. Общине православных христиан города Юрьева под страхом смерти было приказано принять латинскую веру. Русские люди остались верными Православию и 8 января священник Исидор и все 72 человека, среди которых были старики и женщины, отроки, отроковицы и младенцы, были утоплены в прорубях на реке Омовже. Православная Церковь 8 января чтит память священника Исидора и 72 мучеников Юрьевских.

В Ливонии к православным относились с особенной ненавистью. Католики-латиняне давно враждовали с православными христианами. Но в Ливонии православных русских людей преследовали с особенной злобой и жестокостью. Некоторые иноземные авторы даже сообщали, что во владениях ордена за убийство православного выплачивают денежную награду. Объяснить эту ненависть можно связью Ливонского ордена с Орденом тамплиеров. Наверное, многие помнят зловещий образ храмовника Бриана Буагильбера

из романа Вальтера Скотта «Айвенго». Рыцари Храма Соломона, тамплиеры («тамплъ» — храм), были известны во всей Европе своими ростовщическими и банковскими операциями, а также пристрастием к оккультизму, т.е. чародейству, занятиям магией и колдовством. Это не случайно: как обычно, страсть к наживе, сребролюбие и подталкивает людей к подобным занятиям. Рыцари Храма сосредоточили в своих руках огромные богатства, даже стали чеканить собственную золотую монету. В Европе храмовники пользовались дурной славой; считали, что рыцари Храма Соломона занимаются чародейством и чернокнижием и связаны с тёмной силой. И для подобных утверждений имелись основания. Многие европейские государи серьёзно опасались тамплиеров, и рыцари-храмовники постепенно стали обладать огромной властью и влиянием.

Закончилось это тем, что во Франции король Филипп Красивый разгромил замки французских тамплиеров. В то время, когда французский король разорял гнезда храмовников во Франции, из Гавра ушла в неизвестном направлении флотилия, на которой, как считают, увозили золото тамплиеров. Было это в 1334 году. В это время в Ливонии рыцари Орденов меченосцев и тевтонов жили далеко не роскошно — с бедных племен ливов, латов и эстов взять можно было немного, хотя рыцари и обратили их в рабов (предварительно крестив). И внезапно в бедной Ливонии в этом же году начинается строительный бум — закладывают одновременно 34 крупных каменных замка, строят огромные каменные соборы, приглашают зодчих и мастеров из Европы. А в земле Ливонии, в кладах того времени появляются, как отмечают археологи, золотые экю, которые чеканили тамплиеры. Кстати, устав Ордена меченосцев был, по благословению папы, полностью списан с устава Ордена тамплиеров. Надо заметить, что, создавая образ мрачного «храмовника» Бриана Бугильбера в «Айвенго», христианский писатель Вальтер Скотт не случайно описывал рыцарей Храма Соломона сатанистами. На Руси их называли «соломоничи». Этим увлечением — чернокнижием и чародейством и объясняется лютая ненависть в землях Ливонии к православным. Защищая разоренные и оскверненные ливонцами православные храмы, с Ливонским орденом воевали и московские государи Иоанн III и Василий III. Ливонцы были разгромлены, притихли, обещали не преследовать православных и выплачивать Москве дань за то, что владеют захваченным русским городом Юрьевом. Но продолжали, как могли, пакостить русским. И царю Иоанну IV Васильевичу также пришлось воевать с Ливонией. В 1548 году в Россию были приглашены на службу около

100 европейских специалистов: врачи, мастера, зодчие, ученые. Но попасть на Русь они не смогли — ливонцы не позволили. «Юрьевская дань», которую Дерпт обязан был платить Московским государям, ливонцы выплачивать даже и не думали и любыми способами пытались прервать русскую торговлю на Балтике. Терпеть больше откровенно враждебные действия Ливонского ордена было невозможно. Русскому государству необходимо было обеспечить свободный выход к Балтийскому морю. Надо заметить, что государь Иоанн Васильевич пытался решить дело миром и вел с Орденом переговоры. И лишь после того, как договориться не удалось, началась Ливонская война.

«Дикие орды московитов» в Ливонии

Войска Ливонского ордена и ополчения немецких городов были очень скоро наголову разгромлены. Заклятый враг, веломством и силою утвердившийся в древних владениях русских князей в Прибалтике (о чем помнил царь Иоанн Васильевич и напоминал ливонцам во время переговоров, пытаясь решить дело миром), был разбит и сокрушен. Как же обошлись «русские варвары» с побежденным врагом? В Европе распространяли сочинения, в которых красочно описывали зверства «свирепых московитов». Сочинители, похоже, соревновались в том, кто придумает более ужасные пытки и казни, которыми «русские варвары» истребляли мирных жителей ливонских городов. Но интересно, как же обстояло дело в действительности. Вот что сообщает «Ливонская хроника» о взятии русскими Дерпта — древнего русского Юрьева.

Воевода Петр Иванович Шуйский, подписав после недолгой осады и бомбардировки города условия сдачи Дерпта, разрешил тем, кто не хотел оставаться под властью русского царя, покинуть город вместе со всем имуществом. *«После этого тронулись в путь не желавшие оставаться в городе все бюргеры и ратные люди со всем, что только могли захватить с собой. Их сопровождало много бояр и всадников, и им не было причинено ни малейшей обиды. Когда они выехали из города, военачальник князь Петр Шуйский потребовал, чтобы магистрат выслал несколько бургомистров, ратсгеров и выборных из общины для сопровождения его, князя, в город. Он, князь, прежде всего пришлет в город воеводу с несколькими людьми, которые внесут знамена мира, устроят во всем достодолжный порядок; бюргеры же должны оставаться в своих домах до тех пор, пока устроится хороший порядок, и пусть они нисколько не беспокоятся за себя.*

После этого в лагерь к военачальнику отправились (в качестве депутатов) несколько назначенных лиц от магистрата и общины, а также несколько членов капитула и два лица со стороны епископа. Князь благосклонно принял их, подал им руку, обещая милость великого князя и свое ходатайство за них».

После того, как в город вошли «лейб-стрельцы» царского воеводы, Петр Иванович Шуйский, «благородный и благочестивый человек», как сказано в хронике, обратился к жителям и русским войскам.

«Затем князь велел объявить, что под страхом смерти никто не смеет ничем обижать жителей города. Велел он также объявить, чтобы бюргерские люди не продавали в своих домах никаких напитков для ратных людей, в предупреждение несчастья. Всех русских ратников разместили в замке, в соборных помещениях и в оставленных жителями домах и строго смотрели, чтобы они никого не обижали, а кто в этом провинился, того князь велел постыдным образом бить и плетью наказывать; князь назначил также нескольких бояр со стрельцами для объездов по городу, которые ежедневно ездили кругом и забирали всех нетрезвых людей и всех, кто только неподобающе себя вел, и тотчас сажали в тюрьму. Видя это, бюргеры несколько успокоились в своем несчастье и не боялись уже открытого нападения и насилия.

После этого магистрат и община прислали князю в подарок корзину с вином, пивом и разными другими припасами и свежей рыбы и зелени, что и было принято благосклонно, и он еще раз объявил, что если окажется хоть какая-либо жалоба на его ратных людей, то пусть тот прямо обращается к нему: он сумеет наказать виновного и защитить всякого невинного. Спустя несколько дней он пригласил к себе в гости в замок магистрата, общину, эльтерманов и старшин и хорошо угостил их». Так рассказывает о поведении царского воеводы и русских войск «Ливонская хроника». А в Европе в это время распространяют листовки, в которых с безудержной фантазией описываются зверства московитов, распускаются слухи о диких насилиях, грабежах и убийствах, что творят русские в Прибалтике.

Но война, к сожалению, разгоралась. В борьбу за Ливонию вступили Польша и Швеция. Разгромленные царскими войсками ливонские рыцари решили продолжить борьбу с русскими. И в 1558 году, когда вражеские войска подходили к Дерпту, хроника сообщает о высылке из города ливонцев, способных поднять восстание:

«Дерптские бюргеры и те, кто только был способен носить оружие, были отправлены из города в Псков. Там их размести-

ли у псковских бургеров и не отпускали до тех пор, пока магистр отступил от Рингена в рижскую епархию; тогда их снова возвратили в Дерпт к их женам и детям, которым, впрочем, в их отсутствии, не было причинено ни какой обиды».

«В 1559 году, когда магистр снова расположился лагерем у Нюггенна, дерптские бургеры никуда не были отправляемы; но их поместили в ратуше, присылали им кушанье из их домов и никакого вреда не причинили».

Во время боевых действий были взяты в плен ливонские вожди, выступивших против русских. Те из них, кто успел принести присягу русскому царю, а затем вероломно напал на небольшие русские гарнизоны, убивая стрельцов, были казнены. Казнены, подчеркнем, как изменники. Но с пленным магистром и остальными обошлись милостиво. Вот что рассказывает хроника. Вновь напомним — Ливонская хроника:

«Таким-то образом москвиты, в августе 1560 года, взяли крепкий замок Феллин, лучшую крепость страны, и увезли главу всей страны, благочестивого старого магистра Вильгельма Фюрстенберга, в Москву, и дали в пожизненное кормление ему и его слугам замок, называемый Лублин (Любим), где он впоследствии и скончался».

Надо заметить, что государь вызывал к себе через много лет магистра Фюрстенберга, которого, как писали в Европе, вместе с остальными пленными ливонцами «жестоко забили железными палками», и предлагал стать во главе части Ливонии, которая была отвоевана русскими. Но старенький магистр отказался. Даже польский писатель Валишевский сообщает, что в то время, как Фюрстенберг спокойно жил 20 лет в своем поместье в России, по Европе ходили различные рассказы о гибели магистра. В этих баснях насчитывалось 15 версий страшных казней, которыми замучили москвиты магистра. Буйная фантазия «работников информационной войны» XVI века не позволяла им согласовать между собой, каким же образом Иоанн Ужасный казнил Фюрстенберга.

Остальные ливонцы, выселенные вместе с женами и детьми в разгар войны во Владимир, Кострому, Нижний Новгород, тоже, судя по всему, не чувствовали особых притеснений. Хроника сообщает, что: *«пастор именем магистр Иоанн Веттерман, человек доброго и честного характера, настоящий апостол Господень, который также отправился с ними в изгнание, пас свое стадо как праведный пастырь».* Лютеранский священник спокойно окормлял свою паству, живущую в России. Пастор ездил по русским городам, в которых были размещены ливонцы: *«...и ежечасно увещевал о страхе к Господу и даже назначил для их детей школьных учителей, каких*

только можно было тогда достать, которые в каждом городе по воскресеньям читали детям из Священного Писания. Его как ученого человека очень уважал великий князь, который даже велел в Москве показать ему свою либерею (библиотеку), которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда москвит принял христианскую веру по греческому исповеданию».

«Эти книги были переданы в руки магистра Иоанна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было с птоломеевой и другими либереями. Веттерман заявил, что, хотя он беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству».

Как видим, и немецкий пастор-лютеранин не испытывает никаких гонений от «жестоких и диких москвитов». Он даже был удостоен за свою праведность и ученость внимания и доверия царя Иоанна Васильевича. Ну никак не сходятся сообщения Ливонской хроники с распространявшимися по Европе повествованиями о зверствах «диких московских орд во главе с кровожадным царем». Заметим, что хроника составлена ливонцами, которые были разгромлены русскими. А потому никаких причин приукрашивать русских у них не было.

Но не только к ливонцам проявлял великодушие царь Иоанн Васильевич Грозный, которого в Европе в то время описывали свирепым тираном, а его войска представляли ордами диких варваров.

«Приводить ко Христу лаской и любовью»

При взятии Полоцка в 1563 году Государь весь капитулировавший польский гарнизон отпустил, щедро наградив солдат, а знатных шляхтичей пожаловал шубами. После взятия Вольмера в 1578 году, когда, казалось, тяжелая война завершается, были взяты или сдались большинство ливонских городов, царь Иоанн Васильевич созывает на победный пир вместе с русскими боярами и воеводами всех знатных польских и литовских пленников. По свидетельству хроники, царь щедро дарил им «шубы и кубки, а иным ковши жаловал, после чего все были отпущены на родину». Великодушный и рыцарский поступок русского государя, о котором почему-то не принято вспоминать.

Взятие Казани и покорение Казанского ханства также дают не один пример великодушия Иоанна Васильевича к побежденным врагам. Упорный и храбрый враг царевич Ядигер, покоренный великодушием государя, решился принять крещение. Хотя царь Иоанн Васильевич запрещал давать льготы тем татарам, кто принимал крещение, — государь желал чтобы ко Христу новообращенные приходили не из за корысти, чтобы не было у них повода креститься ради земной выгоды. Но, несмотря на это, при святых святителях Гуррии и Варсонофии в Казанской земле крестилось много татар. Знаменательно, что государь не только не устраивал никаких гонений на мусульман, но требовал, чтобы ко Христу их приводили только «лаской и любовью». На покоренных татар никто не накладывал дополнительных тягот по сравнению с русским населением. И хотя были восстания в Поволжье среди татар и черемисов и эти восстания сурово подавлялись, мудрая политика царя Иоанна Грозного привела к тому, что в Смутное время казанские татары не желали отделиться от России, но вместе с ополчением Минина и Пожарского шли освобождать Москву от поляков. Интересно сравнить поведение русских в Казанском ханстве с отношением турок в Османской империи к завоеванным христианским народам. Или с тем, как обращались с покоренными народами завоеватели из Западной Европы. И не только туземцам в заморских колониях пришлось столкнуться с жестокостью европейских завоевателей. Вспомним о том, как англичане безжалостно и методично истребляли ирландцев.

Старые песни в новом исполнении

Несмотря на это, до сих пор на Западе распространяются страшные сказки о диких и свирепых московитах и жестоким и кровожадным тиране — русском царе Иоанне Ужасном. Информационная война с Россией продолжается. В наши дни вся мощь антирусской пропаганды направлена на создание очередного мифа. На Западе старательно переписывают историю Второй мировой войны. Европейского обывателя убеждают, что «дикие орды московитов» в пилотках с красными звездами вторглись в Германию, поголовно насилуя и истребляя мирное население. Но «цивилизованный мир» и европейскую культуру спасли доблестные американские солдаты, которые разгромили Гитлера, героически сокрушили третий рейх, а затем сумели остановить нашествие на Европу «русских варваров». О том, как авиация союзников ковровыми бомбардировками полностью стерла с

лица земли Лейпциг, уничтожив 250 тысяч мирных жителей, предпочитают не вспоминать. Хотя Лейпциг находился в глубине тылу, в городе не было никаких важных стратегических объектов, предприятий военной промышленности или скопления германских войск. Зато в наше время посольство США поддержало упреки Эстонии в адрес России в «чрезмерных бомбардировках» Таллина советской авиацией в годы войны. Оказывается, освобождая Прибалтику, штурмуя хорошо укрепленный Таллин, в котором упорно оборонялись германские войска, советские войска наносили авиаудары по городу. Таллин, заметим, в это время был военно-морской базой германского флота. Преступление советских войск, по мнению эстонцев и посольства США, заключается в том, что от ударов советской авиации пострадали некоторые городские кварталы и погибло 400 жителей города. Особенно оригинально выглядят упреки США в бомбардировках Таллина во время Второй мировой войны после ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки, ковровым бомбардировкам Северного Вьетнама, а также на фоне недавних бомбежек Югославии, Ирака и Ливии. Кстати, оккупированный Белград, в котором почти не было германских войск, армада из 600 англо-американских самолетов подвергла, казалось бы, совершенно бессмысленной и жестокой бомбардировке первый раз на православную Пасху 17 апреля 1944 года. Второй раз Белград авиация НАТО жестоко бомбила на Пасху в 1999 году. Но об этом уже никто в Европе не вспоминает — удары наносили доблестные войска демократических государств, исключительно ради защиты европейской цивилизации. А как известно европейскому обывателю, на протяжении веков со времен царя Иоанна Ужасного Европе постоянно угрожает нашествие «диких москвитов»...

Сначала Европе угрожали русские цари-тираны, затем кровавый Сталин, после этого мрачные и угрюмые генсеки, ну а в 2008-м коварный Кремль обрушил танковые армады на мирную, процветающую «Джорджию». И сегодня Россия собирается послать свои дивизии, чтобы гусеницами танков раздавить «свободу и демократию» на Украине, в странах Прибалтики, затем обрушиться на Польшу, Швецию, Финляндию... «Высокие идеалы» цивилизации «шарли» в опасности. Старые песни о «русской угрозе» звучат в новом исполнении.

Вероятно, скоро выяснится, что «русские дикари», штурмуя Берлин в 1945 году, без всякой необходимости, но по своей врожденной «азиатской кровожадности» разрушали мирный европейский город. К сожалению, над созданием подобного мифа работают не только западные т.н. «добросовестные ис-

следователи» и кинорежиссеры, но и в России находится достаточное количество историков-«грантоедов», которые во главе с Гавриилом Поповым распространяли небыллицы о том, как «орды русских варваров» бесчинствовали в Германии.

В США сняли фильмы о том, как храбрые американцы «спасали рядового Райна», а лихие «рейнджеры» громили отборные части вермахта. И в США и в Европе население сумели убедить, что именно американцы сокрушили третий рейх и спасли мир от фашизма. Обама даже умудрился заявить, что его дед, оказывается, освобождал Освенцим. А некоторые российские режиссеры в это время сделали фильмы «Сволочи» и «Несколько дней в мае», утверждая, что сценарии фильмов «основаны на документальных фактах». И когда выяснилось, что все, о чем рассказано в этих кинолентах, всего лишь плод больной фантазии сценаристов, то эти люди стали оправдывать свою клевету и ложь правом художника на «творческий вымысел». И никто из этих «художников» не попросил прощения за то, что ложь и клевету они пытались выдать за «документальные свидетельства» о Великой Отечественной войне. Презрение и ненависть к своей Родине «смердяковых» в XXI веке остаются такими же, как и в XIX столетии. Но лживые «шедевры» о Великой Отечественной войне, старательно созданные по рецептам доктора Геббельса, до сих пор остаются в российском кинопрокате так же, как и исполненный ненависти к России и русской истории кинофильм «Царь» режиссера Лунгина.

Государство не имеет права допускать, чтобы с киноэкранов яд русофобской лжи и клеветы изливался в души зрителей. Ведь со временем и на эти лживые фильмы будут ссылаться так же, как сегодня ссылаются на письма Курбского и «беспристрастные свидетельства» иностранцев об эпохе государя Иоанна Васильевича Грозного.

Сегодня нет задачи важнее, чем сохранить и донести до наших детей и внуков правду о величественной, героической и прекрасной истории нашего Отечества. Необходимо противостоять антирусской клевете, рассказывая правду о великих русских государях, о святых подвижниках Русской Православной Церкви, о мужественных и отважных русских героях, которые столетиями отражали нашествия врагов то с Запада, то с Востока. Правду о великом народе, который непрестанной молитвой, воинским подвигом и упорным трудом веками созидал святорусскую Державу.

Михаил ГЕЛЬВАНОВСКИЙ,
доктор экономических наук, профессор

О СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На заседании Совета Безопасности РФ 22 сентября 2016 года президент России Владимир Путин, в частности, отметил, что «по-прежнему заметна разница в экономическом развитии регионов, не преодолена тенденция стягивания экономики в центральные районы страны. Это приводит к диспропорциям в бюджетной обеспеченности, а как результат — к разрыву в уровне доходов и социальных гарантий людей, живущих в разных субъектах Российской Федерации... При этом скачки данных показателей наблюдаются даже в пределах одного федерального округа. Общие доходы пяти самых богатых и самых бедных регионов различаются в 43 раза. А если взять самый богатый и самый бедный — даже и говорить не буду, там вообще в сотни раз», — констатировал он. «Очевидно, что необходимо уточнить приоритеты и задачи региональной политики на современном этапе. С этой целью правительство разработало проект основ государственной политики регионального развития России до 2025 года», — заявил Владимир Путин.

ЭКСПЕРТЫ

Однако главная причина диспропорций кроется в неуправляемости хозяйством. Рынок не способен обеспечивать равномерность регионального экономического развития, поэтому стихия рынка и ведет к стихийным процессам, к росту дифференциации в развитии регионов страны. Для такой страны, как Россия, этот процесс особенно опасен, и если им не управлять, то он может пойти вразнос и попросту разорвать не только экономическое, но и политическое пространство страны.

Именно социальная региональная политика государства ответственна за такое выравнивание субъектов страны, что весьма успешно демонстрировал опыт Советского Союза. Однако социальная политика не может ограничиваться только льготами и дотациями на социальные нужды, она должна базироваться на **региональном развитии производства**, чтобы люди, живущие в проблемных регионах, могли сами зарабатывать себе на жизнь. Значит, **необходимо региональное планирование производства**. Конечно, уже не в такой жесткой форме, как это было в СССР, поскольку мы ушли от жесткой плановой системы и вряд ли к ней вернемся, но полностью отказываться от регионального планирования просто безответственно, особенно в нынешней геополитической ситуации.

Наверное, мало кто знает, что пионером в области региональной плановой деятельности является Российская империя, опыт которой был успешно подхвачен и реализован в СССР. Это произошло в силу ряда драматических обстоятельств, вызванных Первой мировой войной, а затем последующими событиями 1917 года.

21 января 1915 г. в Физико-математическое отделение Академии наук России поступило предложение о создании при Академии наук Комиссии по исследованию производительных сил страны (КЕПС). Появление такого предложения было вызвано недовольством работой правительства по снабжению Русской армии на фронтах Первой мировой. Обнаружилась серьезная проблема — неготовность России в решении вопросов исследования и освоения ресурсов на огромной территории страны. Конечно, решить такую проблему в короткие сроки было невозможно. Необходимо было глубокое и масштабное изменение самого подхода к планированию и ведению поисковых и промышленных работ, которые еще должны быть обеспечены научными изысканиями. Для оформления этого процесса и предлагалось создание КЕПС. Предложение было немедленно поддержано императором Николаем II, и 4 февраля 1915 года Физико-математическое отделение Академии наук приняло решение об-

разовать КЕПС, председателем которой был избран академик В.И. Вернадский.

Нужно отметить, что большевики-ленинцы, которым приписываются достижения в плановой экономике, как раз не поняли значения этой проблемы. И к 1921 году — времени завершения борьбы за власть — реальный проект переустройства экономики у них отсутствовал. Если аграрную реформу они позаимствовали у эсеров, то о региональном планировании они и не помышляли. Вместо этого начались шараханья от прямого товарообмена, логично вытекающего из концепции коммунизма, к нэповским экспериментам и обратно. Нам это ничего не напоминает?..

И тогда после «революционного» погрома интеллигенции из уцелевших сотрудников КЕПСа и представителей русской экономической школы был создан научный костяк будущего Госплана. Их знания и опыт работы в КЕПС позволили создать алгоритмы планирования и финансирования, благодаря которым была осуществлена индустриализация экономики СССР. За короткий срок удалось произвести научную и технологическую подготовку к надвигающейся Второй мировой войне.

Сегодня бывший КЕПС, который был преобразован в СОПС — Совет по изучению производительных сил — научная организация при Российской академии наук и Министерстве экономического развития России по проблемам размещения производительных сил и региональной экономике, сыгравший огромную роль в развитии экономики СССР, отметил 100-летний юбилей. Но в отсутствии плановых начал в экономике современной России он оказался практически не у дел. Его научный потенциал в значительной мере растрочен, а руководство часто меняется.

Судя по результатам, на которые обратил внимание президент, Минэкономики этими проблемами занимается ровно так, как показывают эти результаты. Да и как оно может компетентно ими заниматься, придерживаясь гайдаровского принципа: «рынок решает все».

Нужно признать, что через 25 лет после начала рыночных реформ под популистскими лозунгами произошла реальная потеря управления воспроизводственными процессами в экономике России, а малое предпринимательство, едва возникнув, было в колыбели задушено Минфином.

Разве это не позор для политической системы страны, которая после четвертьвекового рыночного реформирования имеет такое состояние малого и среднего предпринимательства, являющегося в рыночных условиях основой экономи-

ческой и политической системы? Нынешний «авторитет» этого предпринимательства не позволяет сегодня ему даже войти в Государственную думу! Надо ли доказывать, что у нас сегодня нет ни плана, ни реального эффективно функционирующего рынка.

Региональные различия только усугубляют эту безрадостную картину. Сегодня, похоже, постепенно происходит общественное отрезвление, переходящее в прозрение. Становится, наконец, общеизвестным, что во всех развитых капиталистических странах государство **планирует** основные направления развития экономики, осуществляет научные и социальные программы, контролирует от 10 до 40% цен, заставляет центральные банки снижать до нулевых отметок ставки рефинансирования и эмитировать огромное количество денег для поддержания спроса и развития промышленности и сельского хозяйства.

Очевидным становится, что главным препятствием на пути развития экономики страны и ее регионов является **рыночный большевизм начала 90-х годов**, решительно отвергнувший всякое планирование. Ведь индикативное планирование — это прежде всего грамотное прогнозирование и эффективная государственная политика цен и доходов. Речь идет о регулировании цен монополистов, системном регулировании налогов уровнем заработной платы, размерами процентных ставок по кредитам, рентных платежей и т.п. Это не выдача заданий каждому производителю по выпуску натурального объема производства. Это тонкая настройка хозяйственного организма страны через систему многообразных экономических регуляторов на достижение плановых расчетных показателей, в том числе и на равномерность регионального развития. Именно такими способами государственные плановые органы способны направлять производственную деятельность в русло общественных интересов.

В мире есть страны, создавшие наиболее развитую систему индикативного планирования, — Франция, Италия, Япония, Нидерланды, Мексика, Индия. Именно Япония уже давно активно использует планирование как средство ускорения экономического роста, продемонстрировав всему миру «японское экономическое чудо». Там регулярно разрабатываются не только кратко-, но и средне- и долгосрочные планы социально-экономического развития, имеющие рекомендательный характер. Большинство японских фирм осуществляют свою производственно-коммерческую деятельность с учетом государственных программ, будучи, таким образом, заинтересованными в их осуществлении.

Наш Национальный институт развития Отделения общественных наук РАН уже более 15 лет работает над проблемой регулирования цен. По заказу Торгово-промышленной палаты России мы подготовили проект Концепции государственной политики цен, которая была обсуждена и поддержана на двух Всероссийских конференциях. Но в правительстве, похоже, это мало кого интересует. Зачем заниматься ценами, когда их вырабатывает рынок? Между тем наблюдается достаточно устойчивая взаимосвязь между размером дифференциации доходов и эффективностью работы хозяйственной системы страны: чем выше дифференциация, тем ниже эта эффективность. А рост разрывов в доходах, многократно усиленный региональными различиями, — это уже серьезная **угроза национальной безопасности страны**. И это должно стать предметом особенно пристального внимания Совета Безопасности России.

Но боюсь, что эту проблему на используемой сегодня правительством методологической базе не решить. Рыночный подход — непродуктивен.

Без сомнений, настало время поддержать тех экономистов, которые уже давно рекомендуют сменить вульгарную рыночную парадигму на ответственное планово-рыночное управление экономикой страны, иначе аванс, который выдало население страны ведущей партии, отработать будет весьма проблематично.

ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО

Есть одна непростая проблема, в которую постоянно упираются все проекты построения праведного общества. Это — проблема реализации. Причем речь идет не о тактике конкретной реализации, а о принципиальной возможности. Возможно ли созидание общества справедливости и правды? Причем не идеальными людьми, а нынешним, грешным составом человечества? Если это возможно, то в какой степени? И как долго такое общество может просуществовать в нашем падшем мире?

Увы, даже поверхностное погружение в эту проблему способно вызвать пессимистическое настроение. Сколько прекрасных проектов осталось лишь на бумаге! Сколько высоких душ сгорело, так ничего толком и не добившись! Сколько неудач пережило человечество из-за желания жить в праведном, честном и справедливом обществе! «Это невозможно!» — кричат многие и многие. Но другие уверены в обратном и упорно, раз за разом пытаются праведное общество осуществить.

Н.Я. Данилевский в своей замечательной книге «Россия и Европа» сформу-

ЭКСПЕРТЫ

лировал законы поведения культурно-исторических типов, и сразу, подряд, их выписал. Мы пойдем по тому же пути и перво-наперво сформулируем законы трансформации обществ, а затем уже займемся их обсуждением. Разумеется, слово «законы» тут применяется условно, так сказать, в кавычках — это не «железные» законы природы, а некие социологические закономерности, как правило, выполняющиеся в социальной жизни. Но тут в терминологии мы следуем за Данилевским.

Закон 1. Образовать новое общество способна активная группа, численностью гораздо меньшей, чем всё общество.

Закон 2. Для сохранения социального строя необходима поддержка подавляющего большинства членов общества. Ибо, согласно закону 1, осуществить переворот (изменение строя) способно и меньшинство.

Закон 3. Повышение уровня любого общества гораздо сложнее, чем его понижение. Падать вниз всегда проще, чем подниматься.

Закон 4. Чем выше общество, тем сильнее нарастают трудности его дальнейшего повышения (или первоначального образования) и тем легче совершается скачок вниз. Соответственно, чем выше общество, тем труднее сохранить его и легче разрушить.

Закон 5. Чем больше общество, тем более оно инерционно, тем труднее сдвинуть его вверх или вниз.

Следует подчеркнуть, что эти «законы» регулируют отнюдь не всякую деятельность обществ — они охватывают только аспект их образования, трансформации и стабильности. Разумеется, эти законы не претендуют на полную систему правил. По мере изучения вопроса будут сформулированы дополнительные законы. В совокупности приведенные законы очерчивают границы возможного в сфере общественных преобразований.

Закон 1 отражает тот факт, что новое общество обычно создается небольшой (относительно), но целеустремленной и организованной инициативной группой. Аналогично осуществляются государственные перевороты. Примеры многочисленны. Государство иезуитов в Парагвае создала небольшая кучка священников (пара десятков человек), причем совершенно без насилия. В России государственные перевороты XVIII века делала рота солдат во главе с несколькими офицерами. Большевики легко взяли власть, хотя были в масштабах России незначительной силой. Контрреволюция 1991 г. тоже делалась небольшой активной группкой стремящихся к олигархии людей — и получилось, несмотря на всю мощь КГБ и армии. Наконец, майдан на Украине осуществлен малой (хотя и хорошо финансируемой) группой западноук-

раинских экстремистов. Думается, что каждый может сам привести примеры, подтверждающие этот закон.

Закон 2 является наиболее важным. Если взять власть и даже поломать сложившиеся социальные отношения относительно легко, то удержать власть, стабилизировать общество, защитить его от попыток контрпереворота куда сложнее. Ведь согласно первому закону сломать строй может и малая, но сильно недовольная организованная группа. Чтобы этого не произошло, необходимо, чтобы такая группа не могла возникнуть. А это может гарантировать только очень однородный состав общества, где инакомыслию просто нет места. Таким образом, если новое общество в короткие сроки не сумеет изменить (повысить/понижить) ментальность большинства своих членов до своего уровня, то велика опасность его гибели.

Закон 3 следует из падшей природы человека. Да, и отдельные люди, и общества в целом могут изменяться к лучшему. Но путь вверх всегда труднее, чем спуск вниз.

Особенно трудно сохранить строй более высоких обществ — это прямо утверждает закон 4. Этот закон говорит, так сказать, о «производной» (в математическом смысле) трудностей подъема — они увеличиваются по мере того, как общество забирается выше и выше. Альпинисты об этом хорошо знают: чем выше, тем труднее дается каждый шаг вверх.

Из закона 4 следует, что для стабильности высоких обществ их должны составлять поголовно люди исключительно высоких нравственных качеств. Даже самая незначительная примесь гнили может легко разрушить всё дело. В Иерусалимской общине, где, по выражению св. Иоанна Златоуста, было «ангельское общество», опасность разрушения несли с собой лишь двое: Анания и Сапфира. Однако опасность настолько реальную, что они были крайне жестоко, со смертельным исходом, изъяты из общины. В Крестовоздвиженском Трудовом братстве Н.Н. Неплюева небольшая группа братчиков стала вести разговоры о том, что в братстве тирания и что распределение благ происходит неверно. И даже высказывание такого мнения едва не привело к развалу братства. По итогам этого случая Неплюев сделал вывод, что даже высказывание более низкого мнения чрезвычайно ядовито действует на духовность братства.

Четвертый закон может быть переформулирован и так: для стабильности высокого общества подавляющее большинство членов общества должны иметь очень высокий уровень нравственности. Для стабильности низкого общества это не обязательно. И поэтому низкие общества зачастую являются более стабильными, чем высокие. Очевидный пример — со-

временный капитализм. Он как бы адекватен «уровню падшести» человека, от него не требуется никакого нравственного подвига, даже маленького. И потому капитализм, несмотря на всю его мерзость, поддерживается большинством, что и обеспечивает его стабильность.

Второй, третий и четвертый законы в совокупности объясняют, почему постоянно разрушались самые замечательные проекты, создаваемые самыми пламенными и чистыми душами. Причина — в неоднородности состава общества, в присутствии разлагающих элементов, которые неизбежно проявляются в процессе жизни. И чем выше устройство общества, тем опаснее эта ситуация.

Увы, падшестью человеческая вездесуща. В людях присутствует и добро и зло, причем в разных пропорциях. И, к несчастью, люди, в которых добро перевешивает зло, оказываются в меньшинстве, а в которых добро почти полностью побеждает зло, — единицы. Большинство же в той или иной степени эгоистично; они блюдут свои интересы, хотя и удовлетворения своих страстей, не умеют и не хотят подчиняться дисциплине любви, т.е. примату пользы всего общества над индивидуальными желаниями. В результате, чем выше общественное устройство, тем более вероятен разрыв между основными социальными идеями общества и общим уровнем личной нравственности его членов.

Как преодолеть падшестью при созидании праведного общества? Ведь люди обладают свободой воли и могут сопротивляться любому воздействию добра. Преодолеть можно только одним способом — сепарацией, разделением *добрых* и *злых* с последующим построением общества по возможности только из добрых. Пятый закон выражает тот факт, что чем больше общество, тем труднее его отделение от зла и злых. Если малое общество может явиться результатом сепарации и обладать однородностью, в том числе поголовно высоким духовным уровнем, то в большом обществе сепарация добра от зла крайне затруднена. Там волей-неволей всё перемешано, в результате чего добро и зло ведут постоянную борьбу внутри общества. Это не даёт, с одной стороны, большому обществу подняться высоко, но, с другой, не позволяет ему снизиться до чисто криминально-животного уровня: сопротивление добрых элементов мешает такому радикальному опусканию. Кроме того, изменения в большом обществе, хотя и скачкообразные, происходят медленнее, чем в малых обществах. Для того чтобы изменения вызрели, необходимы значительные периоды времени.

Действие всех пяти законов позволяет надеяться на следующий возможный сценарий. В России произойдет «христианс-

кая революция», благодаря которой будет создан православный социализм, сочетающий в себе православную идеологию и социалистическую экономику. Речь идет не о пророчестве, а о возможности. И поэтому вопрос «когда?» остается без ответа. А вот на вопрос: «на сколько?» — вышеприведенные законы могут дать ответ, пусть приблизительный. Силы зла слишком сильны, чтобы надеяться на победу этого строя на длительный период. И поэтому триумф будет в масштабах истории кратковременным — затем всё снова вернется на круги своя.

Интересно, что такой сценарий согласуется с пророчествами высокодуховных православных христиан. Речь идет о предсказании, опубликованном Архиепископом Феофаном Полтавским (в миру Василий Дмитриевич Быстров): «Вы спрашиваете меня о ближайшем будущем и о последних временах. Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровение старцев. А они передавали мне следующее: пришествие антихриста приближается, и оно очень близко. Время, отделяющее от него, надо считать годами и в крайнем случае несколькими десятилетиями. Но до пришествия антихриста Россия должна еще восстановиться, конечно, на короткое время. И в России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нём открыто. Будем ожидать исполнения открытого. Судя по многим признакам, оно приближается, если только по грехам нашим Господь Бог не отменит и не изменит обещанного. По свидетельству Слова Божия и это бывает» (письмо Е. Ю. Концевич от 23.05.1925).

Интересно, что в самом пророчестве указана возможность его неисполнения. И это отнюдь не противоречие — любое пророчество дается как вариант, как один из путей, по которому может пойти дорога истории. А может и не пойти — человеку дана свободная воля.

Но перейдем к содержанию пророчества. Здесь основной упор сделан на восстановление самодержавной монархии в России, а не на построение праведного социального строя. Однако заметим, что это не только не противоречит христианскому социализму, но напрямую согласуется с ним. Ибо, с одной стороны, наступление периода нового строя возможно лишь через революционные преобразования, связанные с установлением твердой, авторитарной власти, которой может быть только монархия. А с другой стороны, в современных условиях монархия может обладать действительной властью только в условиях социализма, когда все средства производства находятся в государственной собственности и поэтому подчинены воле Царя. В условиях же капитализма ре-

альную власть имеет капитал, олигархат, и потому монархия там может быть только декоративно-безвластной.

Другой важный момент пророчества выражен словами: «на короткое время». Тот же вывод получается и из наших рассуждений. Старцы предсказали лишь короткий расцвет России, причем перед приходом антихриста. Последнее отсылает нас к апокалиптике. Тут и кроется разгадка тайны этого пророчества.

Как мы видели, решающим для судеб высокого общества является принцип отделения от зла и злых. Только при условии отделения эгоистов общество может стать праведным. Ибо даже «малая закваска заквашивает все тесто» (Гал. 5, 9). Чем более радикально осуществляется этот принцип, тем более высоким может стать духовный уровень членов общества и, следовательно, тем больше вероятность реализации высокого общества даже в больших масштабах. Но как провести принцип отделения в большом обществе? Ведь в государстве (нации) очень трудно разделиться — там неизбежно сожительство коллективисты с индивидуалистами, альтруисты с эгоистами, добрые со злыми, праведники с бандитами. И именно в этом — механизм действия закона 4. И потому кажется, что история обречена на бесконечное кружение в бессмысленном водовороте.

Но у Господа свой замысел о мире. И этот замысел, благодаря Его воле и Его участию в истории, постепенно реализуется. «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк. 12, 51) — говорит Господь и рассказывает притчу о пшенице и плевелах: «Господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф. 13; 27-30). Вот замысел Господа: отделить добрых от злых в глобальном масштабе, но лишь в конце времен, во время страшного суда, когда все — и добрые и злые — воскреснут из мертвых. В этом и состояло дело Спасителя на Голгофе: своим крестным подвигом сдвинуть тектонические пласты мировой жизни так, чтобы состоялось всеобщее воскресение мертвых. И, как следствие, — разделение «овец от козлищ». И наконец, образование из «овец» Нового Иерусалима. Само же воскресение Спасителя является вестью нам, грешным, что будет сие, поскольку Сам Спаситель воскрес из мёртвых. Критерий же

разделения — дела любви. Это означает, что Божья правда — в создании праведного общества любящих людей, общества, которое возглавит Христос, и потому оно будет называться Царством Божиим.

Итак, завершая наше рассмотрение, мы, казалось бы, вынуждены снова возвратиться к пессимизму: Святая Русь возможна лишь «на короткое время»; стабильное и долговременное господство праведного общества в этом мире невозможно. Тогда возникает вопрос: а зачем всё это? Зачем добиваться праведного общества, если оно лишь «на короткое время»? Не вернее ли будет стратегия личного спасения? Так и думает огромное количество христиан — надо довольствоваться тем обществом, в котором Бог дает жить. «Спаستись можно при любом строе», — говорят батюшки. И более того, многие и многие вообще считают, что желание построить праведное общество лишь приводит к неизбежной катастрофе, это желание не христианское, от лукавого, которого нужно всячески избегать.

Да, можно похвалить этих христиан за рассудительность. Только это не есть подлинно христианская позиция. Дело в том, что жить праведным обществом велит Сам Господь Иисус Христос. Это Он, Спаситель мира, наставлял в течение 40 дней своих апостолов «о Царствии Божием» (Деян. 1, 3). И первое, что сделали апостолы после принятия Духа Святого, — создали Иерусалимскую общину: социум, основанный на общей собственности, о котором Златоуст говорил: «Это было ангельское общество». Казалось бы, зачем? Ведь всё это «на короткое время». Не лучше ли было по совету «рассудительных» христиан заняться личным спасением, сопровождая это аскетическими подвигами, как поступали позднейшие монахи? Но нет, апостолы с необычайным упорством выстраивали свой «коммунистический» проект, и никакие трудности и нестроения их не останавливали. Наоборот, они всячески старались их разрешить, для чего специально было поставлено семь диаконов.

Почему же апостолы являли такое упорство? Да потому, что они исполняли веление Божие. Уж таков Его замысел — человеку предназначено жить в праведном обществе, если можно так выразиться, — в раю. И поскольку сказано «да будет воля Твоя яко на небеси и на земли», то и общество это должно создаваться как на земле, так и на Небе. Поэтому Он одобряет любую попытку христиан жить в социальном смысле по-христиански уже на земле. Жить так — это вполне естественное желание. Это так же естественно, как стремиться к праведности. И если у людей на земле это не получается, то Господь реализует праведное общество за гробом, в Своем

Царстве, отбирая туда только тех, кто к этому способен. А способными оказываются именно те, кто уже в этой жизни стремится выстроить рай на земле, т.е. жить подлинно похристиански.

И наоборот, кто не стремится строить на земле рай, тому и рай на Небе не очень-то нужен. А нужно лишь теплое местечко в Царстве. А что на земле будет — не важно. По сути дела, эта позиция эгоистическая. А эгоистов Господь не жалует (хотя и дает им свободную волю проявить свои потенции). И потому как раз для *таких* искомое теплое местечко — вещь проблематичная. Ведь сказано: «В чём застану, в том и сужу».

Более того, кто не хочет строить рай на земле, тот потворствует силам зла, которые очень хотят выстроить на земле ад. Ибо война против зла ведется на всех фронтах. И если фронт социальный будет не защищен, то враг именно через него разрушит то, что еще осталось от христианского мира. Собственно, это и происходит: силам зла везде на земле удалось насадить капитализм — строй, внедряющий среди людей совершенно нехристианские безлюбвные отношения. А они уже постепенно уничтожают христианские традиции, нравственность, культуру. И более того, происходит страшное: вместо Христа в душах людей водружается его антипод — мамона. Гибель христианского мира, де факто уже совершившаяся, обусловлена полной индифферентностью самих христиан к организации социума.

Грядет антихрист. Вряд ли его ига можно избежать. Но можно задержать его приход. Это и делают люди, стремящиеся сделать социальные отношения более высокими. Если бы не они, то антихрист пришел бы скорее. Иначе говоря, именно они играют роль удерживающего. И возникает уверенность, что их усилия обязательно будут учтены Богом в последние времена. Ибо в конце-то концов Бог дает людям то, что они хотят (правда, разворачивая все последствия этого хотения). И если мы пожелаем жить праведно, то Он в конце времен создаст праведное общество. А если не хотим, если стремимся только к индивидуальному спасению, то станет ли Он это делать?

Да, победить не удастся, но это не означает, что надо перестать бороться. Наоборот, высшая доблесть — в борьбе за правду, несмотря на понимание, что сейчас победы не будет. «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Ибо Бог видит эту борьбу и воздаст за нее будущей великой победой — уже на новой земле.

УКРАИНА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Почему Украина, территориально вполне европейская страна, не является и никогда не будет членом Евросоюза?

Тезис 1. Если бы Запад хотел, то Украина начала бы интеграцию в Европейский Союз еще с 2005 года, во времена правления «оранжевой» власти. Напомню, что президентом тогда был В.Ющенко, председателем правительства — Ю.Тимошенко, спикером парламента — А.Яценюк, а аппарат президента возглавлял П.Порошенко. Для Запада они все — свои, все нацистствующие, украинствующие, русофобствующие, все, как один, американопослушные. Так что же мешало Западу в те времена затащить Украину в Евросоюз или хотя бы дать украинцам безвизовый режим? Ответ очевиден — не мешало ничего, просто не было такого плана интегрировать Украину в Евросоюз.

Тезис 2. Когда какая-то европейская страна действительно нужна Западу, о ней реально заботятся. Так, Греции выделили более 300 млрд. долл. для поддержки экономики. Если хотя бы половина из этой суммы была выделена Украине, то под контролем евробюрок-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ратов можно было бы из Украины сделать вполне благополучную европейскую страну. Но Украине выделяются средства лишь для того, чтобы не затух очаг войны на Донбассе. А серьёзной помощи от Запада не было, что ещё раз подтверждает вывод о том, что не было плана интегрировать Украину в Евросоюз.

Тезис 3. На Украине, в которой большая часть населения — русскоговорящая, снять языковую проблему можно было одним указом или строкой о двуязычии в конституции, как это делается в Европе (например, в Швейцарии, Финляндии или Италии). В конце концов, можно было бы провести всенародный референдум и закрыть вопрос. Но нет, Запад не позволил этому быть. Почему? Украина как спокойная, благополучная страна Западу не нужна. Наоборот, Западом было сделано всё, чтобы разжечь языковое противостояние и национальную ненависть.

Тезис 4. Олигархический режим правления на Украине выстроен именно Западом. Зачем? Дело в том, что олигархи легко управляемы через кредиты, через легитимизацию их воровского капитала и, наконец, через гарантию сохранности капитала. Любые национальные олигархи всегда зависимы и послушны мировым олигархам, такова природа «нового мирового порядка». А раз так, то нынешняя Украина, некогда самая промышленно развитая республика СССР, но теперь управляемая олигархами, находится в бедственном положении именно потому, что такова воля Запада.

Тезис 5. Европа в действительности считает украинцев людьми второго сорта, так же, как немцы во времена третьего рейха, так же, как иудеи считают украинцев гоями, а масоны — профанами. Украинцев Запад не уважает до такой степени, что не доверил им власть в их же стране. Украиной правят, в основном, евреи, а также кавказцы, прибалтийцы, кто угодно, но только не этнические украинцы. Если в годы Великой Отечественной войны гауляйтером Украины был немец, то теперь — американец, посол США. Запад принял миллионы беженцев из северной Африки и Ближнего Востока. Но вот украинцам массово эмигрировать на Запад никто никогда не позволял и не позволит. Запад прекрасно знает, что национальная идея современных украинцев, идея-мечта, ради которой скакали на майдане, — это «свалить» из Украины в Западную Европу согласно логике: где корыто полнее, там и Родина. Но обратите внимание: «свалить» на Запад арабам можно, а украинцам нет. Почему? Потому что Запад уготовил украинцам иную судьбу: кровью братоубийственной войны, собственной кровью ослабить Россию.

Тезис 6. Запад считает, что украинцы, будучи русской ветвью, должны превратиться из крупнейшего народа в Европе в народ-карлик. Ещё в 1985 г. Маргарет Тэтчер заявила, что на территории СССР экономически целесообразно проживание не более 15 миллионов человек. В 1991 году на Украине население составляло около 52 млн., а в настоящее время, по данным демографов, — порядка 40 млн. Чтобы популяция украинцев сократилась ещё больше, впереди их ждут очередные потрясения: обострение военных действий на Донбассе, повышение коммунальных платежей, проблемы с отоплением и гиперинфляция. План Тэтчер хоть и медленно, но выполняется.

Тезис 7. Русские — вечные геополитические конкуренты англосаксам. Западу нужна полная деградация украинцев как мощной русской ветви. Для этого украинцы должны забыть, что они часть русского народа, что они часть титульного этноса Российской и Советской империй. Надо забыть, что украинцы Н.Хрущев и Л.Брежнев правили Страной Советов, что украинцы составляли большинство сержантского и офицерского состава Советской армии, а каждый третий в Кремле — был выходцем из Украины. Запад через информационное оболванивание сделал всё, чтобы уничтожить в украинцах русскую составляющую. Но если её уничтожить, то что же остаётся? У «украинцев» (точнее, запорожских казаков), предавших свою русскость, останется одна военная победа (причём, вместе с поляками и татарами) над «русскими оккупантами» в Коноптской битве и один кобзарь (Т.Шевченко). Даже для мизерной Эстонии маловато будет для национальной самодостаточности. Украинцев через оголтелую пропаганду сделали народом, предавшим память своих предков. Посмотрите на украинскую культуру последней четверти века. Есть ли достойные фильмы (хоть один?), есть ли достойные писатели? Был русскоязычный украинец Олесь Бузина, и того убили. Есть наука? Нет ничего. Чтобы уничтожить народ, враг первым делом уничтожает его историческую память — это прописная истина. Этим путём Запад и идёт, такова его воля.

Вывод. Перед народом Украины нынче стоит выбор более чем серьёзный: быть или не быть? Точнее сказать, жить или не жить? Для того чтобы украинский народ исчез в ближайшие два-три десятилетия, — ничего не надо менять. Это произойдёт само собой, если Украина продолжит свой нынешний самоубийственный курс. Но для того, чтобы жить, — выход только один. Вспомнить в себе русскую составляющую, вспомнить свою (подчёркиваю, свою) великую русскую историю и культуру. Перестать повиноваться совре-

менному гауляйтеру — послу США и его лакеям (президенту Украины, правительству и верховной раде) и объединиться с Донбассом в борьбе за нашу великую общую Отчизну. «Быть или не быть!?» — вот нынче выбор каждого украинца.

Валерий БУХВАЛОВ

К ЧЕМУ ВЕДЁТ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Когда мы слышим слово «оружие», то в нашем сознании возникают образы разнообразных видов материальных вооружений. Но наряду с материальными вооружениями человечество на протяжении веков использует и информационно-идеологическое оружие, которое в последние десятилетия становится основным и ведущим в международных информационно-идеологических войнах. В последние десятилетия одним из самых эффективных видов такого оружия стала идеологема толерантности. Причем толерантность у неолибералов связывается с демократией — если есть толерантность, то есть и демократия, и наоборот. И чем больше толерантности, тем больше демократии. Магистральная линия применения толерантности — уравнивание добра и зла везде и во всем! Идеологема толерантности в совокупности со свободой и демократией постепенно превращается в идеологию, которую под видом «общечеловеческих ценностей» глобализаторы навязывают миру.

Насаждение толерантности в Европе приводит к тому, что в мировоззрении людей стирается грань между добром и злом, что влечет за собой победу зла над добром. Человек, потерявший христианские нравственные ориентиры, постепенно деградирует в образ звериный. Характерный пример — европеец, изнасилованный мигрантом, вместо требования правосудия для преступника, делает публичные заявления об ощущении собственной вины перед насильником за депортацию последнего из своей страны. И это уже не уравнивание добра и зла, а полное торжество зла над добром.

Стирание христианской духовности и разрушение нравственности с помощью толерантности — это первая и необходимая часть плана по подготовке пришествия антихриста в мир. Человек, лишенный христианских нравственных эталонов поведения, становится адептом манипуляции сознанием, теперь им легко управлять, что и требуется для сатанинского мира глобализации. Следующий шаг — внушение людям с помощью толерантности того, что зло — это и есть добро.

Уже сейчас идет массированная пропаганда всех видов нравственной деградации как нормы отношений между людьми. Пропагандисты толерантности всеми силами навязывают этот бред в европейском школьном образовании. Инцест, содомия, педофилия, зоофилия, эвтаназия — все это, по мнению глобализаторов, нормы отношений в новой глобальной цивилизации шарли. И пропагандируют эти пороки не какие-нибудь маргиналы, а самые образованные люди — президенты, министры, писатели, художники, ученые, артисты, многие из тех, кого всегда считали политической и духовной элитой. О причинах такого поведения этих людей промолчим, но они далеки от христианского братолюбия.

И наконец последний и самый трагический для людей шаг — самоуничтожение как «высший подвиг» сатанизма. В это сегодня с трудом верится, но люди станут не просто убивать самих себя, но и призывать других следовать их примеру. Еще тридцать лет назад невозможно было поверить, что в христианской Европе начнется насаждение содомских союзов как брачных отношений. Первый шаг сделан, и содомская цивилизация шарли сделает второй и третий шаги.

И если кто-то все происходящее сегодня в Европе считает дурным сном или временными заблуждениями, то он сильно заблуждается. Такие вещи не могут быть случайными. Такие вещи не могут быть заблуждениями, ибо они массово навязываются и уже стали убеждениями вместо христианских норм нравственности.

Надо понимать, что где нет Бога, там командует сатана. Третьей сущности нет. Веришь ты в это, не веришь, это ничего не меняет — тебя, может, и не тронут до определенного момента, но твоего ребенка или внука в покое не оставят. Либо ты воспитываешь в нем нормы христианской нравственности, и тебя будут за это преследовать, либо школы будут воспитывать у твоего ребенка толерантное мировоззрение, в рамках которого суицид станет «высшим подвигом». И когда ты начнешь защищать своего ребенка от нравственного развращения, то наступит момент, когда тронут и тебя — потянут в суд за противодействие школьному образованию. И уже тянут.

Идет реализация продуманного, просчитанного и постоянно корректируемого плана информационно-идеологической войны, направленной на самоуничтожение значительной части населения планеты. Ради земного изобилия и блаженства «золотого миллиарда». Извращенные добродетели авторов этой войны, подкрепляемые духовным влиянием зла, начали реализацию своего плана в Европе. Всё, что мы сегодня наблюдаем в европейских странах, — это общая большая стройка «цивилизации шарли». И мы должны понять, что никакие материальные средства не могут остановить или изменить деградацию духовных ценностей добра в отношениях между европейцами. Духовную деградацию можно остановить только духовными средствами, но в результате отказа многих европейских стран от христианства духовные механизмы защиты от зла перестали действовать.

Преподобный Иоанн Лествичник писал: *«Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не разумеют того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия, но мы употребляем оное на беззаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев на древнего змия, а мы употребляем оный против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям, а мы ревнуем порокам. От естества есть в душе желание славы, но только горней. Естественна и гордиться, но над одними бесами. Подобным образом естественно душе и радоваться, но о Господе и о благих деяниях ближнего. Получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей. По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддерживать жизнь, а не для сластолюбия».*

Страсти — это извращенные добродетели, результат первородного греха прародителя нашего Адама. Православная духовная традиция кладет в основу личного самосовершенствования человека смирение своих греховных страстей через постоянное покаяние и духовную жизнь. Некоторым кажется, что смирение требует от человека отказа от активной жизненной позиции. Более того, по мнению людей, плохо знающих Православное учение, смирение требует непротivления злу мира сего. Это совсем не так, смирение предполагает путь духовной жизни для ограничения собственных страстей. В рамках этого пути необходимы и добрые дела, которые могут быть таковыми при условии, что не ведут к тщеславию и гордыне самих творцов добрых дел. Добрые дела делаются без принятия всякой ответной мзды, только в этом случае они поистине добрые.

Толерантность, которая сегодня господствует в западном обществе, направлена на легитимизацию зла, защиту его от добра и, в конечном итоге, на сокращение добра. Толерантность является главным средством утверждения в обществе социальной пассивности — зачем бороться со злом, если оно не отличается от добра. Более того, с помощью массовой манипуляции общественным сознанием, людям внушают сатанинские установки равноправия добра и зла.

Лживая пропаганда зла как добродетели создает и поддерживает информационное поле лжи, пребывание в котором ведет к нравственной и социокультурной деградации людей. В рамках массивной кампании русофобии особенную актуальность приобретают попытки легитимизации зла с использованием примеров толерантности из истории России. Среди этих примеров значимое место занимает великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, который создал концепцию непротивления злу силой. Концепция оказалась нежизнеспособна, как и всё, лишённое Божественного начала. Но пример толерантного богоборчества Толстого сегодня очень важен для понимания духовно-нравственных механизмов отказа от христианского смирения и движения в сторону демократической толерантности. Понимание этих механизмов поможет созданию способов защиты от агрессивной пропаганды толерантности.

В своем романе «Война и мир» Л.Н. Толстой представил целый ряд прекрасных образов русской жизни и характеров. Сюжеты и темы, образы героев и их поступки были написаны, пока Л.Н. Толстой был верным сыном Православной церкви. После 1870 года Толстой окончательно отошёл от Православной традиции. И не просто отошел, великий русский писатель, классик русской литературы поставил себя выше Божественной Истины, решив написать свое собственное евангелие, что позднее приведет его к разрыву с Церковью.

Он писал: «...Я прожил на свете 55 лет, и за исключением 15 детских лет 35 лет я прожил нигилистом, в смысле отсутствия всякой веры». Дойдя до полного духовного опустошения и будучи у порога самоубийства, Толстой пробовал механически исполнять внешние обряды Православной Церкви. Однако это был самообман, ибо всю обрядность он проделывал при отсутствии веры в Бога, и она (обрядность) не давала ничего. Поэтому Толстой пришел к выводу, что традиционное Православие есть ложь. Временами писатель стремился буквально следовать учению Христа, и это желание было столь сильным, что члены семьи его нередко поднимали ропот, поскольку это непосредственно затрагивало их интере-

сы. Например, после прочтения евангельского призыва к богачу, Толстой хотел освободить своих крепостных крестьян, отказаться от авторских прав на издания своих книг, а имение передать крестьянской общине.

Жене Софье Андреевне стоило величайшего труда убедить мужа в неприемлемости такого решения, она даже была вынуждена нанять для охраны усадьбы вооруженный отряд. Лев Николаевич продолжал ходить босиком и в крестьянской одежде, сам пахал плугом землю, плел лапти, отказался от охоты, мяса, яиц, вина и табака, не носил кожаных одежд. Составил себе «Правила по развитию нравственной силы воли, возвышенным чувствам и устранению низменных». Он стал верить, что изменение внешних форм приведет к внутреннему преобразению. И, по его убеждению, приняв новую религию внешних изменений, которую создаст он — Лев Николаевич, люди наконец-то обретут счастье в жизни.

Тем не менее, встав на путь создания новой религии, Лев Николаевич, даже не задумываясь об этом, провел эксперимент, который проводили все «творцы новых религий» — попытался изменить самого себя на основе принципов своей религии. Ничего не вышло, он так и не смог достичь той самодисциплины, которую наметил себе. Отказ от Бога привел к потере православного мировоззрения, место которого тут же заняла пропаганда свободы, демократии и толерантности. А дорога в ад становилась все интересней...

Валерий ФИЛИМОНОВ

ЗЛОВЕЩИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Сенсационные сообщения о скрещивании людей и животных облетели в августе 2016 года многие новостные ленты и газеты. Минздрав США поддержал предложение Национального института здоровья о снятии моратория на подобные исследования. Национальный институт здоровья — учреждение Департамента здравоохранения Соединенных Штатов Америки. Является основным центром правительства США, ответственным за исследования проблем здравоохранения и биомедицины. Состоит из 27 исследовательских центров

Эксперименты по скрещиванию людей и животных на клеточном уровне в Соединенных Штатах проводятся уже давно, но пока они ведутся лишь в некоторых частных клиниках и финансируются за счет частных источников. Естественно, это сказывается на «масштабности и качестве исследований». В случае подключения мощного государственного ресурса, «существенные результаты» могут быть достигнуты гораздо быстрее.

Многие аналитики считают, что решение будет принято положительное, так как этот вопрос уже неоднократно поднимался, и негласно многие специалисты говорили о его «пользе и необходимости», теперь же этот вопрос будет решён на официальном законодательном уровне.

По мнению экспертов министерства, подобные опыты приведут к важным открытиям в области нейродегенеративных заболеваний, таких как болезнь Альцгеймера и Паркинсона, а также при терапии бесплодия, выращивании органов для трансплантации и в других сферах.

Прежде всего, предлагается выращивать в «животных-инкубаторах» «запчасти» к нашему организму, которые якобы «не будут отторгаться». Но куда могут завести подобные исследования в конечном итоге, вряд ли кто сможет сказать. «Игры» с природой таят в себе многие опасности.

В Британии эксперименты по скрещиванию человека и обезьян проводились тайно на протяжении целого ряда лет. О секретных опытах стало известно после того, как группа ведущих ученых Великобритании официально предупредила о возможности повторения сюжета научно-фантастического романа «Планета обезьян», в котором эксперименты по скрещиванию генов приматов и людей приводят к необратимым последствиям. Исследователи призвали ввести официальные правила, которые бы предотвратили такую возможность.

На основании консультаций с Управлением по использованию человеческих тканей, Управлением по оплодотворению и эмбриологии человека и Академией медицинских наук Великобритании был подготовлен соответствующий документ. МВД страны официально опубликовало руководство для исследователей, занимающихся выращиванием в животных человеческих органов или использующих гибридные существа для изучения методов лечения человеческих болезней.

«Низкий приоритет будет даваться исследованиям, уже ставшим обычными, — таким как использование мышей с человеческими раковыми опухолями для изучения воздействия лекарств. Высокий приоритет устанавливается для экспериментов, для которых необходимо доказать их научную ценность и этическую приемлемость. В этом случае речь идет об опытах

на приматах, пересадке тканей человеческого мозга в животных или создании животных, напоминающих облик человека (!) Для проведения экспериментов, относящихся к последней категории, будет требоваться обоснование, в чем состоит их польза для здравоохранения. В результате ученые смогут на законных основаниях ставить опыты на животных, имеющих мозг, «аналогичный человеческому», или с использованием в животных человеческих яйцеклеток и сперматозоидов», — сообщает Российское агентство медико-социальной информации в подробной статье «Кентавры и русалки — реалии завтрашнего дня?». Как здесь не вспомнить о мифических существах, описанных в различных сказаниях?

В правительстве Великобритании выразили надежду, отмечает «Таймс», что упрощение правил по созданию гибридов человека и животных превратит страну в мировой центр по таким исследованиям, которые могут привести к крупным открытиям, направленным на ликвидацию дефицита донорских органов. Издание поясняет, что новые технологии помогут в будущем выращивать органы по индивидуальному заказу в овцах или свиньях. Итак, эксперименты по пересадке частей человеческого мозга приматам, а также опыты по созданию животных, напоминающих человека, будут проводиться на «законных основаниях».

Биолог Алексей Смирнов, который на протяжении многих лет собирает информацию о проводимых в разных странах экспериментальных исследованиях в области межвидовых трансформаций, рассказывает:

«Фактически работы по созданию живых существ, которые не существовали до сих пор в природе, учеными выполняются уже давно. Вот только один пример, позволяющий провести параллель с нынешними американскими новациями. В ноябре 2008-го в Англии было официально разрешено проводить эксперименты с гибридами человека и животных при условии: нельзя выращивать гибридные эмбрионы старше двух недель. По истечении 14 суток с момента оплодотворения такие зародыши должны быть обязательно уничтожены...»

Реально контролировать проведение экспериментов в данной области могут только сами ученые. И меня волнует вопрос: ошущают ли те, кто занимается подобными исследованиями, тот рубеж, который ни в коем случае нельзя переступить? Даже из самых благих побуждений. А ведь результаты таких далеко зашедших опытов фактически непредсказуемы...

Еще в 1980-е наметился серьезный прорыв в области биотехнологий. В 1984 году в ходе проведения эксперимента была получена овце-коза — первый успешный результат искусственной гибридизации животных. По сути своей, это как раз и есть та самая химера...

Используя подобные методики можно сделать, например, из обезьяны человека. Внешне это будет почти обезьяна, но способности к речи, понимание речи и мышление у нее будут как у человека. По информации, которая просочилась в западную печать, в США около 10 лет назад была подана заявка на создание гибрида человекообразной обезьяны и человека. Однако патентное бюро отклонило ее по этическим соображениям.

Впрочем, из этого вовсе не следует, что эксперимент по выведению обезьяно-человека не проводился. Он вполне мог быть осуществлен в так называемой серой зоне, на которую не распространяется закон. Мне удалось «выловить» неофициальные сведения, что в Йеле, в одной из частных компаний, проводились (и, возможно, проводятся до сих пор) опыты по выведению «гуманзе» — химеры человека и шимпанзе.

Такой гибрид, по мнению Роберта Стейффера, профессора Висконсинского университета, вполне вероятно, будет наделен речью и повышенным по сравнению с обычной обезьяной потенциалом обучаемости. Очевидно, в случае с «гуманзе» речь идет не о полном соединении генома человека и шимпанзе, а о частичном. Насколько я понял, планируется вырастить химеру, благодаря имплантации человеческих стволовых клеток мозга в зародыш шимпанзе».

По мнению ряда «специалистов», скрещивание с животными может помочь создать невероятно выносливых и в то же время «довольно покорных» обезьянолюдей, которых можно будет использовать на особо тяжелых работах. Например, в шахтах или на строительстве железных дорог...

Противники идеи генного скрещивания человека и животного называют эти исследования аморальными. «Это просто какие-то опыты Франкенштейна, — возмущенно говорят они. — Если на свет появятся гибриды людей и животных, это приведет к возникновению множества проблем. Не совсем понятен статус этих мутантов — будут ли они иметь права людей, или же они будут приравнены к животным?». И это далеко не единственный вопрос, который беспокоит тех, кто категорически выступает против безумных экспериментов, в том числе и ряд религиозных организаций.

Вне всякого сомнения, кощунственные опыты над Божьими тварями, а тем более создание различных монстров на основе человека могут не только привести к случайному и неконтролируемому результату, но являются явным покушением на Промысл Господень о мире и человеке. Это уже не первая попытка ученых поставить себя на место Бога. И опыты эти, если их не остановить, закончатся весьма плачевно.

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

Читаем в новостях: в Петербурге на школах и больницах сэкономят 2,6 млрд., чтобы достроить стадион «Зенит-Арена». В связи с этим вспоминаются слова Салтыкова-Щедрина: «Если бы я уснул, а проснулся через сто лет, и у меня спросили, что происходит в России, я ответил бы — пьют и воруют...»

Конечно, воровать с тех пор не перестали, прав был классик. Но есть и кое-что новенькое в наших нынешних реалиях. Если бы меня спросили, какова самая главная, самая существенная черта нынешней постсоветской власти в РФ, я бы ответил — это производство впечатлений. Понты, пускание пыли в глаза, внешние эффекты и показуха. В ущерб нормальной жизни. Отсюда и самые дорогие в истории Олимпиады за 50 млрд. долларов. Отсюда и чемпионаты по футболу за триллион, Универсиада в Казани за 120 млрд. руб, саммит АТЭС во Владивостоке за 700 млрд., концерты виолончелистов в Пальмире, Евровидение и прочие показушные «вперёд Россия!». И все эти пляски происходят в стране, где 22 миллиона человек живут за чертой бедности, где средняя пенсия равна 200 дол., где средняя зарплата опустилась уже даже ниже китайской, где 70% жилого фонда нуждается в ремонте, и где 2/3 населения почти все свои доходы тратит на еду.

И самое печальное, что простой народ тоже заразился этим маразмом, этой всеобщей идеологией «казаться, а не быть». В Сети наделала шуму история про то, как какой-то малолетний придурок недавно проехал на BMW по пешеходной зоне московского парка Музеон. По-сути, новость не стоит выеденного яйца. На Западе этому гонщику выписали бы штраф и по-тихому упаковали на пару недель в камеру. Но только не в России. У нас этот случай взорвал Интернет. Почему? Потому что он не нишеброд какой-нибудь, он — «мажор», крутой «чел» на машине за 4 миллиона. Ведь в центре внимания россиян теперь не ученые, не деятели искусств-

ва, не работяги. В их центре внимания — люди с «бабками», которые умеют «классно отрываться» и «взрывать инстаграммы с ютубами».

Никому нет дела до науки, до истории, до саморазвития. Никто не интересуется нормальной жизнью. Россияне не живут, они, по большей части, понтуются. От президента с его всевозможными олимпиадами до простого офисного планктона с его набором того, что входит в перечень «успешного человека». Свадьба должна обязательно быть как «у всех», с тамадой, фирменным фотографом и кучей гостей в «приличном ресторане». Машина — не иначе новая иномарка, пусть и в кредит. А еще — «айфон», а отдых — обязательно за границей, теплые полы в квартире и дача за городом. Чтобы перед знакомыми покрасоваться и произвести впечатление на окружающих.

И пока россияне занимаются всеми этими бирюльками в ущерб нормальной жизни и нормальному развитию страны, прагматичные китайцы, хитрые иранцы, воинственные турки и эгоистичные европейцы ждут не дождутся часа, когда можно будет прихлопнуть эту бесполезную ярмарку тщеславия вместе с её обитателями.

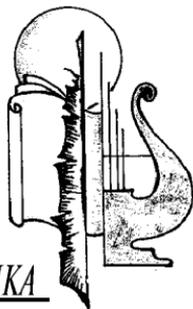
г. Великий Новгород

Анатолий АВРУТИН,
поэт, главный редактор
журнала «Новая Немига литературная», г. Минск

РЫЦАРЬ РУССКОГО ОБРАЗА

Заметки о поэзии Валерия Хатюшина

Более «русского» поэта, чем Валерий Хатюшин, в современной русской словесности назвать трудно. Я имею в виду не только давным-давно очерченную поэтом гражданскую позицию (в данном случае — не это главное), а врожденную, генетическим слухом уловленную приверженность традициям именно русского стихосложения, когда душа поэта, ранимая и терзаемая происходящим вокруг, являет себя читателю во всей своей незащищенной обнаженности, будто вывернутая наизнанку. Без ёрничанья и кривляний. Без коверканья русской речи. Без насмехательства над реалиями бытия. С болью из-за них, болью нестерпимой и тут же передающейся истинному читателю — да, но, разумеется, без злорадства и печеринского «как сладостно Отчизну ненавидеть», тысячекратно осовремененного, но от этого не потерявшего своей русофобской сути разного рода орлушами и быковыми... В изящной словесности сегодня тоже, увы, засилье «либералов», для которых слово «Родина» сродни страшилке, а само творчество понимается ими как нечто

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

среднее между игрой в буриме с непременным коверканьем русской речи, покуриванием кальяна и ловлей покемонов...

Поэтика Валерия Хатюшина зиждется совсем на других основах. Она впитала в себя и тютчевскую раздумчивость, и лермонтовскую тоску, и блоковскую любовь к женщине, и умение по-есенински удивляться каждой березке... При этом поэт в лучших образцах своей философской лирики всегда остается самим собой, с только ему присущей, хатюшинской, манерой и узнаваемым поэтическим голосом:

*Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном померкшим до рассвета
унылый дождик будет моросить.*

*Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не растревожен взгляд.*

*Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнется — тишина.*

*Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.*

Какая пронзительная печаль в этих строках. Сколько в них одиночества и, казалось бы, почти беспросветной тоски... Но... «Лишь ива за окном, лишь дождь и ветер» — эти малоприметные в суете жизни вещи заставляют хатюшинского героя (не воспринимаю набившего оскомину слова «лирический») продолжать жить и бороться...

Вообще, в лирике Валерия Хатюшина последних лет печаль, пусть и светлая, ничем не омрачающая сознание читателя, присутствует всё настойчивее. Груз прожитого и выстраданного, и утраты, утраты, утраты... Поэт не умеет лгать и притворяться, а потому и строка его, становясь всё мудрее, просветляет нам нынешний облик автора — эдакого «рыцаря печального образа», только не донкихотствующего, а

продолжающего сражаться с отнюдь не ветряными мельницами русофобии, лжи и несправедливости. Понимающего, что силы не равны, зло одолевает, но всё равно до конца надеющегося на лучшее, на то, что Господь не оставит и светлое пробьется через мрак:

*Когда уходят ласковые дни,
ты знаешь — это жизнь уходит с ними.
И ты по ним без ропота вздохни.
Тоска смертельной немощи сродни.
Гони ее минутами слепыми.
Когда уходят ласковые дни...*

*Что ж, может быть, последнее тепло
тебя хранит последним этим летом.
Пока оно еще не истекло,
и солнце лишь на краткий миг зашло,
чтоб растопить тоску твою с рассветом.
Да, может быть, последнее тепло...*

Впрочем, до «последнего тепла» автору, не сомневаюсь, всё же далеко... Он это и сам внутренне прекрасно осознает, ярчайшим подтверждением чему является светлое чувство пусть мимолётной и даже не любви, но влюбленности, любовной озаренности, если хотите, которое присуще исключительно мудреющим с возрастом, но не потерявшим умения обожать людям:

*Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землей вагоне
глаза в глаза — вдвоем стоим.
Мы под землей летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
ее глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.*

*Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отраженные в стекле.
И всё еще летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...*

Почти никогда не цитирую стихи целиком, выбирая лишь наиболее знаковые строки. Но здесь поймал себя на мысли о том, что частичное цитирование этого удивительного стихотворения попросту невозможно — каждая последующая строка цепко хватается за предыдущую и одновременно является безусловным началом последующей... Убеждён, что перед нами еще не оценённый толком современниками шедевр, который по силе звучания, философской глубине и пронзительности чувств можно смело включать в сокровищницу русской словесности.

К лучшим образцам отечественной любовной лирики можно, безусловно, отнести еще одно хатюшинское стихотворение. Пусть оно очень и очень личное, что лишь подчеркивает тот факт, что своему читателю автор доверяет безгранично:

*Нас тоже на свете любили...
Два царских подарка мне были.*

*Два имени связаны с ними,
душою навечно хранимы.*

*Два самых заветных подарка,
под солнцем сияющих ярко.*

*Две шумно зовущих стихии
в сердечной моей ностальгии.*

*Как два неизбывных свиданья,
как два неразрывных названья...*

*Балтийское море — Татьяна
и Черное море — Оксана.*

Неизбывная печаль по двум дорогим сердцу женщинам... Думаю, читая эти стихи, мало кто просто безразлично скользит глазами по строчкам...

Знатоки и ценители поэзии Валерия Хатюшина давно заметили, что философская лирика его удивительно музыкальна. Как музыкальна сама душа русского народа. Неудивительно, что многие творения поэта прекрасно ложатся на музыку и часто становятся песнями. Поэт в одной из своих заметок как-то обмолвился о том, что музыка в человеческой жизни является реальным проявлением Бога, имеет духовное происхождение, поскольку исходит не из сознания, а из души, является частицей Божественного (Святого) Духа. А заодно напомнил, что уже сами названия нот многое объясняют:

Do — Dominus — Господь;

Re — Rerum — материя;

Mi — Mirakulum — чудо;

Fa — Familias Planetarum — Солнечная система;

Sol — Solis — Солнце;

La — Laktea Via — Млечный Путь;

Si — Siderae — небеса.

Иными словами, если я верно истолковал мысль автора, музыка, а следом за ней — и поэзия, это привнесение, согласно Божьему промыслу, небесного чуда в нашу материалистическую реальность... И чудо это вполне может реализоваться в совершенно заурядных и доступных каждому мгновениях бытия. Например, во время нечастой встречи с приятелем на берегу речушки, когда души раскрепостились от общения с природой и мир воспринимается чуточку иначе:

*...Не пьем давно, а хочется
по малому глотку...
И вот душа-пророчица
развевла тоску.*

*...Граненые стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
осыпалась сирень...*

Стихи, несмотря на всю филигранность строки, понимаются, по своей масштабности заметно отличимые от цитированных выше. Но ведь не из одних же недоступных вершин состоят горы...

Впрочем, повторюсь, печали в стихах Валерия Хатюшина последних лет достаточно много, и его герой, едва насладившись маленькой радостью, еще острее понимает, что время

неумолимо, и вот-вот «истает этот нежный день, // иссякнет
трав благоуханье, // плаксивых туч немая тень // загасит озера
сиянье...» А потом:

*И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятия.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...*

Или вот это:

*Опадают листья, опадает жизнь,
всё уходит в вечность — больно, неизменно.
В мире этом брэнном сколько ни кружись,
обратишься в землю, а земля — нетленна.*

Как видим, несмотря на всю внешнюю беспросветность стихотворения, для автора очень и очень важна нетленность родной земли. Именно поэтому свет в конце тоннеля всё же брезжит:

*Прошумят и стихнут желтые дожди,
и с метелью первой облетят берёзы...
Всё ещё надеюсь — в дышащей груди
не остудят сердца белые морозы...*

Существует давний спор о том, когда же и в чём больше всего проявляется суть поэзии. Очень многие утверждают, что поэзия — это когда красиво. Может быть, но меня такое творчество интересует мало. По мне поэзия — это когда от прочитанного душу что-то пронзает... Когда становится внутренне больно, а порой и страшно... Именно поэтому мне столь близка философско-любовная лирика Валерия Хатюшина, в которой всё это присутствует в полной мере. Как и умение даровать читателю счастье хоть немного проникнуть во внутренний мир поэта, к чему столь часто стремятся истинные ценители русской словесности.

Возникает естественный вопрос — почему же при очевиднейшей одарённости автора, наличии в его творческом багаже столь ярких произведений и достаточно широкой личной известности анализу его творчества критика уделяет столь мало внимания? Ведь современных авторов, чью лирику можно поставить на одну доску с процитированными выше стихами, легко перечесть по пальцам одной руки. Да и то не все

пальцы понадобятся... Проще всего в качестве ответа процитировать произнесённые еще четыре столетия назад слова великого английского поэта и драматурга Джозефа Аддисона: «Из всех представителей рода человеческого зависти и злословию более всего предаются плохие поэты...» Или знаменитое блоковское: «Здесь жили поэты, и каждый встречал другого надменной улыбкой...» И это будет правда... Только не вся, и об этом тоже следует сказать. Ибо сегодня в литературе, раздробленной на группки и низведённой по уровню организации до клубов по интересам, очень часто главенствует принцип: наш, не наш... Гением, а, следовательно, признанным и скрупулезно анализируемым, может быть признан лишь автор из своей тусовки. У других тусовок — свои корифеи и классики... Чаще всего широкий читатель не знает ни тех, ни других.

Собственно, теперь, в нынешней ситуации, до русской литературы как мирового феномена — одного из самых значительных явлений, которые дала миру Россия, уже почти никому нет дела. А поскольку Валерий Хатюшин — персона, в литературном сообществе (сообществе ли?) известная своей непримиримостью к «либерально-демократической колонне» и к навязанным ею общественным процессам, при которых русская культура, русская традиция, русская песня и, в конечном итоге, русская душа обречены на попрание и уничтожение, — этими силами делается всё возможное, чтобы замолчать, принизить, оболгать творчество замечательного поэта.

Справедливости ради отмечу, что Валерий иногда сам нарочито «подставляется», когда в его стихах социальной направленности нет-нет да и проскакивают слишком откровенные словечки в адрес людей, которых он искренно, всей душой ненавидит. Понимаю — достали, сил нет... Но так ли уж необходимо было в стихах (!) вопрошать, не ужалена ли, извините, в задницу пресловутая госпожа Новодворская?..

Валерий Хатюшин — не просто поэт. Сегодня его имя олицетворяется со старейшим в России литературно-художественным журналом «Молодая гвардия», редакцию которого он возглавил в наиболее трудный для издания момент. Возглавил и с честью ищет и находит пути для сохранения издания. Не продавая при этом страницы журнала под публикации творений богатеньких, но бездарных авторов, как это от безысходности порой делают некоторые его коллеги...

Впрочем, для творца разного рода схватки идей и мнений, поддержка тех или иных процессов в обществе или, наобо-

рот, их крайнее неприятие, дело вполне обыденное. Так в русской литературе было во все времена. Достаточно вспомнить непримиримые схватки «западников» и «славянофилов» еще в пушкинскую эпоху... Время всё расставляет на свои места, и сегодня книги многих некогда непримиримых идейных противников мирно соседствуют на одной полке, владельцы которой порой и не знают о взаимоотношениях их авторов. Главное — написанное, то, что останется потомкам... А потому не сомневаюсь, что спустя десятилетия пронзительная лирика Валерия Хатюшина будет восприниматься в одном ряду с лирикой лучших русских поэтов — от Баратынского до Рубцова. Потрясая читателей чистотой чувств, пронзительностью и правдой...

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

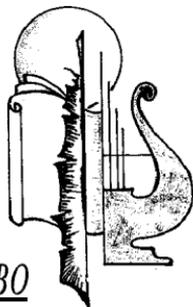
АЛЕКСЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЕНЕЦИАНОВ
(1780 — 1847)

Алексей Гаврилович Венецианов родился в Москве, в семье купца. Отец его торговал плодово-ягодными кустами, вареньем и время от времени давал в «Московских ведомостях» объявления о продаже картин.

В ту пору многие в Москве торговали картинами. Они были разного достоинства: для простого, невзыскательного покупателя и для настоящих ценителей живописи. Отец Алексея Венецианова продавал картины, писанные пастелью. Пастельная живопись сама по себе изящна, а в рамках и под стеклом выглядела особенно хорошо. У автора этих картин, так и оставшегося безымянным, как большинство русских художников из дворовых людей, Алеша Венецианов учился рисунку, учился мастерить рамки и обрезать по размеру стекла.

Родители не думали делать из сына художника. Учился он в пансионе, но живопись тоже не оставлял. Ходил в галерею М.П. Голицына, которую называли «Московским Эрмитажем», копировал пастелью любившиеся картины.

Окончив пансион, работал чертежником в земельном ведомстве. Одновременно совер-

ИСКУССТВО

шенствовался в пастельной технике, дойдя в ней до виртуозности. Мечтал о Петербурге, об Академии художеств. В 1802 году Алексей Венецианов простился с Москвой.

По приезде в северную столицу дал объявление в газету: «Венецианов, списывающий предметы с натуры пастелем в три часа, живет в Рижском кофейном доме». Помнил рекламные объявления отца. Но в Петербурге такие рекламы ничего не решали, там всё решала протекция. Обращение Венецианова к публике не привело к желанной цели. Мечта начать в столице жизнь профессионального художника не сбылось. Только через два года он получит первый заказ на портрет.

Сначала Венецианов служил в канцелярии директора почт, затем в лесном департаменте. В свободное время ходил в Эрмитаж копировать картины, принимал заказы на портреты и вскоре стал пользоваться известностью гораздо большей, чем некоторые академики живописи. «Рисующий чиновник» — называли его в Петербурге. Большинство его работ было выполнено пастелью, которой до Венецианова редко пользовались русские живописцы.

Вскоре он сблизился с прославленным портретистом Боровиковским, став его учеником. Семьи Боровиковский не имел, ученики жили в его доме и на его хлебах. То, что ученики переселялись в дом учителя, было стародавней не только русской, но и европейской традицией. Боровиковский очень ответственно понимал профессиональный художнический долг перед самим собой и перед людьми и старался передать это ученикам. Венецианов совершенствовался у него не только как художник, он постепенно созревал как личность. Много значила и атмосфера в доме Боровиковского, наполненная творчеством.

Россия в ту пору переживала сложный процесс зарождения и развития национального самосознания. Академия художеств как будто бы откликалась на призывы общества обратить свой взор на родную почву, однако ее вниманием пользовались только «заслуженные люди отечества». Между тем идея национальности неразрывна с уважением к простому народу. Венецианов не раз бывал в Академии. Сравнивая торжественность академических произведений с произведениями Боровиковского — теплыми, искренними, у него появилась мысль соединить их вместе.

Писал Венецианов в те годы не очень много, больше размышлял. Понял, что в России быть свободным художником почти невозможно, надо хотя бы получить официальное звание художника. По академическому уставу те, кто не учился в Академии, имели право вначале представить работы на звание «назначенного», то есть художника, а затем, если работы

будут одобрены, на звание академика. Венецианов решил представить на конкурс свой автопортрет. В XVIII веке и начале XIX автопортреты и портреты художников писались довольно редко: положение живописцев на общественной лестнице было так незначительно, что и личности их считались малоинтересными. Представить на конкурс свой автопортрет было со стороны Венецианова дерзостью. Но члены академического совета прежде всего являлись профессионалами, они сумели разглядеть высокие художественные достоинства автопортрета. Венецианов получил звание «назначенного». Программой на звание академика был портрет инспектора Академии К.И. Головачевского. Написав его с блеском, Венецианов 1 сентября 1811 года стал академиком. И в том же году получил повышение по службе, став губернским секретарем.

Жизнь его до отказа наполнилась трудами и хлопотами. К тому же он вскоре женился, обзавелся детьми и для заработка брал заказные портреты. Суэта Петербурга начала утомлять. Подкопив денег, Венецианов купил имение Сафонково в Тверской губернии и круто переменял свою жизнь. Было ему уже сорок лет.

Когда человек попадает на новое место и остается наедине с собой, ему всегда приходят серьезные мысли, как бы собирающие в одно целое его растерянную, разбитую сутолокой сущность. Еще нет определенности, но в голове уже что-то укладывается, уравнивается — и вдруг выступает перед просветленным взглядом прежде туманная перспектива жизни.

Так было с Венециановым, когда он бродил по окрестным полям своего небольшого имения, когда смотрел на крестьян в их повседневном труде или в редкие праздники. Поначалу испытывал чувство раздвоенности, не зная, к какому лагерю принадлежит и должен принадлежать — к тому, который в стенах Академии, или к тому, который теперь перед ним? Не раз задавался вопросом: где правда? Там или здесь? Или она в самой жизни?

Все-таки понял: мертв человек, который стоит на месте, и он должен идти, если хочет быть жив. Пристально останавливал взгляд на ком-нибудь из крестьян. Это был взгляд, каким смотрят на человека, внутреннюю красоту которого неожиданно почувствовали, и человек стал своим, близким... Крестьяне пугались, смущались. Потом привыкли.

Венецианов начал картину «На пашне. Весна». Сюности он любил полотна Сандро Боттичелли, жившего в конце XV— начале XVI века. Копии с его картин «Рождение Венеры» и «Весна» иностранные купцы в изобилии привозили в Москву. Изумительные пропорции юных тел, мечта и фантазия Боттичелли завораживали Венецианова. Весна кидает вокруг себя розы и

лилии, она беременна новой жизнью — это гармония мира, это вечная радость и обновление! Будучи классиком и романтиком одновременно, Венецианов в своей картине «На пашне. Весна» переключнулся с Боттичелли. Но сделал свою Весну крестьянской женщиной. Спокойная, с кротким взором, с пропорциями античной богини, она ведет коней по вспаханному полю. Лазурное небо, мягкая зелень, приглушенный колорит земли, легкая золотистая дымка над пашней... Это причащение человека к вечности через слияние с миром природы.

Впервые в русской живописи была изображена русская природа, впервые представительницу низшего сословия отождествили с античной богиней и приподняли над миром. Впервые было показано, как на русском нечерноземье совершается великое таинство круговорота жизни. Как художник Алексей Гаврилович в этом направлении сделал огромный рывок вперед, далеко обогнав всех своих современников.

А деревенская жизнь открывалась ему всё шире. Прошли весенняя пахота и посев, прошел сенокос, и вот уже жатва. Художник берется за кисть и пишет картину «На жатве. Лето». Пишет с натуры, без заготовленных этюдов. В этой картине Венецианов добился высшего мастерства овладения пространственными деталями — вершины тогдашнего русского искусства. Картина была показана в 1824 году на академической выставке в Петербурге вместе с другими картинами и портретами, написанными Алексеем Гавриловичем в Сафонкове.

В просторных залах, увешанных «шедеврами», по мнению столпов Академии, народ почти не задерживался. Изображенные на них архитектурные руины в окружении кипарисов, громоздящиеся скалы итальянских побережий, панорамы улиц и площадей иноземных городов вызывали досаду: одно и то же, одно и то же! Самое большое оживление царило в третьем зале. Здесь среди прочих картин висели шесть небольших полотен Венецианова в скромных рамах. И казались они прорубленными окошками в мир — добрый, родной, с его свежестью и понятностью!

Произведения Венецианова были встречены очень тепло. Критики подчеркивали, что в картинах его — всё русское, всё невымышленное, всё взято из самой природы. Собиратель картин, публицист П.П. Свиньин, сам неплохой живописец, назвал живопись Венецианова подвигом. Поэт, критик и журналист А.Ф. Воейков восклицал: «Благословение сему достойному уважения художнику невольно вырывается из сердца!»

Однако признания в официальных кругах Венецианов не получил. Академия художеств не скрывала неприязненного отношения к художнику, тяготевшему «ко всему низменно-

му». Он мечтал о месте преподавателя Академии, страстно желая передать свои знания и опыт молодежи, но это оказалось недостижимым.

Алексей Гаврилович вернулся в Сафонково и продолжил налаживать свое маленькое хозяйство. Умело применяя агрономические рекомендации, добился регулярных и достаточно обильных урожаев. Появились скотный двор, небольшой конезавод, молочная ферма. Но заботился Венецианов не только о собственном благополучии. Он построил больницу в Сафонкове, содержал доктора, и сам, бродя с мольбертом по окрестным полям, неумоимо собирал лекарственные травы. Устроил школу для крестьянских детей, создал «мирской склад», где при необходимости крестьянин мог получить зерно, а осенью возратить без процентов. Впоследствии Венецианов добился, что самый бедный его мужик имел две лошади и по четыре-шесть голов рогатого скота.

Порой ему казалась, что взятая на себя обязанность непосильна, и тогда он писал родным: «Обязанности помещика очень тяжелы, ежели их выполнять по законам гражданским и церковным». Но в Сафонкове у него была огромная возможность творить, сама природа способствовала тому. На высоком берегу речки Ворожбы Алексей Гаврилович написал «Спящего пастушка» — тихую, поэтическую картину. Трактровка пейзажа, связь человека с природой — все было новым, блистательно разрешая задачу всей европейской живописи.

Венецианов организовал у себя художественную школу для талантливых крепостных из Сафонково и окрестных имений. Теперь Сафонково кормило и семью Венецианова, и всех его воспитанников. И не только хлебом насущным. Практически все жанровые картины художников школы Венецианова родились здесь, среди округлых холмов и густых лесов, на берегу тихой речки Ворожбы.

В 1827 году Алексей Гаврилович снова надолго уехал в Петербург. В столице у него была большая мастерская, и художественная школа переместилась туда. Живописец Аполлон Мокрицкий вспоминал впоследствии: «Мы все пришли к нему голышами; у каждого были свои нужды; он помогал нам всячески, и все мы теперь едим хлеб, и кто жив из нас, все, все живем его попечением о нас... И знаете что еще? Ни один дурным путем не пошел; он и воспитывал нас, и добру учил, кого и грамоте заставлял учиться. Его семейство было нашим семейством, там мы были как его родные дети... Многих он своим ходатайством на свободу вывел, обо всех хлопотал как о своих детях: тому урочек достанет, тому работку».

Венецианов отдавал ученикам главные свои силы. Наставлял «ничего не изображать иначе, чем в натуре является, и

повиноваться ей одной без примеси манеры какого-либо художника». Он знал, что таким путем ученики приблизятся к правде и красоте вернее, чем годами копируя римские и греческие образцы. Но полностью не отрицал академической выучки. Некоторых питомцев посылал в академические классы, где их охотно принимали и не раз отмечали наградами.

В петербургской квартире Венецианова бывали Пушкин, Крылов, Жуковский, Кольцов, Гоголь... Она стала своеобразным литературно-художественным салоном. Чувствуя себя чужаком в среде живописцев, Венецианов в кругу литераторов всегда был своим. Это даже нашло отражение в знаменитой картине Чернецова «Парад на Марсовом поле», где Венецианов стоит поодаль от группы художников, но рядом с Пушкиным, Жуковским и Крыловым.

Жизнь Алексея Гавриловича проходила между Сафонково и Петербургом. Однако всё реже он стал покидать свое большое имение: суетность столицы мешала творчеству. «Зачем, для чего это?» — пожимал он плечами. В Сафонкове ему было спокойно, хотя для ведения хозяйства силы были уже не те. Жаловался племяннику: «В 57 лет у человека, который жил не для того, чтобы есть, а ел для того, чтобы жить, желудок внутреннего существования спотыкается. Вот, мой почтеннейший, 24 декабря, сиречь в сочельник, я и споткнулся, мне и руду (кровь) пускали, от роду первый раз, и снадобья в рот влили. Дня через два-три я глядь — ан рыло на стороне, однако и теперь косит, да не так. Отняли у меня кофе, водку, вино, крепкой и горячий чай, сигары, а дали суп из телятины, што со снегу, да воду с кремонтартаром. Мне велено жить на улице, и я, невзирая на выюгу и мороз, брожу — да как же, раз по пяти и по шести в день... Устал».

Устал Венецианов и от безденежья. Содержание художественной школы обходилось дорого, небогатый помещик не вылезал из долгов. Уже было заложено Сафонково, оставалось заложить имение жены, и тогда Алексей Гаврилович решился напомнить о своей школе императору Николаю I.

К русским царям Венецианов относился с почтением и уважением. В немалой степени это было вызвано тем, что Александр I и особенно его супруга покровительствовали искусству Алексея Гавриловича. Академия художеств приобрела у него только одну картину, а царская чета поддерживала художника с первых его шагов. Картина «Очищение свеклы» хранилась в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца. Эту картину и картину «Гумно» высочайшим повелением приказано было внести в каталог эрмитажной коллекции, а картина «Утро помещицы» открывала собой русскую галерею в Эрмитаже.

После восшествия на престол Николая I ситуация изменилась. В письмах Венецианова всё чаще стали проскальзывать ноты тоски. И все-таки император внял униженной просьбе художника, назначил небольшое пособие для содержания школы. Затем по ходатайству высокопоставленных поклонников Венецианова, ему было присвоено звание «художника государя императора с причислением к кабинету его величества». Звание это, ничего не требуя, давало в год 3000 рублей. Можно было сводить концы с концами.

Болезнь, вызванная огромным нервным напряжением, отступила, художник снова писал картины, создав галерею образов русских крестьян. Непринужденной всего держали себя на его сеансах дети. Их портреты особенно были полны жизни и правды. Портрет «Девочки в платке», ставший неоспоримым шедевром, был написан мягкими, легчайшими касаниями кисти. Девочка будто пришла на минутку к художнику, и уже поспешает обратно.

Венецианов поехал в Петербург, вновь хлопоча о месте преподавателя Академии. Нет, и на этот раз он не был допущен. Его боялись. Боялись его идейного, художественного, нравственного влияния на молодежь, боялись даже самого духа его исканий! Питомцы Венецианова при поступлении в Академию не смели упоминать его имени! Дошло до того, что ученик Славянский, выкупленный Венециановым из крепостной неволи, а также крепостные ученики Бурдин и Антонов в своих прошениях написали, что обучались художеству «дома у родителей».

Последней надеждой Алексея Гавриловича стала Москва: взять на себя обязанности наставника в недавно открытом Училище живописи, ваяния и зодчества. Увы, оказалось, и там взращивали идеалы, одобренные Академией. Художник вернулся в Сафонково.

Зимой 1847 г. Венецианов получил большой заказ для тверской церкви. Окончив эскизы, решил сам отвезти их в Тверь. У села Поддубье лошади понесли под гору, ямщик выпрыгнул из саней, художник перехватил вожжи, но резким толчком его выбросило на обледенелую дорогу.

...Россия и не заметила утраты одного из лучших своих сынов. Как будто и не летела над вспаханным полем венециановская Весна — то ли крестьянка, то ли богиня; как будто и не вставал разумным прекрасным космосом светлый мир его полотен. Вокруг имени трагически погибшего художника надолго воцарилось молчание. И только через тридцать лет его вклад в историю русской живописи был оценен по достоинству.